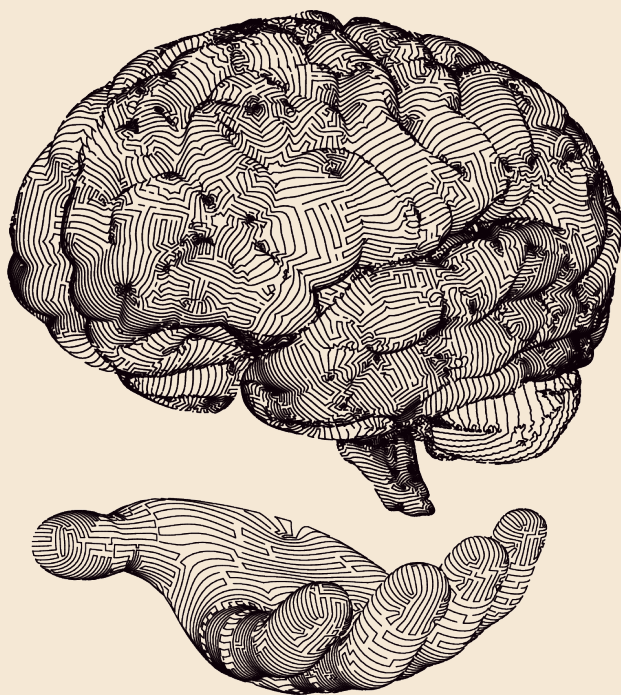

Историко-психологические основы формирования ментальности

Материалы
LVI Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 9 декабря 2024 г.

Санкт-Петербург
2024

«Историко-психологические основы формирования ментальности»

Материалы
LVI Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 9 декабря 2024 г.

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(0)

И 73

**Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Сергея Николаевича Полторака**

Историко-психологические основы формирования ментальности: Материалы LVI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9 декабря 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2024. ??? с.

В сборник материалов LVI Международной научной конференции Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева вошли доклады и сообщения ученых из России, США, Франции, Азербайджана. В публикациях рассмотрены историко-психологические основы формирования ментальности. В работе конференции приняли участие историки, культурологи, политологи, психологи, философы и другие специалисты. Материалы конференции представляют интерес для широкого круга читателей – любителей истории.

ISBN 978-5-6050229-8-5

©Авторы статей, 2024
©ООО «Полторак», 2024

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕЕ 338 Г. ДО Н.Э.: ТЕМА «БОЛИ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ

*The Battle of Chaeronea 338 BC: the theme of «pain» and its impact on
historical tradition*

Аннотация. Битва при Херонее была одним из важных сражений древности. Однако античные авторы оставили о нем мало сведений. По мнению авторов, сознательное молчание историков связано с тем, что воспоминание о битве вызывало отрицательные эмоции. Неприязнь греков к македонскому царю Филиппу, сформировавшаяся, во многом, под влиянием Демосфена, сохранялась целые столетия.

Ключевые слова: *Битва при Херонее, Филипп II, Демосфен, историческая традиция.*

Abstract. *The Battle of Chaeronea was one of the most important battles of antiquity. However, the ancient authors left little information about him. According to the authors, the conscious silence of historians is due to the fact that the memory of the battle caused negative emotions. The Greeks' dislike of the Macedonian king Philip, formed largely under the influence of Demosthenes, persisted for centuries.*

Keywords: *The Battle of Chaeronea, Philip II, Demosthenes, historical tradition.*

В 338 г. до н.э. у беотийского города Херонея произошло решающее сражение между объединенными силами греков и македонской армией Филиппа II. Крупнейшее столкновение IV в. закончилось полным разгромом греческих союзников (Diod. XVI. 87; Just. IX. 3. 4–11). Однако сообщения античных авторов об этой битве не просто фрагментарны, они несут особую смысловую нагрузку, формируя в исторической традиции представление, которое позднее будут пересказывать авторы так называемой Второй софистики, и в таком виде сохранится в источниках до наших дней.

Вероятно, разгром был очень болезненным воспоминанием для греков [1, с. 44], о котором, по нашему мнению, сами греки старались просто забыть. Интересно, что греки, и афиняне, в частности, и раньше проигрывали сражения, но это не служило поводом к забвению исторических событий. Можно вспомнить, например, о неудачном первом годе **Пелопоннесской войны** 431–404 до н.э., и о поражении Афин в ходе нее. Но мы располагаем подробной информацией о ее ходе благодаря Фукидиду, а затем Ксенофонт. Оба автора не замалчивают ни трудностей, которые переносили жители Афин, ни тяжелых итогов военных действий.

На этом фоне ситуация с битвой при Херонее выглядит совершенно по-иному. Во-первых, итог битвы был вполне предсказуем. Объединённая армия греков состояла из гоплитов — ополченцев греческих полисов, не обученных должным образом и выполняющих только самые простые команды [2, с. 69], за исключением лишь фиванского «священного» отряда (Plut. Pelop. 18). Афинский оратор Демосфен неоднократно упрекал сограждан в беспечности и медлительности (Dem. I. 10, 15; II. 4; III. 3–5; IV. 34–35, 37; VI. 3–5; IX. 1–5; X. 1). Македонская армия, напротив, была лучшей армией в мире того времени (Ael. Tact. XIV; Arr. Tact. 11. 1–4; Asclep. Tact. V. 1–2; Frontin. Strat. II. 1. 9; Polyae. IV. 2. 7). Поэтому победа македонян была закономерным явлением.

Во-вторых, контраст представляют мирные условия, которые получили Афины после Пелопоннесской войны и после Херонейского сражения. Ситуация была одинаковой: не могло быть и речи о каком-либо продолжении сопротивления, у греков оставался только один выход – принять предложенные условия мира. Но можно ли говорить, что македонский царь воспользовался своей властью? Политика Филиппа II была весьма продуманной. К Афинам, все еще располагавшим самым сильным флотом в регионе, Филипп проявил внимательное, дружеское отношение, несмотря на то, что именно Афины возглавляли антимакедонскую коалицию. Царь, проявив инициативу, предложил Афинам почетный выход из войны: он без выкупа возвратил пленных, передал тела погибших в битве при Херонее для погребения и направил послом в Афины своего сына Александра и своего полководца Антипатра для заключения мира (Just. IX. 4. 4–5). Единственным тяжелым условием для афинян стала потеря Херсонеса Фракийского, так как в результате этого под македонский контроль перешел понтийский хлебный путь, по существу вся морская торговля с Понтом, что ставило Афины в экономическую зависимость от Македонии [3, с. 157]. Но разве можно это сравнить с условиями, которые получили Фивы – союзник Афин в битве при Херонее (Paus. IX. 1. 8; 37. 8; IV. 27. 10; Diod. XVI. 87. 3; Just. IX. 4. 6–10). Через несколько месяцев Филипп создать такую систему отношений, которая сохраняла его господство над Грецией, но при этом греки не должны были страдать от ощущения угнетения [4, с. 187]. Его творением стала Коринфская лига, организованная на Коринфском конгрессе в 338 г.до н.э. Одним из первых условий договора лиги было провозглашение Общего Мира (Just. IX. 5. 2; Ps-Dem. XVII. 2; 4; 10; 30). Союз был заключен формально на равноправных началах, что нашло выражение в официальном обозначении нового содружества именами двух главных партнеров

- македонского царя Филиппа и эллинов (позднее Александра и эллинов: *Arr. I. 16. 7; II. 2. 2*). Для греков Филипп выступал как «гегемон», а не «царь». Участники союза были свободны от уплаты каких-либо податей (*Schol. ad. Demosth. XVIII. 89, p. 255, 12 Dindorf*), что также указывало на отсутствие непосредственного подчинения греческих государств македонскому царю.

Казалось бы, македонский царь приложил массу усилий, чтобы найти компромисс с афинянами, а затем было принято совместное с греками решение о войне с Персией, весьма заманчивое для многих слоев населения. Македонские интересы в данном случае совпали с популярными в Греции идеями панэллинизма, чем македонский царь не замедлил воспользоваться, взяв на себя роль вождя эллинов в борьбе с их старым врагом – Персией [4, с. 196]. Однако, источники, предоставляя информацию об урегулировании Филиппа в Греции, об отдельных статьях договора лиги, тем не менее, не описывают саму битву при Херонее.

Отдельные упоминания о битве 338 г. до н.э. содержатся в речах афинских ораторов: Демосфена (*Dem. XVIII. 285*), Динарха (*Dinarh. Contra Dem. 74*), Ликурга (*Lycurg. Contra Leocrat. 47–50*), Эсхина (*Aesch. III. 143*). Но нам не известно ни одного описания битвы при Херонее 338 г. до н.э., сделанного её очевидцем или участником, не сохранилось ни одного исторического труда авторов того времени [5, с. 438]. Для современных исследователей основными источниками для изучения хода сражения при Херонее 338 г. до н.э. являются труды Диодора (*Diod. XVI. 86*), Полиэна (*Polyaen. IV. 2. 2*) и Плутарха (*Plut. Alex. 9*). Но эти авторы писали через 300 лет после сражения, их данные разнятся практически по каждому моменту битвы при Херонее 338 г. до н.э., и определить точный ход сражения довольно проблематично [6].

Возникает естественный вопрос, что скрывается за молчанием источников об этой битве. Едва ли допустимо говорить, что они не считали ее значимой, чтобы посвящать ей свои труды и заметки. Напротив, еще Ликург в речи «Против Леохара» (50) говорил, что вместе с телами павших при Херонее была похоронена свобода греков. Вероятно, осознание того факта, что причина поражения лежит в самих греках, их подготовке и разобщенности, а последствия проигрыша оказались катастрофичны с точки зрения независимости Греции, было очень болезненным.

Переживания усиливались еще одним обстоятельством. Демосфен в своих речах выставил Македонию слабым противником, но сам бежал с поля битвы (*Plut. Dem. 20*). Попытка оправдаться в глазах со-

граждан выразилась в литературном приеме очернения противника. Грекам и прежде воспринимали Филиппа II как варвара [7, с. 130; 8], а благодаря речам Демосфена, убеждавшего сограждан в «варварстве» Филиппа II (Dem. IX. 31; III. 16), считали, что Филипп воевал не по греческим военным канонам, поэтому был бесчестным и вероломным [8]. Поэтому применение обманных маневров и тактических хитростей на поле брани считалось недостойным делом [9, с. 186]. Стоит отметить, что еще Геродат говорил не о варварском, а эллинском происхождении македонских царей (Herod. V. 22).

По нашему мнению, исторически сложившееся противопоставление эллинов варварам помогало поддерживать греческую культурную идентичность, но теперь отразилось в естественном негативном отношении греков к Филиппу II. Национальная идея, входящая в культурный код нации и имеющая важное значение для идеологии [10, с. 49], отводила Филиппу II роль разрушителя устоев Эллады. Эта битва практически перечёркивала все великие достижения предков. Негативное отношение к царю мы находим уже в отрывках труда его современника – историка Феопомпа, раскрывающего все пороки македонского монарха (FHG. Theop. fr. 178, 179, 249, 262, 298).

Таким образом, тема битвы при Херонее 338 г. до н.э. – это тема «боли», прежде всего, афинских граждан. Неприязнь греков к Филиппу, сформировавшаяся, во многом, под влиянием Демосфена, сохранялась целые столетия.

Литература и источники

1. Новосильнов А.С., Сивкина Н.Ю. К вопросу об интерпретации хода Херонейского сражения 338 г. до н.э. // *Via in tempore. История. Политология.* 2020. Т. 47. № 4. С. 673–682.
2. Konijnendijk R.B. *Ideals and Pragmatism in Greek Military Thought, 490–338 BC.* PhD. London, 2015. 222 p.
3. Hammond N.G. *Philip of Macedon.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 235 p.
4. Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // *Античная Греция. Проблемы развития полиса.* Т. 2. М.: «Наука», 1983. С. 157–207.
5. Sawckwell G.L. *Cyrene to Chaeronea: Selected Essays on Ancient Greek History.* Oxford: Oxford University Press, 2011. 485 p.
6. Сивкина Н.Ю., Новосильнов А.С. Битва при Херонее 338 г. до н.э.: проблема источников // *Клио.* 2022. Т. 181. № 1. С. 28–34.
7. Клейменов А.А. Желаемое и действительное: македонская армия и полководческие качества Филиппа II в корпусе речей Демосфена // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2022. №2 (76). С. 127–141.
8. Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Античная цивилизация и варвары.* М., 2006. С. 5–29.
9. Ferrill A. *The origins of war: from the Stone Age to Alexander the Great.* London:

Thames and Hudson, 1985. 240 p.

10. Бабосов Е.М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-suschnost-i-osobennosti> (дата обращения: 02.10.2024).

Н.В. кызы Мамедова

N.V. kyzy Mamedova

ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА КЫЗЫЛБАШЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Military discipline of the Qizilbash (based on the works of French-speaking researchers)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с военной организацией в государстве Сефевидов. На основе трудов французских исследователей дается характеристика структуры и состава армии Сефевидов, в период становления и формирования этого средневекового государства. Далее делается акцент на военных преобразованиях одного из видных правителей государства Сефевидов, вошедшего в историю под именем Шах Аббас Великий. При нем могущество этого средневекового государства Востока еще больше усиливается и по своему политическому весу оно встает в ряд таких могущественных мусульманских государств средневековья, как Османская империя, Империя Великих Моголов, государство Шейбанидов и др.

Ключевые слова: Сефевидское государство, кызылбаши, армия, Шах Исмаил I, Шейх, Шах Аббас I.

Abstract. The article deals with some issues related to the military organization in the Safavid state. On the basis of the works of French researchers, a characteristic is given to the structure and composition of the Safavid army, at the time of the formation and formation of this medieval state. Further, emphasis is placed on the military transformations of one of the prominent rulers of the Safavid state, who went down in history under the name of Shah Abbas the Great. Under him, the power of this medieval state of the East is further enhanced and with its political weight it stands among such powerful Muslim states of the Middle Ages as the Ottoman Empire, the Mughal Empire, the state of Sheibanids, etc.

Keywords: Safavid state, Qizilbash, army, Shah Ismail I, Sheikh, Shah Abbas I

Глубокое поклонение Шаху в Сефевидском государстве, со стороны воинов кызылбашей, особенно в начальные годы образования этого могущественного средневекового государства Азербайджана, помимо обожествления правителя, объяснялось и другими причинами.

Ибо, нельзя не учитывать тот факт, что члены правящей династии, прежде всего, являлись наследниками уже освященных шейхов-религиозных предводителей, имевших огромное число последователей – мюридов, как в Азербайджане, так и в Иране, Анатолии, Ираке Арабском и др. благодаря которым Шах Исмаил сумел собрать в Азербайджане многочисленную армию и создать государство Сефевидов с центром в Тебризе [4, с.86-87]. До того, как приступить к описанию племенных отрядов, войск, их структуры, обозначения военных титулов, мобилизации в период походов и войн, при первых Сефевидских правителях, затем регулярной кавалерии и оснащению ее, после реорганизации армии во времена правления Шах Аббаса I, хотелось бы дать краткую справку военной дисциплине, царящей в кызылбашских отрядах. В научном труде известного французского востоковеда Жан Обена «*L'avenement des Safavides reconsideré*» («Пересмотр пришествия Сефевидов») автор, ссылаясь на сведения французского дезертира из османской армии, дает некоторую оценку боеспособности сефевидских войск. Хотя воины Шах Исмаила в военном искусстве уступали османам и мамлюкам, однако доверяя своему новому Пророку (Шах Исмаилу – М.Н.), они умирали как бойцы веры, считая, что они вознесутся на небеса. «Они настолько смелы, что не покоряются никогда, всегда являются победителями...» [5, p.42-43]. Венецианский дипломат Константино Ласкари также приводит интересные данные о кызылбашских отрядах, существующей в них строгой военной дисциплине: «они имеют большой опыт ведения боя и владения оружием, и для кызылбашского воина оружие и конь превыше всего» [1, с.123-124]. Используя при написании своего научного труда сведения итальянского врача Гиовани Рота, а также свидетельства итальянских путешественников Франческо Романо, Антонио Тенрейро и Марино Сануто, Жан Обен пишет, что «культ, который они создали для Шейха, превращает их в истеричных бойцов, марширующих грудью на врага, счастливых умереть ради Исмаила и скандирующих, “Аллах, Аллах” или “Шейх, Шейх”. Ничто не могло противиться их ярости» [5, p.42]. Вполне можно допустить, что на эти качества кызылбашей полагались первоначально европейские правители, надеявшиеся, что воины Шах Исмаила сумеют противостоять оснащенной артиллерией и аркебузами османской армии. Во всяком случае, они не спешили оснастить сефевидское войско пушками и другим огнестрельным оружием. На наш взгляд, успехи основателя Сефевидского государства, связанные с историческими событиями в начале XVI века, а именно провозглашение себя Шахом в 1501г., далее присоединение к Азербайджанскому государству Фарса и Ирака в

1503 г., Диярбекира в 1508 г. и наконец, Хорасана в 1510 и 1513 гг., все это свидетельствует о его реальной политической силе, законности его намерений и безоглядной преданности ему племенных войск. Для определения численности войск кызылбашей, а также их противников, во время различных военных кампаний, мы вновь обращаемся к исследованиям Жан Обена: «для установления действительного количества воинов, следует искать не статистические данные, а экономические возможности данного племени, для мобилизации необходимой силы» [5, р.35]. К примеру, если в 1514 году Эмир бек Мосуллу, мог представить всего 300 оснащенных воинов кызылбашей, то в 1516 году, это число увеличивается до 1000 человек. По нашему мнению, эти данные указывают на увеличение доходов с этой области и возможность обеспечить большое количество воинов. Идентичное мнение мы наблюдаем также у посвятившего этой тематике отдельную статью английского историка Лоренса Локкарта [10, pp. 89-98]. Армия при первых Сефевидских правителях состояла из племенных отрядов, большинство из которых составляли туркмены. Постепенно, по мере продвижения завоеваний, главам этих отрядов передавали город или даже провинцию в качестве своего рода вотчины. Таким образом, сефевидскую армию можно рассматривать как племенное объединение, присущее туркоманским династиям XV века. Да и сам термин «кызылбаш» (от тюркского «красноголовые») тюркского происхождения, первоначально объединение туркоманских кочевых племен усаджлы, шамлу, румлу, афшар, зулькадар, текели, каджар говорящих на азербайджанском, тюркском языке [3, с. 252]. Как отмечает Жан Обен, в братстве кызылбашей, не было ни твоего, ни моего, а ели они все, что имели сообща [5, р.46]. Что касается оружия, то это были традиционные для того времени виды оружия: мечи, копья, луки и стрелы (шамшир, нейза, тир каман). Как отмечает французский исследователь Баке-Граммон, самое раннее свидетельство о наличии огнестрельного оружия в армии Шаха, основано на сообщении анонимного оттомана, из которого следует, что это сообщение было составлено вскоре после сражения в Эски Коч Хизар, либо в конце мая, либо в начале июня 1516 года. Сам французский историк, ссылается на документ E6320 архива музея Топкапы [7, р.200]. Согласно другому документу из архива Топкапы, E11838, Османский султан мог выставить около 100000 людей без тотальной мобилизации, у Шаха же было всего 18 000 человек, причем из них не более 10 000 человек, были в состоянии носить вооружение [7, р.204]. Также французские исследователи, делая особый акцент на тюркское происхождение династии Сефевидов, многие их традиции, в том числе и в военной организации

относят к тюркскому наследию. Шах Исмаил I, собирал свою армию, как из среды своих подданных, так и платящих дань (из Грузии, например). Равным образом, в армию победителей зачисляли плененных, и это было известным обычаем в мире тюркских средневековых завоевателей и довольно часто применялось Шах Исмаилом. По мнению известного французского ученого Ирэн Меликофф, кызылбашская пропаганда охватила и привлекла к себе полукучевые тюркские племена (гази), ремесленные организации (ахи), а первоначально идеологическим и духовным центром этого движения был дервишский орден (абдал). В упомянутом своем исследовании также французский ученый в подтверждении тюркской идентичности кызылбашей и самого основателя государства Сефевидов Шах Исмаила, приводит доводы, что согласно верованиям древних тюрков они молились на вершинах гор, чтобы быть ближе к небесам, т.е. к Богу. Ирэн Меликофф отмечает, что так поступали и кызылбашы и сам Исмаил [11]. Что касается расположения армии в момент боя, она образовывала центр и две фаланги, левую и правую. Также для боя назначались передовые и вспомогательные силы. Шах и его свита всегда занимала центр. Каждое из племен, должно было занимать определенное положение в одной из двух фаланг, не только на поле боя, но и в официальных церемониях. Данная традиция также корнями уходит к давней традиции тюркского кочевого мира [9, p.350]. Термины военных должностей, также соответствовали тюркской традиции, а именно у Шаха была шахская охрана “курчи” (тюркск. - лучник), которая набиралась из числа основных кызылбашских племен и получала жалованье непосредственно из шахской казны. Во главе каждой группы курчи, стоял юзбашы (сотник), а всей армией командовал курчи баши (глава сотников). При сыне Шах Исмаила I- Шах Тахмасиб I, появилось много видов артиллерии (топ, фаранги, бадлы и зарбзан), а также новый корпус аркебузирив. Но французские исследователи, учитывая юный возраст Шаха и беспокойную политическую ситуацию того периода, этот вооруженный аркебузами корпус, считали наследием Шах Исмаила, разгром которого при Чалдыране в 1514 году, сподвиг последнего создать корпус артиллеристов и аркебузирив. Примечательно, что Баке-Граммон в своей обширной монографии «*Les Ottomans, les Safavides et leurs voisins: Contribution a l’histoire des relations internationales dans l’orient Islamique de 1514 a 1524*», приводит факты о существовании огнестрельного оружия у Сефевидов накануне самого Чалдыранского сражения. «Наконец, мы смогли найти подтверждение в османских источниках, о венецианских дипломатах, которые сообщают, что среди торговцев и ремесленников Тебриза, депортиро-

ванных Султан Селимом в Стамбул, фигурировали мастера – оружейники, которые могли изготавливать пушки и арбалеты» [7, p.192]. Что касается блистательных побед Шах Аббаса I, над Османской империей, это во многом объясняется военными реформами последнего, который вошел в историю как крупный реформатор и в первую очередь, в военной области. «Стремясь уравновесить чрезмерную мощь кызылбашей, Шах Аббас поощряет продвижение на ключевые посты в армии, гулямов из христианских рабов» [12, p.129]. В историческом труде французского историка Луи Луис Беллана, целая глава посвящена прибытию английской миссии в составе двадцати семи человек возглавляемой братьями Энтони и Робертом Ширли. «По совету Роберта Ширли эмиссара английской короны, укоренившегося в государстве Сефевидов, вооруженные силы были оснащены настоящей артиллерией “с почти 500 орудиями, пушками и кулевринами”» [8, p.299]. Это способствовало одержанию Сефевидами ряда решающих побед в османо-сефевидской войне 1603-1618 гг. А самым сакральным для сефевидской армии, стало освобождение от османов Тебриза, в 1603 году, так как Тебриз был самым крупным и важным городом Сефевидского государства и местом коронации основателя Сефевидского государства – Шах Исмаила.

В качестве компендиума к нашей статье хотелось бы добавить, что возглавляемая племенными эмирами военная организация при первых Сефевидских правителях, ядро которой составляли кызылбашы, была организована в традициях тюркских государственных образований древности. Шах являлся не только правителем, но также духовным наставником, объектом поклонения и обожествления со стороны воинов кызылбашей. Известный русский востоковед Петрушевский И.П., ссылаясь на свидетельства анонимного историка Шах Исмаила I, приводит военный клич кызылбашей, перед началом боя. «У них был даже собственный клич на азербайджанском языке: “Qurban olduğum, sədəqə olduğum pirim, mürsidim” (“О, мой духовный наставник и учитель, жертвой которого я являюсь”))» [2, с.50]. *О сакральном отношении кызылбашей к своему Шаху, французский исследователь Жан Обен пишет следующее: «для кызылбашей Шах являлся Божественным даром, снабженным сверхъестественными полномочиями, чтобы господствовать для их интересов, ибо он Шейх, прежде чем быть Шахом...»* [6]. Фундаментальная структура сефевидского войска оставалась неизменной вплоть до начала правления Шах Аббаса I (1587-1629). При Шах Аббасе I, пришел конец военной мощи кызылбашей. Они потеряли свои должности – губернаторов провинций. Шах Аббас I уже опирался на корпус гулямов обращенных в ислам, в основном

грузин и черкесов, что ему позволило более не зависеть от эмиров кызылбашей. Крупный реформатор и полководец, проводивший административные, политические, военные и экономические реформы, создавший регулярную армию, ведущий успешные войны с османами и узбеками, отвоевавший ранее потерянные территории и превративший Сефевидское государство в централизованную абсолютную монархию, вошел в историю под именем Шах Аббаса Великого.

Литература и источники

1. Махмудов Я. Взаимоотношения государств Ак - Коюнлу и Сефевидов с Западноевропейскими странами. Баку, 1991, 264 с.
2. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI- начале XIX вв. Л., 1949. 182 с.
3. Пигулевская Н.В., Якубовский А. П., Строева Л. М., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, 392 с.
4. Эфендиев О.А. Образование государства Сефевидов. Баку, 1961. 208 с.
5. Aubin Jean L'avenement des Safavides reconsidere (Etudes safavides III) // *Moyen Orient & Ocean Indien*, V, Paris, 1988, 130 p.
6. Aubin Jean. *Chroniques persanes et relations italiennes. Notes sur les sources narratives du regne de Chah Esma'il* // *Actes de la table ronde Etudes safavides*, Paris, mars 1989.
7. Bacque-Grammont Jean-Louis. *Les Ottomans, les Safavides et leurs voisins: Contribution a l'histoire des relations internationales dans l'orient Islamique de 1514 a 1524*. Istanbul, 1987, 406 p.
8. Lucien-Louis Bellan. *Chah Abbas 1-er: savie, sonhistoire*. Paris 1932, 330 p.
9. Della Valle P. *La Turchia, la Persia*. Rome, 1972, 942 p.
10. Lockhart Lawrens. *The Persian army in the Safavid period*. *Der Islam*, XXIV, 1959, pp. 89-98.
11. Melikoff Irene. *The Worship of Shah Ismail in Turkey in past and present time* // *Journal of Azerbaijani Studies*, vol.1, Khazar University, Baku 1998, 62 p.
12. Newman Andrew J. *Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire*. *Library of Middle East History*, 2008, p. 281

«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО» И ФОРМИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЁННО-РЕСЕНТИМЕНТНЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

*“The Life of Alexander Nevsky” and the Formation of the Completely-
Ressentiment Foundations of Russian Mentality*

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап становления российского культурно-исторического сообщества как цивилизации завершённого ресентимента. В основе исследования — детальный анализ текста «Жития Александра Невского», позволяющий прийти к выводу о том, что фигура святого благоверного князя способствовала структурированию элементов завершённо-ресентиментной политической культуры, прочно вошедших в структуру российской ментальности. Имеются в виду следующие элементы: самоидентификация социума с самодержавной властью; «расщепление» фигуры «господина» на «физического» (самодержавная власть) и «морального» (Запад); стремление к одолению «неправедного» морального господина и получению от него признания морально-физического превосходства Руси/России над ним — в качестве главного мотива цивилизационной активности.

Ключевые слова: *ressentiment, resentment, завершённый ресентимент, цивилизация, культурно-историческое сообщество, Русь, Россия, Александр Невский, физический господин, моральный господин, цивилизационная сверхцель.*

Abstract. *The article examines the initial stage of the formation of the Russian cultural and historical community as a civilization of completed resentment. The study is based on a detailed analysis of the text of the Life of Alexander Nevsky, which allows us to come to the conclusion that the figure of the holy faithful prince contributed to the structuring of elements of a completely-ressentiment political culture that have become firmly entrenched in the structure of the Russian mentality. The following elements are meant: self-identification of society with autocratic power; “splitting” the figure of the “master” into “physical” (autocratic power) and “moral” (the West); the desire to overcome the “unrighteous” moral master and to receive from him recognition of the moral and physical superiority of Rus’ over him — as the main motive of civilizational activity.*

Keywords: *ressentiment, resentment, completed resentment, civilization, cultural-historical community, Rus, Russia, Alexander Nevsky, physical master, moral master, civilizational supergoal.*

На протяжении последних десятилетий интерес исследователей к социокультурным и национально-психологическим особенностям российского исторического процесса вычленил в качестве перспективного объекта исследования тему ресентимента как ключевой историко-психологической особенности российской цивилизации [1; 2; 3; 4;

⁵], охарактеризованной в ряде работ как «цивилизация ressentiment» [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Формирование культурно-исторических основ России как цивилизации завершённого ressentiment (ниже будет показано отличие завершённого ressentiment от *resentment* и *ressentiment*, о которых пишут западные авторы [12; 13], опирающиеся на работы классиков темы — С. Кьеркегора [14], Ф. Ницше [15] и М. Шелера [16]) произошло в период господства «Орды» (правителей Улуса Джучи и их преемников) над Северо-Восточной Русью, продолжавшегося с рубежа 1230–40-х гг. до 1480 г.

Начальный этап этого процесса нашёл отражение в тексте «Жития Александра Невского» [17] (далее — «Житие»). Согласно мнению исследователей, самая ранняя редакция «Жития» была составлена в 1260-х гг., т.е. вскоре после смерти Александра Ярославича (1221–1263), и в любом случае — не позже 1280 г., когда скончался митрополит Киевский и Всея Руси Кирилл, выступивший, как полагают историки, если не непосредственным автором, то вдохновителем и редактором данного текста. Именно содержащийся в «Житии» образ князя лёг в основу историко-культурной памяти о нём, благодаря которой Александр Невский превратился в «сквозную» культурно-героическую фигуру, на которой российская идентичность в значительной мере основывалась и развивалась на протяжении всех столетий своей истории [18; 19] и продолжает развиваться по сей день: в одном из недавних обращений к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу президент РФ В.В. Путин, в частности, «назвал Александра Невского «хранителем российской государственности», чьи отношения с Ордой создали условия для сохранения русской идентичности» [20]. Пройдя красной скрепляющей нитью сквозь все столетия русской истории, и текст «Жития», и сама фигура святого благоверного князя-воина периодически переживали взлёты переосмысления (в XVI, XVIII, XX и XXI вв.), но при этом сохранили в неизменности свои базовые культурно-исторические характеристики. Главной из них явилось утверждение Александром Невским морально-идеологического и — как следствие — материально-силового превосходства Руси над Западом, что, в свою очередь, непосредственно связано с формированием завершённо-resentimentных основ российской политической культуры и российской цивилизации в целом.

Завершённый ressentiment обладает всеми качествами, которые присущи ressentimentной морали, описанной в западной социально-философской литературе. Стержневыми среди них являются:

1) Зависть-ненависть социально слабых — к социально сильным

(«Даже в самые восторженные века люди всегда любили завистливо шутить над своими начальниками» [21, с. 49-52; 14]); Ф. Ницше говорил о зависти-ненависти «рабов» — к «господам» («Этот человек терпит неудачу в чём-то, в конце концов он восклицает в ярости: “Тогда пусть весь мир погибнет!” Это чувство мятежа является вершиной зависти, которая утверждает: поскольку есть что-то, чего я не могу иметь, весь мир не будет иметь ничего!» [22]);

2) Чувство враждебности, направленное на объект, который человек идентифицирует в качестве причины своего разочарования, и позволяющее тем самым возложить на другого вину за разочарование человека в самом себе [23] («Я страдаю: должен же кто-нибудь быть в этом виновным» — так думает каждая хворая овца» [15, с. 835]; «Когда же, собственно, удалось бы им [творцам рабской морали] отпраздновать свой последний, пышный, утончённейший триумф мести? Несомненно, тогда, когда они уловчились бы свалить на совесть счастливым собственную свою безысходность» [24, с. 494-495]);

3) Страстная жажда реванша, т.е. мести «раба» — «господину» как ключевой мотив («Важнейший исходный пункт в образовании ressentiment — импульс мести» [16, с. 13-14; 25, с. 48]), который зачастую фиксируется на объекте, не причинившем носителю ressentimentной морали никакого вреда — М. Шелер называл такой ressentiment «конститутивным» [16, с. 47, 59-60], т.е. не спровоцированным непосредственными внешними воздействиями, но сформированным иной травмой и идущим «изнутри» психики «человека ressentimentа»;

4) На протяжении длительного времени — внешняя подавленность негативных аффектов, связанных с фигурой «господина» («Ressentiment — это самоотравление души, имеющее вполне определённые причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов <...> — запрета, порождающего склонность к определённым ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [16, с. 13-14; 25, с. 48]);

5) Реактивная креативность субъектов «рабской морали», т.е. людей *ressentiment* («Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности <...> Мораль рабов с самого начала говорит Нет “внешнему”, “иному”, “несобственному”: это Нет и оказывается её творческим деянием» [15, с. 748]).

В то же время необходимо пояснить, что классики рассматриваемой темы и другие западные авторы описывали феномен ресентимента на примере окружавшей их социокультурной реальности, обладавшей правовыми атрибутами и не включавшей институт полного гражданско-политического порабощения авторитарной властью как отдельных индивидов, так и социума в целом. Дискурс о «рабской морали», развиваемый в рамках западной социальной философии и социологии, носил и продолжает носить отчасти метафорический, т.е. публицистически заострённый характер, т.к. под «рабством» в первую очередь понимаются психологическая слабость и социально-экономическая зависимость, но не абсолютная гражданско-политическая порабощённость субъекта ресентиментной морали («раба») — объектом его рефлексий и аффектов («господином»).

Ситуация же полного, т.е. не только морального, но и физического рабства — рабства без кавычек, порождает в структуре ресентимента дополнительные качества [8]:

1) Расщепление в рамках «рабской морали» образа «господина» на «физического» (ФГ) и «морального» (МГ).

2) Формирование в отношении ФГ защитно-психологического механизма интроекции, т.е. самоидентификации (по типу «стокгольмского синдрома»).

3) Устремлённость к «двухчастному реваншу» в виде а) решения «сверхзадачи» (т.е. обретения легитимно первосортного — «идеального» — ФГ) и б) достижения «сверхцели» (т.е. получения признания превосходства сообщества, возглавляемого «идеальным ФГ», со стороны МГ).

ФГ — тот, кто реально поработил данную культурно-историческую группу. Сопrotивление ему связано с риском немедленного подавления и физического уничтожения протестующих. И потому выводится «из-под огня» негативных рефлексий посредством защитно-психологического механизма «стокгольмского синдрома» (интроекции).

МГ — тот (как правило, сосед), кто обладает правами и свободами, которых лишён порабощённый социум и кому последний страстно завидует как «несправедливо привилегированному», концентрируя на нём весь поток своих негативных переживаний. Примечательно, что в этом потоке «ядовитых» рефлексий и аффектов, адресуемых МГ, ФГ оказывается «в одной ресентиментной лодке» с подавляемым им социумом. Дело в том, что цивилизация завершённого ресентимента изначально структурируется как «цивилизация реванша». Вождём и персонификатором стремления к нему является ФГ, публично требующий от МГ «признания первосортности» завершённо-ресентимент-

ного сообщества как целого. Общая устремлённость к достижению данной цели является следующим, помимо «стокгольмского синдрома», фактором морально-идеологического единства ФГ — и поработённого им социума.

Все вышеперечисленные свойства позволяют рассматривать «завершённый ресентимент» как высшую, полноценную, энетелехийно законченную форму *ressentiment*.

Именно такая — завершённая — форма ресентимента в качестве цивилизационной основы начала складываться в Северо-Восточной Руси по итогам монгольского завоевания 1237–38 гг. Его последствием стало формирование гражданско-политически рабской (самодержавно-холопской) модели отношений власти (ордынских правителей) и общества (русских земель). В этой модели общество было административно подвластно держателю ханского/царского ярлыка — Великому Владимирскому князю, выступавшему в роли татарского назначенца, «холопа» («Вероятнее всего, исходным значением слова “холоп” по отношению к знатному лицу было “правитель, зависимый от хана”, по-русски — царя» [26]), а не наследственного правителя.

Таким образом, ФГ для русских земель стал ордынский правитель (царь), полностью отнявший гражданскую и политическую свободу, но взявший под свой протекторат православную церковь — важнейшую из основ русской средневековой идентичности.

В то же время в роли МГ выступил католический Запад, с которым вскоре после установления монгольского господства происходила вооружённая борьба и который, в отличие от Орды, ставил русскую православную церковь под угрозу религиозного порабощения, а именно, подчинения Риму.

В указанный период и произошло структурирование основ двухуровневого русского ресентимента ордынской эпохи:

— Первый уровень. Скрытый, табуированный на уровне сознания (коллективно-бессознательный) комплекс негативных аффектов, имплицитно направляемых в адрес ФГ — то есть на Орду, персонифицируемую самодержавным правителем — ханом (царём);

— Второй уровень. Открытый (коллективно осознанный) комплекс ресентиментных переживаний, адресуемых МГ — католическому Западу т.е. Европе.

Причины, по которым в роли МГ подордынной Руси во второй половине XIII века выступила именно Европа, были следующими:

1) Уже упомянутая выше угроза европейской католической экспансии на Восток и статусного возвышения «латинян» над православными (ордынский протекторат выступал как защита от этой угрозы и

дополнительно легитимировал Орду как полноценного ФГ).

2) Унизительное для православных военно-политическое доминирование католической Европы над Византией почти на всём протяжении XIII столетия (захват крестоносцами Константинополя и создание Латинской империи (1204–1261), Лионская уния (1274–1282)).

3) Ревниво-унизительная для православных военно-политическая успешность католической Европы в противоборстве с нехристианским Востоком в ходе крестовых походов и противостояния монголам (невзирая на ряд поражений, католическая Европа не сдалась туменам Бату, собираясь и впредь оказывать им солидарный отпор) — на фоне бессилия Византии и других православных стран, включая русские княжества, перед натиском неверных с Востока.

Анализ содержания «Жития» позволяет «разглядеть» все элементы, из которых в рассматриваемый период стали складываться ментальные основы российской цивилизации завершённого ресентимента, ставшие в итоге канвой её последующих исторических циклов.

Двумя «сквозными нитями» через нарратив «Жития» проходят два важнейшие проявления благоверности святого князя. Во-первых, его последовательное утверждение, с неизменной Божией помощью, морально-силового превосходства над католиками (МГ). Во-вторых, его полная лояльность царям — татарским правителям (ФГ).

Повествуя о победах Александра над шведами («римлянами») из «полуночной земли») и немцами («божьими рыцарями»), автор «Жития» подчёркивает, что указанные победы продемонстрировали не просто силовое, но праведно-силовое превосходство православного князя над его католическими противниками. Таким образом утверждался именно моральный (религиозный), а не физический (военный) — в значительной мере утраченный после подчинения Владимировой Руси Орде — приоритет Великого князя (курсив здесь и далее мой, — Д.К.):

«Александр <...> вошёл в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарём, начал молиться <...>. И, припомнив слова пророка, сказал: **“Суди, Господи, обидящих меня** и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне”. <...> выйдя из церкви, утёр слезы и сказал, чтобы ободрить дружину свою: “Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: «Иные с оружием, а иные на конях, мы же имя Господа Бога нашего призываем; они повержены были и пали, мы же выстояли и стоим прямо’ ”. Сказав это, пошёл на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу»; «И выступил против врага в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую в

святых мучеников Бориса и Глеба»; «...когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. <...> Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца» [17];

«На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой...»; «После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошёл он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: “Покорим себе словенский народ”»; «Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. <...> Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: “Суди меня, Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка” <...>. А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так он победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство <...>. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. <...> И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя “Божьими рыцарями”» [17].

На первый взгляд, может показаться, что в обоих случаях имел место не какой-то особый смысловой акцент, но обычная дань устоявшейся агиографической традиции, согласно которой все подвиги и достижения в жизни святого происходят благодаря поддержке, которую ему оказывает Господь, а равно иные небесные чины. Однако «Житие» подчёркивало фактор Божьего промысла в победах Александра исключительно над католиками. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить с цитированным выше — описание победы Александра Ярославича над литовцами, ещё являвшимися в тот момент язычниками. Этот фрагмент представляет собой просто сухой фактологический «репортаж», отсылающей к военной силе и доблести самого Александра и не содержащий упоминаний о помощи Господа или ангелов, удостоверяющей факт морально-праведного превосходства русского князя над врагами:

«В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмеха-

ясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали с того времени бояться имени его» [17].

Однако, сама по себе победа Святой Руси над безбожными «римлянами» и «божьими рыцарями», пытавшимися прикрыть свою еретическую сущность именем Господа, ещё не решила в полной мере вопроса о торжестве Руси — над Западом. Для этого требовалось признание самим Западом — то есть МГ — факта абсолютного морально-религиозного превосходства над ним Православной Руси в лице её победоносного персонификатора, князя Александра.

Нарратив о признании православной Руси католическим Западом представлен в «Житии» двумя эпизодами.

В первом рассказывается о дипломатическом визите в Новгород к Александру некоего «Андреаша» из «Западной страны» (его исторический прототип — вице-ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Андреас фон Вельвен [27, с. 225]):

«...один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришёл, желая видеть зрелость силы его [Александра], как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: “Прошёл я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей”» [17].

Ещё более легитимным утверждение превосходства Православной Руси над Римом предстаёт в рассказе о встрече Александра Ярославича с двумя папскими легатами, прибывшими с целью склонить русского князя к переходу в католицизм, но оказавшимися вынужденными стать свидетелями того, как князь Александр утвердил указанное превосходство в своей отповеди, основанной на доскональном знании и единственно верной интерпретации Священного Писания:

«Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: “Папа наш так говорит: <Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем’”. Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: “От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константина, от начала

царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем”. Они же возвратились восвояси» [17].

Вторая важнейшая линия, подтверждающая святость и благоверность князя Александра, — его последовательная лояльности и покорность власти царя (ФГ), в свою очередь, легитимирующего Александра как земного владыку, — также представлена в Житии несколькими яркими эпизодами.

Прежде всего необходимо процитировать рассказ о поездке Александра к Батыю по приказу последнего. В этой истории хорошо видна сложность стоявшей перед автором «Жития» задачи: воспеть покорность царю-язычнику русского православного Великого князя, в прошлом (как и его отец, и дядя) бывшего гордым и независимым правителем, — и в то же время не «уронить» его в глазах современников, также хорошо помнивших и сознававших эту произошедшую на рубеже 1230-40-х гг. драматичную метаморфозу:

«В то же время был в Восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие, от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: “Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы? Что же — один ты не хочешь мне поклониться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приезжай скорее ко мне и увидишь славу царства моего”»; «Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: “Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему”. Почтив же его достойно, он отпустил Александра» [17].

Следующий эпизод: смирение святого князя перед лицом царского гнева, обращённого против брата Александра — Андрея и сопровождавшегося разорением всей Владимиро-Суздальской земли:

«После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: “Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу”» [17].

Наконец, третий эпизод: смиренная попытка «отмолить» русских людей от участия в военном походе одного из следующих царей — правителя Улуса Джучи Берке — против иранского правителя Хулагу.

«Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошёл к царю [Берке, – Д.К.], чтобы отмолить людей своих от

этой беды» [17].

Подчёркнутая лояльность русского князя Восточному царю (ФГ) в следующем же фрагменте противопоставляется воинственности и непримиримости Александра по отношению к католическому Западу, проявляемым в то же самое время. Таким образом, речь не идёт о том, что Александр вёл себя смиренно по отношению к Берке по причине своей военно-силовой недостаточности. Акцент делается на ином: на том, что даже если у русского князя были силы для ведения активных военных действий, вооружённое сопротивление царю по умолчанию оценивалось как немыслимое и несправедное (даже если итогом визита к самодержавному правителю оказывалась смерть самого князя), в то время как натиск на католиков (МГ) рассматривался как во всех смыслах оправданный:

«А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: “Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей”. И пошёл князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большой добычею. Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошёл до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего!...» [17].

Завершённо-рессентиментный по своей структуре нарратив «Жития» содержал — в качестве «противовесных» элементов механизма психологической защиты — несколько эпизодов, косвенным и «подчёркнуто недосказанным» образом утверждавших независимое от татар величие Александра и вступавших в подспудное («подсознательное») противоречие с более многочисленными и пространными повествованиями о его смиренной лояльности «царям Восточной страны».

В одном из рассказов Александр предстал не как легитимированный царём его смиренный слуга, но как законнорождённый, то есть поставленный Богом правитель:

«Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: “Так говорит Господь: ‘Князей я ставлю, священны ибо они, и я веду их’”. И воистину — не без Божьего повеления было княжение его» [17].

В другом отрывке Александр характеризовался не просто как самостоятельный правитель, но как грозный владыка, притом грозный для самих татар («моавитян»). Примечательно, что этот пассаж шёл

сразу вслед за рассказом о том, как Батый вызвал Александра к себе и как тот покорно исполнил этот приказ:

«После смерти отца своего пришёл князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жёны моавитские начали стращать [«полошать»] детей своих, говоря: “Александр едет!”» [17].

Подытоживая вышесказанное, следует заключить, что основы российской цивилизации завершённого ресентимента стали оформляться в первые десятилетия после монгольского завоевания. Ключевой здесь оказалась фигура святого благоверного Александра Невского, сквозь призму которой сознание людей Северо-Восточной Руси — прежде всего церковных и княжеских элит, смирившихся с фактом гражданско-политического ордынского рабства при сохранении в неприкосновенности православной идентичности, — творчески выработало элементы, прочно вошедшие в структуру российской ментальности и устойчиво проявлявшие себя на протяжении всех последующих столетий российской истории. А именно: неразрывную самоидентификацию социума с самодержавной властью (после упразднения ордынского господства татарских царей сменили московские самодержцы); расщепление фигуры «господина» на ФГ (самодержавная власть) и МГ (Запад); стремление к одолению «неправедного» МГ и получению от него признания морально-физического превосходства России над ним — в качестве важнейшего мотива цивилизационной активности [28].

Литература и источники

1. Greenfeld L. The Formation of the Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Ressentiment // *Comparative Studies in Society and History*. Published by: Cambridge University Press. 1990. Vol. 32, №. 3. P. 549-591.
2. Malinova O. Obsession with status and resentment // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47, № 4. P. 291-303.
3. Медведев С.А. [ПРИЗНАН В РФ СМИ-ИНОАГЕНТОМ] Русский ресентимент // *Отечественные записки*. 2014. № 6 (63). URL: <https://strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment> (дата обращения: 11.11.2024)
4. Ямпольский М.Б. В стране победившего ресентимента. COLTA.RU, 6 октября 2014 г. <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (дата обращения: 11.11.2024)
5. Sharafutdinova G. Managing national resentment: morality politics in Putin's Russia / *Vocabularies of International Relations after the Crisis in Ukraine*. L.: Routledge; Ashgate Publishing, 2016. P. 130-151.
6. Коцюбинский Д.А. Цивилизация ресентимента. К постановке проблемы истоков русской политической культуры // *Ростовский научный журнал*. 2019. № 3. С. 28-64.
7. Коцюбинский Д.А. Цивилизация ресентимента. Институционально-и-

- сторический анализ русской политической культуры. / Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб: Закрытое акционерное общество «Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»», 2019. С. 109-151.
8. Конников Г.С. Модное понятие «ресентимент» для России... // Город 812. 06.01.2023. URL: <https://gorod-812.ru/modnoe-ponyatie-resentiment-dlya-rossii-chto-meduza-ne-smogla-ponyat/> (дата обращения: 11.11.2024);
9. Клямкин И.М., Коцюбинский Д.А. Цивилизация ресентимента: от Александра Невского до Владимира Путина // Либеральная миссия. Youtube. 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T4pHyR8xYyI> (дата обращения: 11.11.2024)
10. Клямкин И.М., Коцюбинский Д.А. Ресентимент при Горбачёве и в постсоветской РФ // Либеральная миссия. Youtube. 23.02.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0UYWVwIfk9U> (дата обращения: 11.11.2024)
11. Клямкин И.М., Коцюбинский Д.А. Истоки и смысл русского посткоммунизма. Беседа одиннадцатая // Либеральная миссия. Youtube. 01.11.2024. URL: https://youtu.be/Yt-B_IPOa28?si=vfNu5A--vmatLQPw (дата обращения: 11.11.2024)
12. Meltzer B.N., Musolf G.R. Resentment and Ressentiment // Sociological Inquiry. 2002. Vol. 72. № 2. P. 240–255.
13. Ure M. Resentment/*Ressentiment* // Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory. 2015. Vol. 22. № 4. P. 599–613.
14. Kierkegaard S. Two Ages: The Age of Revolution and the Present Age, a Literary Review. [Edited and translated by Howard V. Hong Edna H. Hong]. Princeton (N.J): Princeton University Press, 1978. 208 p.
15. Ницше Ф. Генеалогия морали / Ницше Ф. Малое собрание сочинений [Пер. с нем. Ю. Антоновского, В. Вейнштока, А. Заболоцкой и др.] СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 1056 с.
16. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.
17. Житие Александра Невского. Пер. В.И. Охотниковой. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (дата обращения: 11.11.2024)
18. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный перевод с нем. Елены Земсуковой и Майи Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
19. Александр Невский и его образ в исторической памяти / отв. ред. В. А. Аракчеев; авторы статей В. А. Аракчеев, Н. Ю. Болотина, Б. Д. Зашляпин, Б. С. Илизаров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. 184 с.
20. Путин назвал Александра Невского «хранителем российской государственности» // ТАСС. 12.09.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21850145> (дата обращения: 11.11.2024)
21. Kierkegaard S. The present age and of the difference between a Genius and an Apostle. [Translated by Alexander Dru. Introduced by Walter Kaufmannby]. New York: Harper Torchbooks, 1962. 108 p.
22. Nietzsche F. [1881] Daybreak: Thoughts on the Prejudices of Morality. [R. J. Hollingdale Trans.]. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. § 304.
23. TenHouten W., From Resentment to Resentment as a Tertiary Emotion // Review of European Studies. 2018. № 10. P. 49-64.
24. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 [Пер. с нем., сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян]. М.:

Мысль, 1990. 832 с.

25. Scheler M. Ressentiment. Translated by William W. Holdheim. [Introduction by Lewis A. Coser]. New York: Schocken Books, 1972. 201 p.

26. Горский А.А. О происхождении «холопства» московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 80–83. URL: http://yakov.works/history/15/3/gorsky_2003.htm (дата обращения: 11.11.2024)

27. Бегунов Ю.К., Клейненбер И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище / Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. [Отв. ред. Г.Н. Караев]. М.–Л.: «Наука», 1966. 254 с.

28. Коцюбинский Д.А. Фатальные циклы русской истории. Плейлист [2022 – 2023] // Tempustress. Youtube. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLnZfuirYIOba6Ocg42DN6jLUv3mwk8-yJ> (дата обращения: 11.11.2024)

С.И. Малахова
S.I. Malakhova

ФРОНДА, ИЛИ ТРАВМИРОВАВШИЙ ФРАНЦУЗОВ КРИЗИС

The Fronde, or the crisis that traumatized the French

Аннотация. Фронда во Франции (1648-1653) ассоциируется с героическим протестом аристократии и народа против налогового гнета и злоупотреблений кардинала Мазарини. На самом деле гражданская война была не «легкой прогулкой» – голод, насилие и вероломство глубоко травмировали все слои общества.

Ключевые слова: Франция, Фронда, XVII в., аристократия, народ, коллективная травма.

Abstract. *The Fronde in France (1648-1653) is associated with the heroic protest of the aristocracy and the people against the tax oppression and abuses of Cardinal Mazarin. In fact, the civil war was not an “easy walk” – hunger, violence and treachery deeply traumatized all layers of society.*

Keywords: *France, Fronde, 17th century, aristocracy, people, collective trauma.*

Во время Фронды (1648-1653) Людовик XIV был еще ребёнком, а страной управлял кардинал-итальянец Джулио Мазарини, запятнавший репутацию заботой о собственных доходах, а не о *raison*

d'état¹. Регентство, сопровождавшееся интригами при дворе и Тридцатилетней войной, было тяжелым явлением для государства. Рост налогов и преследование популярного парламентского советника де Брусселя стали причиной народного гнева в Парламентской Фронде (1648-1649), а возвышение кардинала Мазарини в обход близких родственников короля и неблагодарность Анны Австрийской – аристократического бунта в ходе Фронды принцев (1650-1653). Из этого следует, что недовольство французов стало реакцией на политический и социальный кризис в государстве, который привел к формированию коллективной травмы как у высшей, так и у низшей страт общества. Король Людовик XIV, возможно, не был исключением.

В значительной части монографий и статей о Фронде речь в первую очередь идет об аристократах и аристократках и их вкладе в гражданскую войну: кардинал де Рец², герцог де Ларошфуко³, герцогиня де Лонгвиль⁴, мадемуазель де Монпансье⁵ и другие знакомы любому, кто интересовался этим периодом в истории Франции. Значительно меньше пишут об обратной стороне медали – о страданиях простых людей, которые были втянуты в конфликт и стали его невинными жертвами. В большинстве мемуаров [1,2,3], по которым обычно изучают Фронду, данные о неурожае и голоде, спекуляциях, мародерстве солдат, народных религиозных шествиях и благотворительных организациях либо вовсе не содержатся, либо упоминаются вскользь. Мадемуазель де Монпансье упоминала взаимодействия с народом: она изобразила себя как справедливую правительницу и защитницу его интересов. В ее «Мемуарах» встречаются упоминания о том, как она мирит ссорящихся горожан и предотвращает проявления насилия. В качестве иллюстрации можно привести следующий случай: выходя из мэрии Парижа, Мадемуазель увидела толпу горожан на Гревской площади, которые «выкрикивали тысячу обвинений» против маршала Лопиталья. Один из них сказал герцогине: «Как вы выносите рядом с собой этого мазариниста? Если вы им не довольны, мы утопим его!» [3, С. 97]. Кажется, принцесса была насколько популярной в народе, что простой горожанин не побоялся прямо к ней обратиться, без всякого соблюдения формальных правил вежливости и приличий.

Однако в тексте Мадемуазель не чувствуется, насколько кризисным было положение вещей. В серии мазаринад⁶ «Relations»⁷ Берньер⁸ рассказал о мародерстве солдат, пытавших мужчин и насилующих женщин, чтобы стимулировать сбор средств по оказанию чрезвычайной помощи пострадавшим [4]. Наиболее часто в «Relations» упоминалась тема голодающих крестьян, доведенных до того, что им приходилось есть почти все. В Тьерраше большинство жителей умерло от голода;

состоятельные люди были вынуждены есть хлеб из ячменных отрубей; другие питались ящерицами, лягушками и сорняками [5].

Тираж этих памфлетов составлял от трех до четырех тысяч экземпляров каждый, что делало их одними из самых широко распространенных памфлетов того времени. В Париже они мобилизовали магистратов парламента и особенно их состоятельных жен, которые собирались на «благотворительные собрания», чтобы организовать сбор пожертвований. Всплеск помощи бедным, который развился во время Фронды, напоминает современную филантропию. В целом сборник показывает, как печатное слово могло реально повлиять на ментальность современников. Масштаб благотворительного движения, возникшего во время Фронды, во многом обязан этой серии памфлетов, считает исследователь Г.Браун [4]. Также он отмечает, что парижские «добрые буржуа», уставшие от деструктивного поведения опасных для общественного порядка люмпен-элементов, испытали чувство коллективной травмы. Именно поэтому они стали искать выход в благочестии, благотворительности и поддержке правительственной партии, которая, по их надеждам, могла закончить войну и обеспечить спокойную жизнь.

Упомянутые выше аристократы тоже были глубоко поражены событиями Фронды и наказаны за участие в них. Многие высокопоставленные участники гражданской войны оставили пространные воспоминания, в которых она занимала существенное, а у некоторых и центральное место. Для принцессы де Монпансье, вероятно, это было самое яркое событие в жизни, когда она смогла проявить свой потенциал военной и политической деятельницы, заслонив отца, Гастона Орлеанского [6, С. 841]. Из этого следует, что активные участники и участницы событий испытывали потребность «выговориться», написать апологию, оставить потомкам «правильную» версию событий и собственных поступков. Как я думаю, немаловажную роль в этом сыграли обстоятельства, при которых были написаны воспоминания – большая часть мемуаристов составляла их в опале, в тюрьме или в ссылке. Краткосрочное участие де Бюсси-Рабютена⁹ во Фронде на стороне де Конде стало порочным клеймом и вместе с другими проступками похоронило его карьеру [7, С. 71]. Преданность мадемуазель де Монпансье стороне принцев обеспечила ей репутацию бунтарки [3, С. 196-197] и лишила возможности удачно выйти замуж за равного ей по статусу аристократа, к чему она так стремилась.

Фронда повлияла и на самого короля Людовика XIV. Известно, что детские травмы особенно сильно влияют на дальнейшую жизнь человека¹⁰. Так, он воспринял как унижение необходимость тайно по-

кинуть столицу вместе с королевой-матерью, а во взрослом возрасте избегал Париж и предпочитал жить в Версале. Также он больше не доверял своим родственникам и другим аристократам. Стравливая их в придворном обществе, король заставлял дворян конкурировать друг с другом за привилегии, мешая им вновь объединиться с общей целью [9].

В заключение хочу сказать, что Фронда бесспорно была одним из главных событий в жизни многих людей, которые добровольно или вынужденно стали ее участниками. Как аристократы, так и простые люди глубоко переживали не только моменты, наполненные героизмом, но и нестабильность в государстве, насилие и предательство, что отразилось на их ментальности. Благодаря сильному воздействию событий гражданской войны на умы и чувства французов XVII в. историки имеют богатый источниковый материал, позволяющий изучать повседневную жизнь, историческую психологию, историю мысли, ментальности, проводить гендерные исследования Франции середины-второй половины XVII в.

Примечания

¹ Государственные интересы, не сводящиеся к частным желаниям подданных и правителей.

² Кардинал де Рец (1613–1679) – Поль де Гонди, коадьютор парижский, участник и вождь Парламентской Фронды, автор известных «Мемуаров».

³ Герцог де Ларошфуко (1613–1680) – аристократ, участник Фронды на стороне принца де Конде, автор «Мемуаров» и «Максим», возлюбленный герцогини де Лонгвиль.

⁴ Герцогиня де Лонгвиль (1619–1679) – участница Фронды принцев; сестра принца де Конде, супруга герцога де Лонгвиля и возлюбленная герцога де Ларошфуко.

⁵ Мадемуазель де Монпансье (1627–1693) – участница Фронды принцев на стороне Конде; принцесса, двоюродная сестра короля Людовика XIV, дочь Гастона Орлеанского и внучка короля Генриха IV, автор «Мемуаров».

⁶ Мазаринады (*les mazarinades*) – политические памфлеты, которые печатали во Франции во время Фронды. Название происходит от фамилии первого министра кардинала Джулио Мазарини, против которого была направлена Фронда. Мазаринады писали известные авторы той эпохи: кардинал де Рец, Сирано де Бержерак, Сент-Амор и многие другие. Скаррон стал основоположником термина «мазаринада», который вошел в историографию.

⁷ Реляции («*Relations*») – серия мазаринад Шарля де Берньера, первая из которых появилась в конце 1650 г.

⁸ Шарль де Берньер – сын старшего магистрата парижского парламента, который, вдохновленный обращением к янсенизму, незадолго до этого продал свою должность рекетмейстера (фр. *maître des requêtes*), чтобы полностью посвятить себя благотворительности. Меценат, автор мазаринад.

⁹ Роже де Бюсси-Рабютен (1618–1693) – французский аристократ эпохи Людовика XIV, участник Фронды, автор пикантного романа «Любовная история

галлов», член Французской академии; имел репутацию вольнодумца.

¹⁰ К примеру, многие исследователи объясняют тики Петра I посттравматическим стрессом, который был связан со стрелецкими бунтами. На глазах наследника, который был в то время ребенком, был убит и изрублен на куски его воспитатель боярин Артамон Матвеев и другие представители группировки Нарышкиных.

Литература и источники

1. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.
2. Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. P., Hachette. 1870 - 1920. 10 vol. (Mémoires. T. 1-5. 1870 – 1880). Grands écrivains de la France.
3. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858.
4. Brown H.G. Mass Violence and the Self: From the French Wars of Religion to the Paris Commune, Cornell University Press, 2018.
5. Mois de May & Iuin 1651. Suite de la Relation contenant l'estat des Pauvres de Picardie & Champagne ou les Armées ont passé, & de ce qui s'est fait pour leur soulagement (Recueil des relations) / цит. по: Brown H.G. Mass Violence and the Self.
6. Малахова С.И. Мадемуазель де Монпансье: женщина-политик и военный деятель во время Фронды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3.
7. Малахова С.И. Межличностные отношения дворян «партии» Конде во время Фронды // Человеческий капитал. 2023. №11 часть 2.
8. Алташина В. Галантно-героические мемуары мадемуазель де Монпансье // Зарубежная литература. Проблемы метода. Границы литературы в гуманитарном пространстве. Межвузовский сборник. Под. ред. Чамеева А. 2010. Вып. 7.
9. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Historical and psychological foundations of the formation of the mentality
of the Russian Empire southern borders*

Аннотация. Регион Новая Сербия – южная граница Российской империи – был сформирован во второй половине XVIII в. Его уникальность заключалась в том, что новые жители переселялись на эту территорию из разных стран Центральной Европы. Таким образом, за короткое время здесь поселились представители разных национальностей и вероисповеданий, что существенно повлияло на историко-психологические основы формирования ментальности Юга России. Среди жителей были сербы, немцы, поляки, болгары, цыгане, албанцы, хорваты, словаки, черногорцы, словенцы, македонцы, турки. Впоследствии этот регион вошел в состав Херсонской губернии, затем Киевской. В конце концов он оказался в составе Кировоградской области современной Украины.

Ключевые слова: Южная граница России, Новая Сербия, XVIII в., национальная политика государства, международные отношения.

Abstract. The region of New Serbia – the southern border of the Russian Empire – was formed in the second half of the 18th century. Its uniqueness lay in the fact that new residents moved to this territory from various countries of Central Europe. Thus, in a short time, representatives of different nationalities and religions settled here, which significantly influenced the historical and psychological foundations of the formation of the mentality of the Russian South. Among the inhabitants were Serbs, Germans, Poles, Bulgarians, Gypsies, Albanians, Croats, Slovaks, Montenegrins, Slovenes, Macedonians, and Turks. Subsequently, this region became part of the Kherson province, then Kyiv province. Eventually it ended up as part of the Kirovograd region of modern Ukraine.

Keywords: Southern border of Russia, New Serbia, 18th century, national policy of the state, international relations.

Формирование исторического региона – Новой Сербии – началось в 1751 г. В середине XVIII века в этом месте сходились границы Российской и Османской империй, Речи Посполитой и Гетманщины. На территории Речи Посполитой, граничившей с Российской империей, сложная обстановка объяснялась постоянными национально-религиозными разногласиями между православными украинцами и поляками, которые в подавляющем большинстве исповедовали католицизм. Такая внутривластная ситуация в то время служила поводом для постоянных вооруженных столкновений.

Ситуация, складывавшаяся в Центральной Европе в середине

XVIII века, влияла на изменение границ. Многие старые границы исчезали, защищавшие их офицеры и солдаты теряли работу. В тот момент Российская империя была крупным рынком труда военнослужащих. Они стали первой крупной социальной группой, которая была готова к массовому переезду в Россию. Это были сербы, венгры, черногорцы, болгары, молдаване и представители многих других европейских народов. В числе людей, искавших удачу за рубежом, были даже турецкие военнослужащие.

Южная граница Российской империи в то время была практически открыта. Степь, богатая черноземом, не использовалась для развития земледелия. Императрица Елизавета Петровна в 1740-е – 1750-е гг. стала осуществлять стратегию по защите южных границ своего государства от набегов вооруженных кочевников. Вдоль левого берега реки Большая Высь было принято решение организовать военные поселения.

Подавляющее большинство переселенцев составляли офицеры, младшие командиры и рядовые солдаты австрийской армии, большинство из которых по национальности были сербами и венграми. По своей военной подготовке они были кавалеристами, чаще всего – гусарами, то есть представителями легкой кавалерии. Они были хорошими профессионалами и рассчитывали на скромное жалование. Значительную часть их доходов составляли земли, которые они получали при поступлении на государственную службу. Мягкий климат юга Российской империи, черноземные почвы гарантировали высокие урожаи.

11 января 1752 г. был издан указ императрицы Елизаветы Петровны, в соответствии с которым была учреждена сеть военных поселений на южной границе Российской империи [1, с. 92]. Елизавета Петровна назвала эту колонию Новой Сербией. Столицей стал населенный пункт, которому дали название Новый Миргород. Со временем оно трансформировалось в название Новомиргород. На территории Новой Сербии было размещено три полка: Гусарский, Пандурский и Новоказачий. В первых двух полках было по 20 рот, каждая из которых размещалась в отдельном населенном пункте-шанце. Новоказачий полк состоял из 26 военных поселений, центром которых была крепость святой Елисаветы – будущий город Елисаветград (в дальнейшем – Кировоград, ныне – Крапивницкий).

Новомиргород был разделен с территорией Речи Посполитой рекой Большой Высью. На противоположном берегу располагался город Златополь, в котором проживали поляки и евреи. После третьего раздела Польши Златополь и прилегавшие к нему территории вошли

в состав Российской империи. В 1959 г. Златополь вошел в состав районного центра города Новомиргорода, хотя местные жители до сих пор «польскую» часть современного Новомиргорода называют Златополем. Географический курьез: территории ранее различных государств в современных условиях не только объединены общей городской чертой, но и имеют общую главную магистраль.

Заселение этих пустовавших прежде земель окраины Российской империи началось весной 1752 г. Оборонительные укрепления («шанцы») в соответствии с заранее подготовленным планом устанавливались вдоль границы строго на расстоянии 6 верст в Пандурском полку и на расстоянии 8 верст в Гусарском полку, в котором было 20 рот [2], размещенных в 20 шанцах. Судьба этих шанцев сложилась по-разному. Некоторые из них исчезли с географической карты. Другие стали городами районного значения или селами. В этих населенных пунктах проживают потомки выходцев из Сербии, давно ассимилировавшиеся с местным населением. По своему самосознанию, языку, быту они украинцы. Процесс адаптации настолько глубок, что современное местное население практически неотличимо от украинцев других регионов Украины. Местные жители совершенно не знают истории своего происхождения.

Мартоноша – одно из немногих сел в бывшей Новой Сербии, основу которого в середине XVIII века составили венгры. Судя по всему, за прошедшие 267 лет венгерский язык, носителями которого были первые колонисты, адаптировался к местным условиям, усвоив «логику» развития украинского языка. При этом венгерская языковая основа сохранилась. Свою специфику сохранил и язык, на котором общаются местные жители в других отдельных населенных пунктах бывшей Новой Сербии. Скорее всего, сохранились и особенности бытовой культуры. Они до сих пор остаются незаметными лишь потому, что не стали объектом специального исследования.

Переезд в середине XVIII века жителей Сербии на южную окраину Российской империи объяснялся привлекательностью службы. Каждый переселенец получал немалый надел земли, размер которого зависел от воинского чина и должности поселенца. Капитан получал надел в размере 100 четвертей земли, что соответствовало 55 гектарам. Поручику предоставлялось 80 четвертей земли, то есть 44 гектара. Подпоручик имел 70 четвертей земли, то есть 38,5 гектара. Прапорщик получал в два раза меньше, чем капитан, то есть 50 четвертей земли (27,5 гектара). Рядовые гусары-переселенцы получали надел в зависимости от особенностей службы, уровня квалификации, выслуги лет и личных заслуг. Получаемые ими наделы были в размере

от 20 до 30 четвертей (11-16,5 гектара).

Пандурский пехотный полк также состоял из 20 рот. Новоказачий полк состоял из 26 военных поселений, центром которых была крепость святой Елисаветы – будущий город Елисаветград (в дальнейшем – Кировоград, ныне – Крапивницкий). Важно отметить, что поселенцы давали своим шанцам названия городов и сел, из которых они переселились в Российскую империю: Вуковар, Сомбор, Чонград, Павлишь, Сентомашь и т.д. [3]

На территории Новой Сербии к осени 1752 г. находилось лишь 350 человек. Но в декабре 1754 г. было уже 3919 колонистов (257 сербов, 124 македонца, 57 болгар, 1676 валахов, 32 немца, 79 венгров, а также представители местного украинского населения). К весне 1761 г. в Новой Сербии уже проживало 13844 человека [1, С. 96].

В настоящее время территория бывшей Новой Сербии расположена в Центральной Украине. Областной центр – город Крапивницкий (крепость святой Елисаветы). В XXI в. подавляющее большинство жителей областного центра в быту общаются на русском языке, жители районных центров и сел – на украинском. Прежние военные поселения Новой Сербии – это села. В них сохранились следы национальной самобытности. Жители этих сел не идентифицируют себя со своими иностранными предками – сербами, венграми, румынами и представителями других народов. Это связано с незнанием местным населением истории своей малой родины. В то же время во всех этих селах параллельно с украинским языком существует и язык предков, который жители воспринимают как родной язык. Своеобразный язык жителей каждого села – уникален. К сожалению, современный язык потомков бывших переселенцев из Сербии и других регионов Европы до сих пор не исследовался лингвистами. Это существенно обедняет представление ученых о многих аспектах истории, этнографии, лингвистики. Пути и сам процесс миграции иностранцев в середине XVIII века на территорию Новой Сербии позволил бы внести важный вклад в историю международных отношений. Принятый 25 апреля 2019 г. Украинской Радой закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» негативно сказался не только на развитии русского языка, но и на родных языках, на которых общались между собой тысячи сельских жителей Центральной Украины [4]. К сожалению, таким образом, современная политика украинской власти целенаправленно стала разрушать важный элемент культуры украинского народа, способствовавший когда-то формированию ментальности этого многонационального и многоконфессионального региона.

Литература и источники

1. Кирпиченко А.И. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007. 222 с.
2. Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники: В.Мільчев, О.Посунько / Передмови: С.Гаврилович, С.Лалич, В.Мільчев, О.Посунько // Джерела з історії Південної України. Том 7. Запоріжжя, 2005. 442 с.
3. Амеличев А.С. Сербь при дворе русских императоров и их влияние на освоение Новороссии // История в подробностях. 2015. № 6 (60). С. 22-29.
4. Диденко В. Прощай, русский! Рада приняла закон о тотальной украинизации. <https://ukraina.ru/exclusive/20190425/1023449994.html> (дата обращения 16.02.2021).

В.Н. Бенда

V.N. Benda

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИМ И ИНЖЕНЕРНЫМ КОРПУСАМИ ГЕНЕРАЛ- ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРОМ ГРИГОРИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ОРЛОВЫМ (1765-1783)

*Features of the management of the artillery and engineering corps by
Field Marshal Grigory Grigoryevich Orlov (1765-1783)*

Аннотация. В статье идет речь о Г.Г. Орлове, под управлением которого находились артиллерийский и инженерный корпуса. Отмечаются некоторые особенности его управления корпусами. В научный оборот вводятся ранее не опубликованные и малоизученные архивные и другие источники.

Ключевые слова: вторая половина XVIII в., Г.Г. Орлов, генерал-фельдцейхмейстер, артиллерийский и инженерный корпус, управление, финансирование деятельности.

Abstract. The article deals with G.G. Orlov, under whose control the artillery and engineering corps were located. Some features of its hull management are noted. Previously unpublished and little-studied archival and other sources are introduced into scientific circulation.

Keywords: the second half of the XVIII century, G.G.Orlov, Feldzeugmeister General, artillery and Engineering Corps, management, financing of activities.

Напомним, что в марте 1765 г. А.Н. Вильбоа подал на имя императрицы Екатерины II ходатайство с просьбой об отдыхе, а 9 мая того же года, восьмой генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа именным указом императрицы был уволен в отставку [1, л.299]. Исполнение обязанностей генерал-фельдцейхмейстера было поручено графу Григорию Григорьевичу Орлову, который активно приступил к исполнению своих обязанностей на этой должности. В частности, уже 21 марта 1765 г. последовало его указание генерал-майору Меллеру совместно с другими офицерами «...из 24, 18 и 3-фунтовых пушек сделать немедленно пробу склько надежит в заряд пороха мушкетного вместо пушечного употреблять» [1, л.189]. 11 мая 1765 г. последовало официальное назначение на пост генерал-фельдцейхмейстера графа Г.Г. Орлова. Во главе управления артиллерией и связанных с нею ведомств, стал 30-летний генерал-аншеф, генерал-адъютант, шеф кавалергардского корпуса, граф Орлов, всего три года назад только скромный казначей артиллерийской канцелярии – капитан Г.Г. Орлов, с еще более скромным окладом годового жалования в 300 р. [2, с.66].

Отличительной особенностью управления артиллерийским и инженерным корпусами графом Г.Г. Орловым, были его постоянные передачи управления корпусами другим лицам, в связи с его частыми командировками или отъездами для выполнения разных поручений императрицы, но, главным образом, «для излечения болезни». Разумеется, бесконечные разъезды генерал-фельдцейхмейстера, не могли не отразиться негативно на организации деятельности и развитии центрального органа управления артиллерией и инженерным корпусом. В архивных источниках, относящихся к этому периоду, мы исследовали любопытные управленческие документы, подписанные Г.Г. Орловым и поступавшие в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации (КГАиФ), которые в какой-то степени характеризуют стиль взаимоотношений между генерал-фельдцейхмейстером и подчиненной ему КГАиФ. Обратим внимание на тот факт, что многие служебные документы, поступившие от генерал-фельдцейхмейстера Г.Г. Орлова в адрес КГАиФ, озаглавлены не как «указ, приказ, распоряжение и т.д.», а «Предложение от его светлости (имеется ввиду Г.Г. Орлов - В.Б.) КГАиФ» [3, л.20, 23, 41] (*здесь и далее полужирный курсив наш – В.Б.*). Очевиден и тот факт, что из-за слабого руководства деятельностью КГАиФ, да и многих упущений, допущенных самой КГАиФ, в некоторой степени разрешением проблем по организации снабжения и обеспечения жизнедеятельности артиллерии и инженерных войск занимался Сенат и Государственная военная коллегия (ГВК), в большинстве случаев ограничиваясь подачей общих указов и

распоряжений для всех исполнительных органов. Вот, например, Указ из ГВК данным КГАиФ 18 марта 1776 г. «О предписании к Невскому департаменту об отправлении 2-го фузелерного полка с ним полевой и осадной артиллерии в назначенное от господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа Румянцева Задунайского место» [3, л.4]. Или Указ из ГВК КГАиФ от 21 октября 1776 г. которым КГАиФ предписывалось, «...дабы она для состоящих в украинском корпусе артиллерийских команд потребную на содержание сумму от себя или через комиссариат доставила и впредь доставляла без промедления и упущения времени...» [3, л.6-6об.].

Ни в коем случае нельзя утверждать, что генерал-фельдцейхмейстер Г.Г. Орлов якобы самоустранился от процесса управления подчиненным ему ведомством и разрешения проблем материально-технического обеспечения артиллерийских и инженерных подразделений. О его деятельности на посту генерал-фельдцейхмейстера, когда он находился при исполнении своих обязанностей, свидетельствуют многие архивные источники. Один из первых таких документов, датированный 17 мая 1769 г. была «Инструкция данная графом Орловым командированному в поход инженер генерал-майору Голенищеву-Кутузову», который во исполнение все высочайшего ЕИВ повеления был откомандирован с инженерной и минерной командами в расположение назначенной в поход российской армии под командованием «...его сиятельства господина генерал-аншефа и кавалера графа Петра Александровича Румянцева» [4, л.1-2об.]. Инструкция «по секретной экспедиции» содержала в себе подробный и довольно полный план действий генерал-майора Голенищева-Кутузова и подчиненных ему команд в тех или иных ситуациях в ходе совершения армией маршей, расположения на привалы, совершения переправ через водные преграды и т.д. с составлением детальных отчетов о выполненных мероприятиях по инженерной части. Например, четвертый пункт инструкции предусматривал «...По тракту де случится дефелея или узкие проходы в высоких и крутых горах и при таких местах армия в лагере стоять будет сочинять оным аккуратные планы осмотра коварностей и профиля с описанием каким образом сколько времени армия через оные отвращены а сделанные иногда в узких проходах какие от неприятеля воспрепятствования маршу укрепления атаккой взяты или другим полезным способом уничтожены и для того таковые укрепления также на планах показывать и в журналах описывать кои не запущая время с отправляющимися курьерами присылать ко мне» [4, л.2].

Через несколько лет после этого, вместо «инструкций» и «указаний» от генерал-фельдцейхмейстера и над фортификациями обер-ди-

ректора Г.Г. Орлова поступали уже «предложения». В частности, 20 июля 1777 г. последовало «Предложение от его светлости с приложением копии с указа ГВК о вооружении и обмундировании всей армии полевых полков подлежащими вещами и какое об оном определение последует о предоставлении к его светлости КГАиФ». В нем говорилось, что «... с указа ЕИВ присланного ко не из ГВК в котором объявлен данный за собственноручным ЕИВ подписанием ГВК президенту и кавалеру князю Потемкину рескрипт об вооружении и обмундировании всей армии полевых полков подлежащими вещами, КГАиФ к надлежащему исполнению посылая при сем копию. Рекомендую, какое в оной последует о сем определение ко мне представить» [3, л.20].

В ноябре 1778 г. последовало очередное управленческое распоряжение генерал-фельдцейхмейстера Орлова (уже не предложение - В.Б.) канцелярии, суть которого заключалась в том, что «...к наряженным отсюда из Санкт-Петербурга в Киев 40 понтонам... посланным от меня артиллерии к господину генерал-поручику и кавалеру Меллеру ордером, велено от состоящего здесь второго канонирского полка командировать подпоручика одного, сержанта одного, фурыера одного, и капралов двух коим и приказать явиться в КГАиФ, о чем она, будучи известна имеет тому подпоручику повелеть объявленные понтонны также и командированные к ним по посланному от меня минувшего 24 октября по команде повелению мастеровых служителей как равно отправляющихся по требованию моему от Государственной адмиралтейской коллегии матросов, конопатчиков и парусников принять в свою команду каждого звания по 10 человек»[3, л.27-30].

Мы предлагаем обратить внимание на другой архивный источник, содержащий, на наш взгляд, ценную информацию о финансировании деятельности артиллерийского и инженерного корпусов в середине второй половины XVIII столетия, т.е. в завершающий период генерал-фельдцейхмейстерства Г.Г. Орлова.

Перед этим напомним о том, что, начиная с 1763 г. на содержание артиллерийского и инженерного корпусов в год должно было выделяться 600000 р. Но указанной суммы на полноценное обеспечение деятельности артиллерийского и инженерного корпусов не хватало.

Вот, что говорится по этому поводу в докладе генерал-фельдцейхмейстера Г.Г. Орлова на имя Екатерины II от 23 августа 1777 г. [5, л.2об.-3об.] В частности, указано, что по подтвержденным (утвержденным – В.Б.) в 1763 г. штатам пяти артиллерийских полков, генералитета, КГАиФ (в Санкт-Петербурге) и ее конторе (в Москве), инженерного и артиллерийского корпусов, «...на полный всех чинов комплект в каждый год потребно 505029 р. 23,5 к.» [5, л.3]. Эта сумма

определялась денежными средствами, выделяемых на следующие статьи расходов [5, л.1об.]: генералитет с их штабом – 30615 р. 82 к.; на канцелярию и её контору – 13876 р. 80 к.; на полки: 1 бомбардирский, 2 канонирских и 2 фузелерных полка – 331684 р. 89,5 к.; на содержание инженерного корпуса – 95624 р. 96 к.; на Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус (АИШКК) – 33226 р. 76 к.

Следует учесть одно важное обстоятельство, то, что расходы на содержание артиллерии и инженерного корпусов этой суммой не ограничивались, т.к. предусматривались еще и дополнительные расходы на содержание команд и подразделений, штаты которых были не определены, тем не менее «... однако ж из необходимости как в мирное так и в военное время содержащимся на фурштат, на арсеналы, на остзейские и российские гарнизоны, на понтонную роту, на лабораторию, на осадную, полковую и полевую артиллерию, на отпускаемый в полки порох, на фейерверки и иллюминацию, на содержание крепостей 582660 р. 55 к.»[5, л.3].

Постатейные суммы внештатных расходов выглядели следующим образом [5, л.4]:на осадную и полевую артиллерию – 21605 р. 97 к.; на полевой фурштат в мирное время – 90527 р. 49 к.; на Санкт-Петербургские и Охтинские и состоящие в малороссии Шостенские пороховые заводы, да в Москве на пороховое правление и на zapлату за делаемый на одном партикулярном заводе порох – 118916 р. 17,5 к.; на остзейские и российские гарнизоны – 149490 р. 94,5 к.; на арсеналы – 36229 р. 20 к.; на лабораторию – 3435 р. 68 к.; на понтонную роту на назначенное в ней по расписанию число людей, а на содержание самих понтонов за не имением вновь учиненного штата по прежнему в утвержденном о медных понтонах штат положено – 6098 р. 79 к.; на содержание в гвардии и армейских полках полковой артиллерии, т.е. пушек, к ним снарядов, фитилей, свеч палительных и трубок скорострельных – 1538 р. 67 к.; на фейерверки и иллюминацию – 10000 р.; на содержание крепостей – 132006 р. 53 к. Таким образом, общая годовая сумма расходов на содержание артиллерийского и инженерного корпусов составляла **1087689 р. 82 к.**[5,л.5]. Следовательно, на каждый год на все необходимые расходы по их содержанию не хватало без малого **500000 р.**

В заключение отметим, что Г.Г. Орлов уделял внимание и другим проблемам, связанным с продовольственным обеспечением военнослужащих артиллерийского и инженерного корпусов. В частности, на заготовление продовольствия приходилось тратить более высокие суммы, чем те, которые определялись государством. К примеру, было определено, что заготовку муки для армейских подразделений необ-

ходимо было проводить по 1 р. 20 и $\frac{1}{4}$ к. за пуд, **а по артиллерии – только по 1 рублю** [5, л.3об.]. Обращал внимание Г.Г. Орлов и на недостатки в области государственного финансирования содержание инженерного корпуса, в обязанности которого входило наблюдение за состоянием крепостей и при необходимости их ремонт. В частности, в упомянутом выше докладе на имя императрицы, Орлов отмечал, начиная с 1765 г. «...определяется почти всегда 227631 р.», которая каждый год сверх 600000 р. в приход и должна поступать. Однако, указанные суммы от Главного комиссариата (*финансовый орган, выделяющий денежные средства на содержание артиллерии и инженерного корпуса – В.Б.*), как правило, своевременно и в полном объеме не поступали, что и вынуждало руководство артиллерийского и инженерного ведомства заимствовать из одной суммы в другую, а потом обратно [5, л.3].

На свои средства Орлов осуществил постройку арсенала – трехэтажного здания с прекрасной архитектурой планировкой (*на месте нынешнего дома 4 по Литейному проспекту – В.Б.*). Постепенно Г.Г. Орлов отходит от государственных дел. С ноября 1783 года он поселился в Москве, где и скончался 13 апреля того же года.

Литература и источники

1. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерный войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.2.Оп.ШГФ (Штаб-генерал-фельдцейхмейстера). Д.2287.
2. Чернухин В.А., Юркевич Е.И., Вапилин Е.Г., Рипенко Ю.Б. История отечественной артиллерии в лицах: военачальники, возглавлявшие артиллерию (ракетные войска и артиллерию) в 1700-2019 гг. М.: Издательство «Горизонт», 2019. 455 с. С.66.
3. Архив ВИМАИВ и ВС.Ф.2.Оп.ШГФ.Д.1917а.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1086. Оп.1.Д.1179.
5. Архив ВИМАИВ и ВС.Ф.2.Оп.ШГФ.Д.2047.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ЗАДАЧИ ВЛАСТИ И МЕНТАЛИТЕТ ТОРГОВОГО СОСЛОВИЯ. XVIII ВЕК

The Formation of St. Petersburg merchant class: the government's objectives and the trading social class mentality. XVIII century

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты истории петербургского купечества, история его формирования. На основе анализа законодательных документов, отмечена роль царя и правительства в определении торговой политики страны. Большое значение для организации купечества, привлечение его к внешней торговле имела биржа, созданная в Петербурге, ставшая образцом для последующих организаций. Отмечено сложное отношение купечества к активной политике самодержавного правительства.

Ключевые слова: купечество, Санкт-Петербург, политика, власть, Пётр I организации, биржа, маклеры, гильдии, торговля.

Abstract. The article considers some aspects of Petersburg merchant class background, the history of its formation. The role of the Tsar and the government in determining the country's trade policy through the analysis of legislative documents is outlined. The stock exchange that was established in St. Petersburg and became a model for subsequent organizations was of great importance for the merchants' association, attracting them to foreign trade. The complex attitude of the trade community to the active policy of the autocratic government is highlighted.

Keywords: Merchants, St. Petersburg, politics, power, Peter I, organization, stock exchange, broker, guilds, trade.

История формирования и развития петербургского купечества свои истоки берет ещё в XVII веке. В это время активную торговлю вел Великий Новгород. Торговцы из Осташкова, Ярославля, Москвы и других районов России активно осуществляли внутреннюю и внешнюю торговлю через Новгород. Важным предметом вывоза, среди прочего, был хлеб. Через Новгород расширялась ганзейская торговля, увеличивался внешний товарооборот, обогащался и ассортимент ввозимых товаров. В конце XVII века новгородская торговля подготавливала оживление Балтийского торгового пути и способствовала будущим реформам Петра I.

Центр северо-западной торговли России перемещается в новый город – Санкт-Петербург. Город, который задумывался царем, как главный порт страны с западными партнёрами.

Среди первых распоряжений Петра I был приказ о проведении переписи всех судов, которые находились на реке Волхов. Это решение

было обусловлено необходимостью создания военного флота, поиска возможного обращения торговых судов в военные в условиях войны со Швецией. В 1703 году имел место доклад царю Ф.М. Апраксина, генерал-адмирала русского флота, о наличии судов в водном бассейне по Волхову до Ладожского озера. Больших и малых судов насчитывалось 506. В тоже время осуществлялась внешняя торговля, около 160 русских купцов находились в Стокгольме [1, с. 2,3].

С самого начала строительства Санкт-Петербурга формировались торговые пространства. Рядом с Петропавловской крепостью, первым домом Петра на берегу Невы, на Березовом острове было отведено место для первой в России биржи. На Троицкой площади началось строительство поселений, гостиного двора, места для собрания торговых людей – биржи.

По приказу царя со всех торговых центров России предписывалось богатым купцам переселяться в Санкт-Петербург, особенно это касалось зажиточного архангельского, новгородского и других, близлежащих городов, торгового сословия.

Понятны цели Петра, стремление сделать из Петербурга центр торговли, он отдавал себе отчёт о значении торговли для экономического благосостояния страны. Длительная Северная война должна была решить, в том числе, вопрос о расширении торговли с европейскими странами, что обеспечивалось завоевание свободы выхода в Балтийское море.

Первые строения торговых лавок, здания биржи были деревянные, при первом же пожаре в 1710 году они были уничтожены вместе с товаром, торговцы понесли большие убытки. На средства государства 1713 г. был построен новый гостиный двор. Далее процесс развития товарооборота увеличивался, Петр потребовал строительства нового каменного строения под биржу на Васильевском острове. Здание построено в 1724 году.

Биржевому делу царь уделял особое внимание. Во-первых, потому, что хотел объединить приезжавшее в Петербург купечество, имевшее разные представления о ведении торговли, разные торговые традиции; во-вторых, он стремился научить купечество торговать по европейским, цивилизованным правилам; в-третьих, через биржу контролировались торговые сделки. По мнению Петра I, биржа должна облегчить купечеству вести переговоры друг с другом, способствовать заключению сделок, собирать информацию о торговых делах в России и за её пределами, что было особенно важно при отсутствии средств информации.

Петербургская биржа, можно сказать, первое организованное со-

бране купечества. Она создавалась на опыте лондонской, амстердамской и других европейских бирж. Петербургская биржа сначала была товарной, состояла из подрядчиков, которые являлись первыми коммерсантами в новом городе. Развитие торговли привело к возникновению биржевых артелей [2, с.10-14].

Заинтересованное в развитии торговли Петербурга, правительство определяло не только место сбора купечества, но и правила их пребывания на бирже. В документах архива коммерц-коллегии прослеживается определённая забота об участниках биржи, никто и ничто не должно отвлекать их о деятельности на бирже. В тоже время, Сенат неоднократно предписывал строго соблюдать установленный порядок предоставления биржей ведомостей о ценах на товары, что вменялось бирже в святую обязанность [3]. Ограничений посещения биржи практически не существовало, действовать на бирже могли как российские торговцы, так и иностранцы

Следует отметить, что законодательная инициатива императора и Сената, объяснялась и отражала прежде всего интересы государства.

Биржевые купцы, как правило, являлись крупными покупателями товаров, а казна как раз в них и нуждалась. Поэтому правила, действовавшие на бирже в первую очередь, должны были обеспечить интересы казны. В 20-е годы XVIII века под влияние властей сформировались определенные правила деятельности биржи, частично заимствованные с западного опыта. По именному указу Петра I на бирже введена должность маклера, первым Гофмаклером был назначен английский купец Самойл Мюкс [4]. Его задача заключалась в организации сделок с казенными товарами. Казна нашла необходимым иметь специального человека-посредника в действиях с казенными товарами. Должность эта была от части оплачиваемая государством, в тоже время маклеры получали вознаграждение от частных лиц, участвовавших в торговых операциях. Интересно, что при посредничестве маклера в сделках между купцами куртаж (вознаграждение) взимался с обеих сторон. Размер куртажа устанавливался магистратом.

Властями были определены права и обязанности маклеров, в том числе установление порядка на бирже, заключение сделок с европейским купечеством, запись всех сделок в специальные книги и т.д. [5, с. 14].

В частности, во избежание обманов и прохождения некачественных товаров, магистраты определяли какие товары и векселя должны проходить через биржу. Высшее заведование всей торговлей и биржей, в том числе, было поручено Коммерц-коллегии, образованной по указу царя в 1717 г. Она должна была оберегать торговцев от зло-

употреблений. При Петре I президентами Коммерц-коллегий были сенатор, граф Ф.М. Апраксин (1717-1718 г.), действительный тайный советник П.А. Толстой (1718-1722 г.) и гвардии – капитан-лейтенант И.И. Бутурлин (1722-1725).

В регламенте Коммерц-коллегий в 1719 г. было рекомендовано организовать купечество в гильдии. В 1721 году Регламентом главного магистрата приказано разделить всё городское население, «регулярных» граждан на две гильдии. Среди прочего населения в первую и вторую гильдии были включены купцы. К первой относились купцы, торговавшие с границей и ведущие торговлю в рядах. Ко второй – все, торговавшие мелким товаром. Гильдейское купечество имело определённые преимущества, однако не было выделено в самостоятельное сословие. Самостоятельные купеческие гильдии появились после податной реформы Екатерины II 1775 г., когда произошло разделение мещан и собственно купцов, на три гильдии на основании по чести объявленного капитала. Окончательно правовой статус купеческих гильдий был оформлен Жалованной грамотой городам 1785 г.

Таким образом, в XVIII веке, волею Петра, придававшего особо важное значение развитию купеческого сословия и его роли в экономике страны, происходил процесс организации и поддержке купеческого сословия, однако делалось это в интересах государственной политики и императорской власти.

Проводимая политика дала свои положительные результаты. Обороты Петербургского порта с конца 20-х годов XVIII века выросли с 4 млн. руб. до 50 млн. рублей, в конце века. Значительно увеличился удельный вес внешней торговли северной столицы, он составлял от 50 до 80 % всей внешней торговли России [6, с. 122].

Петербургский порт стал центром торговли через Балтийское море. Большая часть экспортных товаров проходили через Петербург. Однако, по мнению А.И. Аксенова, в конце XVII века численность купечества заметно росла, а в первое десятилетие царствования Петра I резко сократилась [7, с. 34-35, 44-45]. На то имелись многочисленные причины, прежде всего монополия государства на торговое дело. Купца десятилетиями налаживали внутренние и внешние торговые сношения, по указу царя должны были насильно переселяться в Петербург и практически с нуля прокладывать торговые пути. Причем царь требовал переселения «крепких» купцов.

Несмотря на перенос столицы в Санкт-Петербург, Москва оставалась центром торговли России, со сложившейся структурой, связями, дорогами. Московские купцы не желали отказываться от своей привычной торговли, даже в пользу биржевой организации, сулившей

развитие внешней торговли. Неслучайно Петербургская биржа до конца XVIII века оставалась единственной в России. Переселяясь в Петербург, купечество сильно рисковало, нарушалась инфраструктура торгового промысла. Историк Н.И. Павленко, отмечал что по совокупности привилегированных торговцев «гостиной сотни» к 1715 г. торговый промысел сохранили из 226 человек только 104, а 17 представителей элитного купечества изменили сословную принадлежность [8, с. 63-65] Описывая историю российской торговли М.Д. Чулков, отмечал что в 1718 г. псковским и новгородским купцам было приказано не возить товар в Архангельск, а везти его в Петербург [9, с. 120].

Петр I стремился привлечь в Россию иностранных торговцев, предоставляя им множество льгот, прежде всего купечество Голландии, Англии, Франции. В 1723 г. он попытался наладить торговые отношения с Испанией. Снарядив туда три корабля, царь рассчитывал создать в Испании торговые компании по образцу голландских. Купцам было приказано снарядить эти корабли, обеспечить их товаром. Для ознакомления с новыми торговыми сношениями в Испанию должны были быть направлены несколько купцов. Купечество стремилось всячески избежать это предприятие, одни меняли места жительства, уезжали в неизвестном направлении, другие – представляли негодный товар. Поэтому отправка судов задержалась до 1725 г.

Очевидно, что, задумывая масштабные реформы, Петр рассчитывал на предприимчивость, способность к риску купеческого сословия. Однако понимал, что среди них не так много «капитальных» торговцев. Поэтому политика царя была направлена на расширение зажиточного торгового сословия. Слова Петра о том, что «добро и надобно, русские без принуждения не сделают», объясняют действие царя. В конечном итоге, цель Петра Великого была достигнута, Петербург стал центром торговли России, особенно внешней, а купечество постепенно выделилось в особое сословие, влиявшее на экономическое состояние страны.

Литература и источники

1. Немиров Г.А. Опыт истории Санкт-Петербургской биржи в связи с историей Санкт-Петербурга как торгового порта. Вып.4. СПб.: тип. Братьев Пантелеевых, 1889.
2. Немиров Г.А. Биржевая артель в Санкт-Петербурге. СПб. 1876.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание первое. 1830.Т. IV. 1723. №4293.
4. ПСЗ. Т.V.1717. №3074.
5. Тимофеев А.Г. История Санкт-Петербургской биржи. 1703-1903 гг. СПб.: Издательство СПб биржевого комитета.1903.

6. Очерки истории России. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. Москва, 1956.
7. Аксёнов А.И. Генеалогия московского XVIII в. Москва, 1988.
8. Павленко Н.И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века. // История СССР. 1978.
9. История краткая российской торговли. Москва: тип. Пономарёва, 1788.

Т.Г. Фруменкова
T.G. Frumenkova

И.И. БЕЦКОЙ: ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН, СПОДВИЖНИК ЕКАТЕРИНЫ II, ЧУДАКОВАТЫЙ АРИСТОКРАТ

I.I. Betsky: illegitimate son, associate of Catherine II, eccentric aristocrat

Аннотация. В статье предпринята попытка выяснить, как особенности биографии И.И. Бецкого, внебрачного сына, волей отца ставшего аристократом, отразились на деятельности этого сторонника идей Просвещения, сподвижника Екатерины II по вопросам воспитания и образования.

Ключевые слова: И.И. Бецкой, Екатерина II, внебрачный сын, аристократ, идеи Просвещения, сподвижник, воспитание, образование, воспитательный дом.

Abstract. The article attempts to find out how the features of the biography of I.I. Betsky, an illegitimate son who became an aristocrat by the will of his father, affected the activities of this supporter of Enlightenment ideas, an associate of Catherine II on issues of upbringing and education.

Keywords: I.I. Betsky, Catherine II, illegitimate son, aristocrat, Enlightenment ideas, associate, upbringing, education, founding house.

Закрытость личной жизни - характерная черта И.И. Бецкого (1704 – 1795). Она явно связана и с происхождением известного деятеля екатерининского Просвещения. Побочный сын князя И.Ю. Трубецкого, он появился на свет во время шведского плена отца. Князь в браке сыновей не имел, опекал И.И. Бецкого, дарил ему имения. И.И. Бецкой был дружен со сводной сестрой, по второму мужу принцессой А.И. Гессен-Гомбургской, и ее дочерью княгиней Е.Д. Голицыной. Историк П.М. Майков приложил много усилий, чтобы собрать сведения о его матери, и заключил, что ее имя и происхождение неизвестны [1, с. 5].

В миропонимании И.И. Бецкого сочетались ощущения внебрачного сына и образ жизни аристократа.

Сведения об образовании И.И. Бецкого скудны, но он был образованным человеком, участвовал в важных исторических событиях 1730 – начала 1740-х гг., находясь на их периферии. Видимо, дружбой Елизаветы Петровны со своей статс-дамой принцессой А.И. Гессен-Гомбургской, а также желанием императрицы угодить генерал-фельдмаршалу И.Ю. Трубецкому объяснялось назначение И.И. Бецкого в 1742 г. камергером двора наследника престола [1, с. 20 - 21]. Он дошел «по знатности отца своего, не имея в службе никаких знатных оказий, до немалого чина генерал-майора» [2, с. 95 - 96]. Новая должность помогла И.И. Бецкому близко познакомиться с наследником и его невестой, будущей Екатериной II. Скоро он превратился в ее «старого знакомого. В эти годы он сблизился с матерью Екатерины, герцогиней Иоганной-Елизаветой и, вероятно, имел роман с ней. Екатерина заметила, что «это сближение многим не понравилось», особенно графу А.П. Бестужеву. И.И. Бецкой вместе с родственниками оказался в центре придворных интриг. После высылки герцогини за границу усилиями А.П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. он был уволен от двора наследника. Позднее с племянницей и ее мужем князем Д.М. Голицыным И.И. Бецкой отправился за границу [3, с. 92].

С многолетним пребыванием И.И. Бецкого в Европе по традиции связывают формирование его просветительских педагогических взглядов и благотворительных идей. И.И. Бецкому к концу путешествия в 1760 - 1761 гг. было 56 – 57 лет, его характер и стремления явно определились, так что, скорее всего, он мог утвердиться в своих взглядах и собрать материалы для практической работы. В своих проектах И.И. Бецкой упоминает, в основном, о виденных им воспитательных домах и госпиталях. Путешественника интересовали благотворительные и медицинские учреждения, каких еще не было в России [4, № 11908; 5, № 12875, № 12957; 6, с. 45]. Особенный интерес к организации призрения детей, оставшихся без родителей, несомненно, объясняется происхождением путешественника и его просветительскими взглядами.

Другим важным занятием И.И. Бецкого в Европе являлось проведение времени в «просвещенных обществах». Вероятно, он посещал салон М.Т. Жоффрен. В ее салоне можно было встретить Ж.Л. Д'Аламбера и К.А. Гельвеция, сюда приходили артисты и художники, представители высшего света. «Очаровательная любезность и тонкий ум хозяйки, а также интересное и веселое общество... наука облекалась в самые приятные формы, а разговоры велись свободно, но с соблюде-

нием должных приличий», – отмечал А.С. Лаппо-Данилевский [7, с. 9, 27]. Здесь обретал утонченность и аристократизм И.И. Бецкого.

И.И. Бецкой много лет находился в тени. Возможность реализации просветительских идей он связывал с новым императором и его супругой. И.И. Бецкой вернулся в Россию незадолго до переворота 28 – 30 июня 1762 г., не был участником событий и попал в двусмысленное положение при дворе после воцарения Екатерины. За первый год ее царствования происходит сближение императрицы с будущим сподвижником. Его письмо к Екатерине, датированное предположительно декабрем 1762 г., написано легко, наполнено изящными изъяснениями преданности и симпатии: «Я сто раз перечислял Вам... все качества, которые я у Вас заметил,.. Вы всегда мне отвечали: Ей Богу, мой генерал, мне кажется, вы в меня влюблены. ...Все минуты моей жизни посвящены служению самой обожаемой из всех государынь и... для меня чрезвычайно приятны» [8, с. 383 – 384].

В 1763 г. И.И. Бецкой в Москве представил Екатерине доклад об учреждении императорского воспитательного дома и его Генеральный план. Полное название закона, которым 1 сентября 1763 г. было объявлено о создании дома, сообщало о его сложном составе: «Манифест с приложением высочайше утвержденного проекта генерал-поручика Бецкого. – Об учреждении в Москве воспитательного дома с особливym гошпиталем для неимущих родильниц» [4, № 11908]. Манифест, предпосланный проекту, – явление уникальное, свидетельствующее о чрезвычайной важности появления нового учреждения для императрицы и том, какое серьезное участие в работе И.И. Бецкого принимала она сама.

Излагая причины создания дома, Екатерина утверждала, что «призрение бедным и забота о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности и добродетели каждого боголюбивого владетеля». Ее взгляды объединялись с представлениями внебрачного сына И.И. Бецкого. По его мнению, дом был необходим для спасения жизни «несчастнорожденных» внебрачных детей, которые, «едва успев принять дыхание, лишаются оного в тайне от немилосердых своих родительниц и их бесчеловечных помощников». В докладе, предпосланном плану, он взывал к императрице: «Коликого скипетр Ваш ежегодно числа подданных таким образом лишается, которые по надлежащем воспитании... могли б быть... полезными членами общества» [4, № 11908]. И.И. Бецкой был убежден, что брошенных внебрачных детей в России очень много, и большая часть из них погибает. Мнение И.И. Бецкого подтверждают источники - получаемые им письма [9, л. 130 об., 132] и выводы на основании источников амери-

канского историка Д. Рэнсела [10, Р. 8 - 30].

Утвердив комплекс документов, сопровождавших Генеральный план, Екатерина пожаловала главного попечителя И.И. Бецкого «на время основания и приведения в действо всего учреждения... такую властью, чтоб он мог... и без опекунского совета ... исправлять и переменять по своему благоизобретению во внутренних обрядах воспитания и домоводства того дома». Тесное сотрудничество Екатерины II и И.И. Бецкого продолжалось более 10 лет. 21 апреля 1764 г., в день рождения императрицы, воспитательный дом начал прием детей. Чуть раньше, 22 марта 1764 г., она утвердила созданное И.И. Бецким при ее активном участии «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоего пола». Предполагалось создать в России училища для произведения «способом воспитания... новой породы» людей и появления «третьего чина», или сословия [4, № 12103].

«Генеральное учреждение» открывает серию законопроектов И.И. Бецкого. В 1763 – 1764 гг. он был личным секретарем и чтецом Екатерины. 6 ноября 1764 г. она писала М.Т. Жоффрен: «Он (И.И. Бецкой – Т.Ф.) действительно ужасно занят, не только своею должностью, но и множеством новых заведений и проектов. Мы зовем его детским магазином» [11, с. 261]. 5 мая 1764 г. в Петербурге было открыто первое в России и второе в Европе женское учебное заведение – Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт), 4 ноября того же года императрица подписала новый устав Академии художеств с училищем при ней [4, № 12154, № 12275], 11 сентября 1766 г. – новый устав Шляхетского кадетского корпуса, 16 ноября 1766 г. – указ о распространении по «присутственным местам» «Краткого наставления» о физическом воспитании детей [12, № 12481, 12785]. В 1770 г. открылось Петербургское отделение воспитательного дома, в 1772 г. – вдовья, сохранный и ссудная казна воспитательного дома, а при поддержке и на деньги П.А. Демидова - коммерческое училище [13, № 13429, № 13862, № 13909, № 13916].

Это была наивысшая точка сотрудничества И.И. Бецкого с Екатериной – и начало его конца. Первым тревожным сигналом стало создание казны. Один из постулатов, положенных в основу воспитательного дома, – его содержание только за счет благотворительных пожертвований – оказался ошибочным. Пришлось создавать при доме банк (сохранный казну), ломбард (ссудную казну), вдовью казну (банк, в который мужья могли вносить вклады на имя жен для их обеспечения).

Реализовать идеи создания новой породы людей, добиться распространения широкой, постоянной частной благотворительности не удалось. Переписка И.И. Бецкого с опекунами – руководителями дома

– показывает его растущую неудовлетворенность работой учреждения [14, л. 1 об., 3–5, 7–9, 12]. Недовольство императрицы проявилось в ее письмах, отправленных после посещения Московского дома в 1775 г. [8, с. 404]

Разочаровавшись в своих сотрудниках, И.И. Бецкой в 1780 г. предоставил воспитательному дому автономию [15], но и это не помогло улучшить его работу. 31 мая 1790 г. И.И. Бецкой объявил о возвращении себе полной власти в отношении Петербургского дома, но прежнюю систему вернуть не удалось. Попытка взять в свои руки бразды правления хотя бы в Петербурге привела к унижительному поражению и ускорила его фактическую отставку. Екатерина II в этом конфликте приняла сторону противников И.И. Бецкого [16, с. 66 - 67]. С осени 1790 г. участие И.И. Бецкого в делах учебных заведений почти прекратилось. В 1795 г. он умер.

Только совпадением идей и планов И.И. Бецкого с чаяниями императрицы можно объяснить его стремительное возвышение и начало в немолодые годы бурной государственной и общественной деятельности. Они нуждались друг в друге, но их отношения не были безоблачными. Для императрицы И.И. Бецкой – старый предмет ее обихода: им пользуются, но он надоел, над иронизируют, со временем он все более раздражает. «Гадкий генерал», «старый хрыч» - такими «шутливыми» прозвищами наделяет она И.И. Бецкого в письмах [17, с. 241, 295, 443]. А.С. Лаппо-Данилевский утверждал, что основной причиной разлада являлись претензии И.И. Бецкого на главную роль в создании учебно-воспитательных заведений [7, с. 12]. Этот мотив, несомненно, существовал, но Генеральный план наделял И.И. Бецкого уникальными полномочиями, предоставлял ему лично редкую для самодержавного государства автономию. Думается, к причинам конфликта добавлялось разочарование в преобразованиях, проходивших не с тем успехом, веру в который разделяла Екатерина. Горечь усиливала прогрессирующая дряхлость давнего соратника – императрица тоже старела! Однако на деле Екатерина до конца жизни И.И. Бецкого всерьез не меняла устройство его учебно-воспитательных заведений.

Современные историки образования, как правило, резко критикуют систему И.И. Бецкого, забывая об Екатерине II. В самом деле, многие идеи Просвещения на практике не оправдались. Мысль о формировании в закрытых учебно-воспитательных заведениях новой породы людей, тем более, в условиях крепостнического государства, оказалась абсолютно утопической. Училища закрытого типа как основа системы образования не годились, да и необходимости в них не было. Провальным оказалось и убеждение просветителей, что нет надобности

в специальном педагогическом образовании. Однако сотрудничество И.И. Бецкого с Екатериной II принесло важные результаты. Государственная власть с подачи И.И. Бецкого стала организатором заведений для сирот и брошенных детей в масштабах всей страны. И.И. Бецкого упрекают в том, что в воспитательный дом принимали новорожденных, и это приводило к высочайшей детской смертности. Но нельзя забывать, что в XVIII в. до совершеннолетия доживала лишь половина появившихся на свет. И.И. Бецкой и Екатерина смогли создать в сословном обществе уникальное всесословное учебно-воспитательное заведение. Это было возможно, только если ребенок не сумеет поведать о сословии родителей. Безродные дети получали образование по способностям и их нельзя было закрепощать.

Вместе с императрицей И.И. Бецкой стал основоположником женского образования, а вместе с П.А. Демидовым – коммерческого образования в России. Он способствовал развитию художественного образования. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе юные дворяне получали широкое образование и некоторую антикрепостническую закваску – им запрещалось иметь крепостных слуг. В учебно-воспитательных заведениях И.И. Бецкого запрещались телесные наказания, действовал принцип: никогда и ни за что не бить детей.

И.И. Бецкой имел чудаковатые, но милые холостяцкие привычки. Он не обедал вне дома и даже в императорском дворце получал «свое кушанье... особенно от прочих». Зато в изящном дворце на берегу Невы изысканный придворный охотно принимал гостей, начиная от Екатерины и зарубежных монархов. Гости наслаждались комфортом (в доме был водопровод), любовались произведениями искусства и висячим садом, по которому бродили цыплята, выведенные хозяином в инкубаторе [18, с. 151 – 156]. И.И. Бецкой обладал чувствительной душой. Сохранились сведения о его последней привязанности – смолянке Г.И. Алымовой, по мужу Ржевской. Если верить ее мемуарам, попечитель влюбился в воспитанницу, бывшую моложе его на 55 лет, не решился открыто сделать ей предложение, но ревновал ее к жениху, чем доставил ей много неприятностей [19, с. 44 - 54].

Итак, индивидуальность И.И. Бецкого, внебрачного сына и при том «папенькина сынка», четко вырисовывается только во второй половине его жизни. Екатерина и ее царствование превращают И.И. Бецкого в фигуру публичную, привлекательную для одних, другими при дворе нелюбимую, как не любят выскочек, предлагающих необычные, новые идеи. Часть из них оказалась утопической, другие же внесли значительный вклад в создание системы призрения сирот и развитие образования в России.

Литература и источники

1. Майков П.М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1904. – XII, 474, [2], 279 с.
2. Нащокин В.А. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб.: тип. Акад. наук, 1842. – VI, 385 с.
3. Архив князя Воронцова. Ред. П.И. Бартенев. Кн. 33. Бумаги государственного канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова. М.: тип. Мамонтова, 1887. – XII, 480 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (далее – ПСЗ РИ). Т. 16.
5. ПСЗ РИ. Т. 18.
6. Путерен М.Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и в других странах. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. – IV, 668 с.
7. Лаппо-Данилевский А.С. И.И. Бецкой и его система воспитания: Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о соч. П. М. Майкова: «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии». СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. — [4], 61 с.
8. Письма И.И.Бецкого к императрице Екатерине Второй // Русская старина. 1896. Т. 88. № 11. С. 381 – 420.
9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 759. Оп. 10. Д. 333.
10. Ransel D. Mothers of Misery. Child abandonment in Russia. Prinseton: Prinseton university press, 1988. – XIV, 330 с.
11. Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен. Сообщено А.Ф. Гамбургером // Сборник русского исторического общества. 1867. Т. 1. С. 253 – 291.
12. ПСЗ РИ. Т. 17.
13. ПСЗ РИ. Т. 19.
14. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 369.
15. Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 100. Прибавления.
16. Фруменкова Т.Г. Предыстория и начальная история Петербургского воспитательного дома (1763 – 1796 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2007. № 4 (42).
17. Бумаги императрицы Екатерины II // Сборник русского исторического общества. Т. 10. СПб., 1872.
18. Частные сведения об Иване Ивановиче Бецком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Паг. 5. Смесь.
19. Ржевская Г.И. Памятные записки // В кн.: Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 33 – 66.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОСЕЛЕННЫХ ОКРУГОВ В 1810-1850-Х ГГ.

*Transformation of the mentality of the population of military settlements
districts in 1810-1850*

Аннотация. В статье рассматривается тема трансформации ментальности населения округов военных поселений в первой половине XIX в., показано влияние изменения социального статуса и традиционного положения на формирование протестных настроений в среде бывших крестьян и казаков на начальном этапе и адаптация и принятие нового положения в последующие периоды.

Ключевые слова: ментальность, военные поселения, военно-земледельческий социум, военные поселяне-хозяева, государственные крестьяне, казаки, генералы А.Ф. Ланжерон, Л.Л. Беннигсен, И.О. Витт

Abstract. The article considers the topic of the transformation of the mentality of the population of military settlement districts in the first half of the XIX century, shows the impact of changes in social status and traditional position on the formation of protest moods among former peasants and Cossacks at the initial stage and the adaptation and adoption of a new position in subsequent periods.

Keywords: mentality, military settlements, military-agricultural society, military settler owners, state peasants, Cossacks, generals A.F. Langeron, L.L. Bennigsen, I.O. Witt

Модернизационные процессы в России первой четверти XIX в. привели к трансформациям практически во всех сферах жизни общества. Развертывание военно-поселенной системы пехоты и кавалерии в 1810-х гг. в ряде регионов России способствовало изменению хозяйственного уклада их населения, его социального статуса и трансформации его ментальности. В состав округов военных поселений (далее – ВП) в Могилевской, Витебской, Новгородской, Слободско-Украинской, Херсонской, Киевской и Подольской губерний были включены в основном государственные имения с крестьянами и казаки двух войск - Бугского и Чугуевского [12, с. 70]. Территории для развертывания округов ВП в губерниях определялись, исходя из наличия государственных земельных фондов и отсутствия череспоселенных владельческих имений. Одновременно выбор районов ВП определялся и задачей формирования второго эшелона пояса обороты северо-западных, западных и юго-западных границ или внутреннего западного пограничного фронта. Размещение поселенных полков препровождалось, по распоряжению в 1817 г. императора Александра

I, подробными съемками «на план» и составлением «подробнейшего описания» тех земель, где предполагалось их размещение (в Могилевской, Новгородской, Херсонской губерниях) [12, с. 68-69].

Выбирая и определяя районы поселения кавалерии в южных территориях, Александр I также учитывал и опыт поселения военизированных частей на прежних пограничных линиях. В апреле 1817 г. император предписывал начальнику Главного штаба с. и. в. генерал-адъютанту князю П.М. Волконскому провести обследование земель бывшей Украинской пограничной линии, отмечая, что «места, лежащие по бывшей Украинской линии, начиная от г. Изюма и реки Донца, и простираясь через Константиноград и местечко Царицынку до реки Днепра и Алексополя, представляют нарочитую удобность для военного поселения. На всем этом пространстве жители составляли некогда сами ландмилицкие полки, сохранили еще дух воинский и мало имеют в землеустройствах своих чересполосных помещичьих владений» [12, с. 68].

Казаки Бугского войска и в 1810-х гг. выполняли обязанности «содержания пограничной стражи». Херсонскому военному губернатору генералу от инфантерии графу А.Ф. Ланжерону и главнокомандующему 2-й армией генералу от кавалерии графу Л.Л. Беннигсену в апреле 1817 г. последовали распоряжения на предмет соединения всех частей Бугского казачьего войска в округе его поселения и «все команды сего войска, у содержания пограничной стражи и в других командировках находящиеся, возвратить немедленно в свои жилища, а на место их употребить один из Оренбургских казачьих полков, кои назначались к отпуску в свои дома из 2-й армии» [12, с. 72]. И Оренбургский полк поступал в распоряжение генерала А.Ф. Ланжерона. Бугские казаки теперь не могли привлекаться к защите границ, так как получали новый статус военных поселян, новые обязанности и права, для них определялись новые условия службы.

В мае 1817 г. генералу Л.Л. Беннигсену было предписано 2-ю бригаду Украинской уланской дивизии, назначаемую в ВП, считать в командировке, и она селилась «на землях Бугского казачьего войска и прибавленных к оному селений», поступая в распоряжение генерал-майора графа И.О. Витта [12, с. 78, 82]. Поселение кавалерийских полков осуществлялось на основании первой части «Проекта учреждения о военном поселении регулярной кавалерии», [10] особых правил о переходе коренных жителей в военные поселяне [8; 9] и о выборе чиновников в составе поселенных эскадронов [7], которые отсылались графу И.О. Витту. Казенные селения, назначаемые для расквартирования поселенных полков, разделялись на четыре округа

«с наблюдением возможного равенства в количестве земли, природных ее выгод и числа коренных жителей» [12, с. 82].

Организация поселенных округов и расквартирование в них на постоянных квартирах батальонов пехоты и эскадронов кавалерии повлекло за собой изменение направленности их социально-экономического и социокультурного развития, формирование принципиально иной социальной иерархичной структуры, трансформацию ментальности их населения. Менялся социальный статус коренного населения – государственных крестьян и казаков, они переходили в подчинение и управление военного ведомства. В некоторых округах пехотных ВП на начальном этапе их создания в хозяева (поселенная часть) определялись старослужащие солдаты, получавшие от государства все необходимое для развития военно-поселянского хозяйства и обеспечения служащих действующих батальонов продовольствием. Из округов также изначально переселяли местное население – мещан, купцов.

Для поселения полка назначался «известный округ земли, со всеми коренными ее жителями». Округ исключался из гражданского ведомства и поступал в непосредственное военное управление [11, с. 1]. Поселенные батальоны и эскадроны не ходили в походы, и из их состава не комплектовались другие полки по Положению, изданному 11.06.1816 г. До 1826-1827 гг. хозяева поселенных батальонов и эскадронов занимались строевой подготовкой, т.е. хозяйственные занятия сочетались со строевой службой. Военные поселяне этих подразделений именовались *хозяевами*, и каждый хозяин имел в округе своего поселения особый участок земли [11, с. 3]. В поселенном батальоне имелся и непоселенный состав: фельдфебели (4), каптенармусы (4), унтер-офицеры (24), барабанщики (17), флейщики (2) и рядовые (56), всего 107 человек [11, с. 5]. Солдаты, служащие в двух действующих батальонах, «располагались квартирами у военных поселян своего поселения, полагая на каждого по два солдата», с середины 1820-х гг. – по одному постояльцу [11, с. 8]. Для расквартирования военных поселян в пехотных ВП отстраивались вновь ротные поселки, куда селили хозяев из старослужащих солдат и переселяли коренное крестьянское население [5, с. 124; 13]. В поселенные округа возвращались все нижние чины, служащие в армии (кроме гвардии), их включали в состав действующих батальонов поселенных полков [11, с. 13-14], а также возвращались и их семьи.

По принятому законодательству «коренные жители округа, для поселения полка назначенного, входя в общий состав военного поселения, содействуют к достижению предположенной цели» поселений [11, с. 10]. Они при переходе в новое состояние освобождались

от государственных податей и исполнения земских повинностей как денежных, так и натуральных, от рекрутских наборов, губернская земская полиция не имела «никакого влияния в дела сих жителей». Все военные поселяне подчинялись «устройству воинского порядка и дисциплины», за проступки подвергались законам военного суда [6, с. 13]. Поселяне-хозяева не наказывались телесно без рассмотрения и письменного приговора Комитета полкового управления (далее – КПУ) [6, с. 13]. Для улучшения хозяйства казна давала коренным жителям бесплатно лошадей, лес из казенных дач на постройку домов и хозяйственных заведений [11, с. 12]. Коренные жители употреблялись «в работы по устройству военного поселения», цены за работы назначались самими жителями с утверждения полкового управления и засчитывались в счет их мирских повинностей [11, с. 16].

Военные поселяне-хозяева и их *помощники* в округах ВП кавалерии получали жалованье (до 1826 г.), мундирные, амуничные и оружейные вещи, и провиант в первые годы поселения наравне с солдатами действующих батальонов и эскадронов. Они также получали выстроенные от казны дома, землю под огороды, выгоны, сенокосы и хлебопашество. Казна снабжала поселян-хозяев домашним скотом и упряжью, земледельческими орудиями, в первый год поселения семенами озимого и ярового хлеба [11, с. 26-27]. Все, что хозяева получали в результате своей хозяйственной деятельности, являлось их собственностью. Право владения всем, приобретенным до перехода в поселение, и полученного от казны, также сохранялось за ними [6, с. 13]. Постояльцы-солдаты обязаны были помогать хозяевам во всех домашних и земледельческих их работах [11, с. 28]. В случае нужды и чрезвычайных обстоятельств поселянам была гарантирована помощь из средств заемного денежного капитала и запасных хлебных магазинов [6, с. 13; 11, с. 61-70].

Основанием прав военных-поселян хозяев и их помощников были беспорочная служба, доброе поведение и способности к хозяйству. Они обязаны были производить по раскладке все общественные работы по распоряжениям КПУ: общественные посевы, где сеяли овес, ячмень, гречиху и рожь, и сенокосы (в кавалерийских округах); приготовление дров или другого топлива для отопления штабов; приготовление строительных материалов для устройства округа; устройство и поддержание в исправности общественных в округе зданий, дорог, мостов, гатей, перевозов и других заведений [6, с. 15-16]. Замещение военных-поселян хозяев осуществлялось по старости, неспособности к хозяйству, в случае преступления, в случае смерти. Хозяин имел право при переходе в инвалиды по старости или дряхлости из-

брат наследника-хозяина (сына, зятя, другого родственника) который поступал на его место, или его замещал поселянин, определяемый полковым управлением. Таким образом обеспечивалась необходимая преемственность в развитии военно-поселянского хозяйства. Вдовы военных поселян-хозяев оставались в своих домах до конца жизни или замужества и разделяли с наследниками или с новыми хозяевами домашние труды, и они были обязаны их обеспечивать пропитанием [11, с. 20].

Прежние поселяне-хозяева передавали своим наследникам все имущество, полученное ими от казны «для своего домообзаводства» [11, с. 22]. Они также могли остаться в прежнем своем доме, и наследник был обязан его содержать. И если прежний хороший хозяин пожелает некоторое время управлять хозяйством, чтобы ввести в курс дела наследника, это ему разрешалось, и он получал похвалу. Поступая в инвалиды поселенного полка, прежние хозяева получали от казны землю и пособие для постройки дома [11, с. 25]. Военные поселяне и члены их семей также получали гарантированное медицинское обслуживание [11, с. 29; 6, с. 14]. Обучение и приготовление на службу детей военных поселян правительство принимало «на свое попечение, не обременяя родителей никакими на оное издержками [6, с. 14], что расширяло возможности их образования и социализации.

Изменение социального статуса и правового положения, хозяйственного уклада, жизнедеятельности крестьянского и казацкого социумов территорий, отошедших под поселенные округа, вызвали протестные выступления в момент устройства в Новгородских округах (1817 г.), в бывшем Бугском (1817 г.) и Чугуевском войске (1819 г.). Крестьяне, среди которых были и старообрядцы, и казаки изначально не принимали новшества военно-поселенной организации, и не могли в одночасье смириться с изменением своего социально-правового положения и обязанностей. «На начальном этапе создания округа поселения, по мнению А.А. Аракчеева, первоочередная задача состояла в быстром «обмундировании» коренных жителей и разделении их на «классы», согласно возрасту и годности к строевой службе. Действия военных властей вызвали незамедлительную реакцию со стороны крестьян, которая вылилась в массовые неповиновения, побег, подачи жалоб и т.п. Особенно ярко это проявилось в Высоцкой и Холынской волостях. В остальных округах эта процедура протекала относительно спокойно» [14, с. 54; 4].

В Новгородском ВП крестьяне всячески противились переменам, обращались с просьбами даже к членам царской семьи. Как писал в своих записках офицер инженер А.И. Мартос, «халынские жители

отдавали свои дома, свое имущество, все, что нажили подлинным трудолюбием, лишь бы их оставили в покое. «Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь: мы охотнее согласимся, у нас есть руки, мы и там примемся работать, и там будем жить счастливо; но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами» - эти их слова я часто сам слышал, в Бронницах будучи» [1, с. 106]. Наиболее сильное сопротивление, вылившееся в восстания, перемены вызывали в среде казачества, которое, хотя и традиционно занималось хозяйственной деятельностью, и несло военную службу, не могло смириться и согласиться с потерей своей воли и свободы, с ударом по психологии свободного человека и по независимому характеру, с утратой демократических начал в системе управления (казацкий круг), устоявшегося типа хозяйствования и социокультурного развития.

Военных поселян не устраивали изменения условий жизни, факты усиления регламентации (особенно в «аракчеевский период») и контроля со стороны начальства в повседневной жизни, дополнение хозяйственных занятий строевой подготовкой (первые 9-10 лет), необходимость отказа от традиционного хозяйственного уклада и опыта жизни, строевые смотры. Как вспоминал один из бывших военных поселян Герасим Родионов, «в особенности летом невыносимо тяжело было, пока муж на работе (на пашне ли или навоз возит), баба амуницию и ружье вычистит; пообедаст второпях мужик, а уж отдыхать некогда: вместо отдыха должен идти на учебу, а потом опять на работу» [1]. Чуждым было для крестьян введение форменной одежды, необходимость быть в ней даже на работах; а также соблюдение множества правил и установлений, ограничение торговой деятельности в поселениях пехоты и переселение в ротные поселки на начальном этапе развития ВП. Не изменялся многовековой православный уклад жизни (за исключением старообрядцев), что способствовало сохранению нравов, обычаев и традиций, менталитета нового социума.

Восстание 1831 г. в Новгородском ВП было обусловлено эпидемией холеры, [2] и это привело к изменению статуса военных поселян пехотных округов на статус пахотных солдат в полковых округах пехотных ВП. «В отсутствие воевавших с восставшими поляками действующих батальонов в поселениях произошло стихийное выступление, связанное с эпидемией холеры. Страхи, подозрения и обиды поселяне вымещали на тех, кого считали своими главными притеснителями, – офицерах» [13].

Все означенные факторы не могли не повлиять на трансформацию ментальности населения округов ВП. Но по мере адаптации к

новым условиям хозяйственного развития округов ВП и к новому образу жизни менялось восприятие поселянами окружающей среды, «картины мира» и военно-поселенной действительности, с ее системностью построения и структурированным порядком, определенными позитивными переменами, а также видение и восприятие собственного положения в системе военно-поселенной иерархии и нового военно-земледельческого социума, в обновленной социокультурной системе. Принципы демократического управления в поселенных округах были реализованы на уровне ротных и эскадронных комитетов, в состав которых входили и сами военные поселяне, здесь был закреплён принцип выборности и сменяемости их состава. После отмены ВП бывшие поселяне сожалели об утраченном порядке, регулярном устройстве, прежнем укладе, дисциплине, системе социальных гарантий, возможности иметь продовольственную и финансовую поддержку, что позволяло обеспечивать стабильность развития хозяйств. В периоды перемен и в протестные периоды доминировал и утверждался в сознании поселян образ «человека борющегося», сформированный предшествующими поколениями. По мере адаптации, в результате некоторой трансформации ментальности, сформировался образ человека, принявшего новые реалии, смирившегося со своим новым социальным статусом и положением, условиями жизнедеятельности, постепенно осознававшим все свои выгоды.

Литература и источники

1. Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 488 с.
2. Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., печ. В.И. Головина, 1870. – V, 282 с.
3. Евстафьев П.П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.: Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 253 с.
4. ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 20. № 1. Л. 32.
5. Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) //Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 119-154.
6. Положение о военном поселении регулярной кавалерии. Спб.: тип. Главного штаба е. и. в. по военному поселению, 1827. – 77 с.
7. Правила для руководства при выборе в кавалерийских полках воинских чинов в состав поселенных эскадронов //Граф Аракчеев и военные поселения. 1809-1831 гг. СПб.: Русская старина, 1871. С. 224-228.
8. Правила о переходе коренных жителей в военные поселения округов военного поселения кавалерии // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809-1831 гг. СПб.: Русская старина, 1871. С. 228-232.
9. Правила о переходе коренных жителей в военные поселяне округа военного поселения пехоты. СПб.: тип. Карла Края, 1820. – 70 с.
10. Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1-3

СПб., тип. Карла Края, 1817-1822.

11. Проект учреждения о военном поселении пехоты. Ч. 1. Устройство военного поселения. СПб.: тип. Карла Края, 1817. – VIII, 70 с.

12. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии /Изд. под ред. Н. Дубровина. Вып. 5. СПб. : Гос. тип., 1892. – XVIII, 524 с.

13. Хохлов И. Здесь в гусарах ходил Лермонтов, в уланах – Фет... Судьба военных поселений на Новгородчине в XIX веке // Родина. 2016. № 5. С. 98-101.

14. Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: «Сіверянська думка», 2006. – 443 с.

Е. А. Леонов

E. A. Leonov

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАЧЕСТВА КАК ВОИНСКОГО СОСЛОВИЯ В КОНЦЕ XIX В. ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ ПРОБНЫХ МОБИЛИЗАЦИЙ КУБАНСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК 1890 – 1892 ГГ.

*The transformation of the Cossacks as a military class at the end of the
XIX century. based on the materials of trial mobilizations of the Kuban
and Orenburg Cossack troops in 1890 – 1892.*

Аннотация. В статье раскрывается общее состояние казачьих войск Юга России, а именно Кубанского и Оренбургского войска в последнее десятилетие XIX в. По итогам пробных мобилизационных сборов казаков 2-й очереди по инициативе военного руководства в период 1890 – 1892 гг. было зафиксировано множество организационных, хозяйственно-бытовых проблем казачьих частей. Автором делаются выводы о системных проблемах казачьих войск и утраты ими значительной части своего боевого потенциала к началу XX в. Трансформации в менталитете, образе жизни и отношении к службе казаков как сословия в целом, происходили в силу объективных процессов разложения военно-феодалных порядков на территориях их проживания.

Ключевые слова: пробная мобилизация, резервные войска, мобилизационный план, казачьи войска, Кубанское казачье войско, Оренбургское казачье войско.

Abstract. The article reveals the general condition of the Cossack troops of the South of Russia, namely the Kuban and Orenburg troops in the last decade of the XIX century. According to the results of the trial mobilization of the Cossacks of the 2nd stage on the initiative of the military leadership in the period 1890-1892. many organizational, economic and household problems of the Cossack units were recorded. The author draws conclusions about the systemic problems of the Cossack

troops and the loss of a significant part of their combat potential by the beginning of the XX century. Transformations in the mentality, lifestyle and attitude to the service of the Cossacks as a class as a whole occurred due to objective processes of decomposition of military feudal orders in the territories of their residence.

Keywords: *trial mobilization, reserve troops, mobilization plan, Cossack troops, Kuban Cossack army, Orenburg Cossack army.*

Феномен казачества, как сословия и специфической социальной группы, рассматривался еще задолго до введения в научный оборот терминов «ментальность» и «менталитет». Исследователи уделяли значительное внимание особенностям мировоззрения казачества, их характера, образа мыслей и действий [6, С. 46]. В настоящее время, под ментальностью, в общем виде понимают «образ мышления, общую духовную направленность человека, группы» [7, С. 29]. Современные же историки уже широко применяют новые антропологические подходы в исследовании казачества.

Многие исследователи, такие как А.А. Волвенко, О.В. Матвеев, И.Г. Яковенко, согласны с тем, что именно происхождение казачьего сословия и особенности несения службы накладывали главный отпечаток на особенности их ментальности. При этом изменения военного значения казачьих войск напрямую влияли на изменения в укладе жизни казаков и их отношении к службе. В данном случае можно говорить, что история ментальности отдельной социальной группы, а именно, казаков – это изучение связей между объективными условиями жизни людей и восприятие ими этих условий в динамике [8, С. 15].

Возможности казачьих войск, с учетом их специфики, эффективно использовались в течении XVII – XVIII вв. для охраны южных границ государства, а также в западных компаниях, как вспомогательная иррегулярная конница. Однако, к концу XIX в. все ведущие державы, включая Россию, переходили на современные призывные армии, которые активно перевооружались на новые образцы военной техники, менялась и усложнялась тактика. А казачьи войска продолжали все также опираться на свою легкую конницу и холодное оружие.

Военная подготовка, на начальном этапе военных реформ третьей четверти XIX в. осуществлялась на основе исторически сложившихся традиций казаков, частичную системность ей придавал упрощенный устав. Основой этой подготовки считалась военная служба на границе и участие в боевых походах [2, с. 220 – 221]. Однако несмотря на реорганизацию и реформирование требований к системе подготовки рекрутов, остались проблемы, связанные с большими трудностями в проведении систематических занятий в разбросанных на большие расстояния казачьих команд, несших приграничную службу, а также с

нехваткой квалифицированных офицеров.

К концу XIX в. процесс модернизации неизбежно затронул и казачество как сословие в целом. Так А.А. Волвенко в своей монографии отмечал, что в этот период быт, вооружение и частная жизнь казаков относительно изменились относительно первой половины века, и под влиянием капиталистической модернизации всего русского общества продолжала изменяться все динамичнее [5, с. 17].

Негативные изменения внутри казачьего общества были прямым следствием изменений их социально-экономического статуса. Если рассмотреть ситуацию с казачьими офицерами и войсковыми старшинами на примере Кубанского войска, то в течении второй половины XIX в. наблюдалась тенденция, как и во всей Империи, сокращения дворянских землевладений. При этом государство стало проводить политику активной интеграции войскового дворянства в состав российского дворянства. Уравнивание в правах с остальным российским дворянством запустило процессы выхода части новых потомственных дворян из войска.

В целом, можно отметить, что общее состояние и статус казачьего офицерского дворянства был не высок, причинами были перенаселение и относительное малоземелье всего казачьего сословия к концу XIX в. [3, с. 236 – 237].

В рамках отчетов Главному штабу по пробным мобилизациям отдельных казачьих полков Кубанского и Оренбургского войска в 1890 г. было обозначено множество недостатков как по организационной, так и по материальной части. Так по кубанским полкам (2-й Полтавский, 2-й Екатеринодарский, 2-й Лабинский, 2-й Урупский) отмечались проблемы с конским составом, отсутствие учета по строевым лошадям, а также нехватка подков как на самих лошадях, так и в запасе. В своем отчете генерал-лейтенант И.Ф. Тутолмин сделал пометку, что казаки многого не имеют в одежде и экипировке, поскольку «как-бы предоставлены сами себе» [4, Л. 385 Об.]. Из бытовых проблем, выявленных в рамках пробной мобилизации, отмечено отсутствие кухонной посуды и отсутствие выдачи хлеба, так что людям приходилось питаться собственными привезенными из станиц сухарями, либо покупать продукты на месте [4, Л. 388].

В целом, по указанным выше кубанским полкам по итогам маневров 1890 г. комиссия сделала неудовлетворительную оценку готовности дивизии к походу. Ключевые проблемы, которые были выделены в отчете следующие: 1) плохое снаряжение, в первую очередь неумение правильно подковывать лошадей и отсутствие нужных инструментов и материалов, что вело в свою очередь к большому проценту выбы-

тия конского состава; 2) неудовлетворительная личная кавалерийская подготовка казаков, что также ведет к травмированию и выбытию из строя лошадей [4, Л. 389 – 391].

Важное замечание делается в отчете о качестве подготовки офицерского состава. «...тактическая подготовка офицеров должна быть названа отсталой...потому что служба Кавказского казачьего офицера обставлена так невоенно, что ему негде научиться тактическим требованиям» [4, Л. 393]. Отмечалось, что обычно после обучения в Ставропольском училище, где давали какие-то азы теоретической подготовки, достаточно 2-х – 3-х лет постовой службы на отдаленных заставах, где молодой офицер никого не видел, кроме нескольких нижних чинов, и забывал даже то немного, что было усвоено ранее. После ухода в резерв, где он периодически мог заниматься в льготных лагерях, из-за краткости сборов и крайней малочисленности офицеров в льготных полках, к знаниям и подготовке казачьего офицера ничего не добавлялось.

Делались замечания и хозяйственно-экономического содержания. Так, по Кубанскому войску представлено рассуждение об угрозах ухудшения конского состава казачьих войск, так как сами казаки уже не занимаются разведением лошадей, а в связи с общим экономическим развитием страны, рыночная цена лошадей растет и в перспективе рядовой казак не сможет себе позволить строевую лошадь.

В том же 1890 г. была проведена аналогичная пробная мобилизация в 7-м и 4-м Оренбургском конных казачьих полках. В отчете генерал-майора Пономарева выявлены такие же проблемы, как и в Кубанском войске. Это и плохая организация самих сборов, и проблемы с конским составом [4, Л. 402 – 403]. Особо отмечалось, что практически все личное оружие мобилизованных казаков было в неудовлетворительном состоянии, это касалось шашек, пик и винтовок [4, Л. 404 Об.].

По итогам пробных сборов казачьих полков 1890 г. были подготовлены отчеты Генерального штаба, автором которых был генерал-майор Граф Ф.Э. Келлер. Текущие недостатки были перечислены следующие: плохие седла, ковка лошадей, плохое оружие, неумение подгонять вьюки и в целом плохая подгонка обмундирования и снаряжения [4, Л. 424 Об.]. Граф Келлер причиной ухудшения ситуацией с коневодством указывал вытеснение его в причерноморье овцеводством, а также притоком иногородцев и распашкой земель под сельскохозяйственное хозяйство [4, Л. 413].

Кроме того, в отчете по пробным мобилизациям содержалась некоторая информация о подготовке и моральном состоянии казачества,

в том числе офицеров. Например, отмечалось, что на фоне значительной нехватки строевых офицеров в Кубанском войске, в отчетах по плану пополнения льготных частей записывали всех не строевых, возрастных, инвалидов и неблагонадежных. Отмечалось, что большинство этого контингента ждет лишь пересмотра положения о пенсиях и предполагает подать в отставку. Указывалась также проблема с молодыми строевыми казачьими офицерами, которых специфика казачьей службы часто приводила к «склонности к вину и разгулу» [4, Л. 417 – 417 Об.].

В целом делался вывод, что боевая ценность казаков снижается и теряются «традиции старого времени». Причины называются в том, что отсутствие практики походов последних лет привели к появлению среди казаков множество слабых кавалеристов, на фоне плохой организации подготовки и обучения личного состава во время службы в первоочередных полках. Большинство урядников и младших командиров, а также младших чинов не соответствовали по знаниям занимаемым должностям. Все это привело к тому что одинаково плохи были как служащие в первоочередных полках, так и не служившие в них и призванные на сборы казаки [4, Л. 425.]. Такие же выводы были сделаны Келлером и по отношению оренбургских полков.

В новом отчете о пробной мобилизации кубанских полков 1892 г. в основе проблем казачества, как указывал генерал Келлер, было неоптимальное разделение гражданской и военной администрации, и всеобщее обнищание казаков. Причины этого: прирост населения и уменьшение душевых наделов, постоянные неурожаи в южных регионах. А также, плохое внутреннее управление, пассивность и безразличие руководства, кумовство и неустройство гражданской жизни. Перечисленные факторы вели по мнению Келлера к тому, что все большая часть казачества не сможет обеспечить себя всем необходимым для несения службы, которая возлагалась на них законом, и может встать вопрос, будет ли далее существовать казачество в такой форме как раньше. Далее делался вывод, что несмотря на всю помощь казны, казачьи войска не готовы выполнять те задачи, на которые рассчитывает государство [4, Л. 481 – 482].

В отчете также делалось важное замечание по изменениям приоритетов в казачьей среде. С одной стороны, отмечалось, что нельзя говорить о том, что казаки массово хотели переходить в другие условия, поскольку тяготы крестьянства не позволяют «завидовать положению мужика». Но и утверждать, что казаки по-прежнему так дорожат традициями и «казачьим достоинством», что предпочтут разорение выходу из войска уже нельзя. Причиной этого указывалось

изменение отношения к службе, так как материальные интересы побеждали абстрактные ценности, и казаки также стали подвержены этим тенденциям, как и все остальные сословия империи [4, Л. 481 – 482].

Аналогичные проблемы были зафиксированы позднее и в ходе поездки генерала А.Н. Куропаткина в 1899 г. в Сибирский военный округ во время проверки Иркутской и Красноярской казачьих сотен. А именно, недостаточная боевая подготовка, снабжение, а также неопределенный статус казаков, которые несли повинности и как крестьяне, и как воинское сословие. Также отмечался несовершенный порядок несения самой воинской повинности, когда они отбывали 3 года службы с перерывами на несколько лет, в итоге призываясь по три раза, отрываясь от хозяйства, а после перерывов еще и забывая службу [1, с. 152]. Все это вело с одной стороны к обнищанию хозяйства, а с другой – низкой боеготовности казаков.

Таким образом, проверки казачьих войск, организованные Генеральным штабом в 90-х гг., показали падение выучки как рядовых казаков, так и казачьих офицеров. Причины были как организационно-экономического характера, так и в моральном состоянии казачества. Ускорился распад патриархально-феодальных отношений, пережитком которых оставалось казачье сословие, в котором все еще реализовывался институт служения русскому царю в форме выплаты «ренды кровью».

Таким образом, сословные изменения Российской Империи, разрушение остатков феодальных отношений, переход на модернизационный путь развития русского общества в конце XIX в. активно влияли на смену ментальности и систему ценностей всех сословий, не исключением стало и такое особое сословие как казачество.

Литература и источники

1. Авилов Р.С. Братья понесчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. №3 (40). С. 147 – 160.
2. Шахторин А. А. Реформирование Кубанского казачьего войска и организация в нем боевой подготовки в 60-х гг. XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2022. №12 (104). С. 220 – 226.
3. Петров В. И. Изучение состава населения Кубанской области во второй половине XIX начале XX в // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С. 235 – 239.
4. ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 21. Д. 12.
5. Волвенко А.А. Донское казачество позднейимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-я половина XIX в. – начало XX в./ А.А. Волвенко – Центрполиграф, 2018. – 289 с.
6. Лукаш С. Н. Русский национальный менталитет: специфика Юга России //

Культурная жизнь Юга России. 2008. №3. С. 44 – 47.

7. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.

8. Сем Т.Ю. Проблемы этнокультурного менталитета в этнологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. №2 (60). С. 15 – 26.

Е.Е. Петрова

E.E. Petrova

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Л.А. КАМАРОВСКОГО В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ ПАЦИФИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

*Importance of L.A. Kamarovsky's works in dissemination of the ideas of
pacifism in Russian society at the end of the XIX century*

Аннотация. В статье исследованы несколько научно-популярных работ, посвященных развитию идеи мира, известного российского ученого в области международного права Л.А. Камаровского. Продемонстрировано их влияние на распространение идей пацифизма в российском обществе в конце XIX века.

Ключевые слова: пацифизм, идеи мира, конференции мира, Л.А. Камаровский

Abstract. The article examines several popular scientific works devoted to the development of the idea of peace by the famous Russian scientist in the field of international law L.A. Kamarovsky. Their influence on the dissemination of pacifist ideas in Russian society at the end of the XIX century is demonstrated.

Keywords: pacifism, peace idea, peace conference, L.A. Kamarovsky.

Идеи пацифизма XIX века распространялись в России в нескольких направлениях. Так, одним из направлений стал «глубокий интерес общества к проблемам войны и мира, разбуженный в общественном сознании толстовской проповедью идеи ненасилия»[2, с.187]. С другой стороны, в процессе распространения идей пацифизма в российском обществе был задействован еще один фактор – научный потенциал российской науки международного права, которая в тот период переживала подъем. Значительный вклад в изучение пацифизма, вопросов международного сотрудничества, борьбы за сокращение вооружений, пропаганды идей сохранения мира внес российский ученый

в области международного права Л.А. Камаровский. «Вся его жизнь, вся литературная и общественная деятельность были посвящены пропаганде идеи мира между народами. Он вел эту пропаганду на кафедре, в литературных выступлениях, научных и публицистических, публичных лекциях» [1, с.432].

Л.А Камаровский разделял взгляды религиозно-этического направления науки международного права. «Действующее право его интересовало мало; он стремился к обоснованию международного права на требованиях справедливости, на началах естественного права»[1, с. 300].

В своих трудах ученый неоднократно отмечал, что «одним из любопытных общественных явлений представляется движение в пользу мира... Среди подавляющего нас милитаризма и в значительной степени, благодаря именно ему, повсюду возникли общества мира, которые ставят себе целью вести всеми зависящими от них способами войну против войны». Указывая на то, что Россия единственная страна в Европе, в которой не существует общества мира, ученый писал: «Это может показаться тем более странным, если сообразить, что народ наш по природе миролюбив; в нашей печати нередко раздаются голоса о том, что мир – основной принцип нашей внешней политики; наконец, само наше правительство очевидно руководствуется в этой области приверженностью к началам законности и мира... В занимающем нас движении в пользу мира ничего нет несовместимого с основами нашего народного или государственного строя, если только суметь придать ему должное, именно русское направление и применение к жизни» [3, с.117].

Обратим более пристальное внимание на к работу Л.А. Камаровского «Успехи идеи мира», опубликованную в 1898 г. [4] в популярном изложении, предназначенном для общедоступного научного издания «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни». В своем труде автор последовательно освещает вопрос развития идеи мира в историческом аспекте с древнейших времен до XIX века и приходит к выводу, что в XIX веке внесены новые аспекты развития данной идеи. С одной стороны, он констатирует, что «созданная система политического равновесия и дипломатия не создали прочного здания европейского мира..., но в XIX веке изменились роль и приемы дипломатии... таинственность, которой она окружала прежде свои действия, уступила теперь место публичности. Общественное мнение все решительнее проявляет свое влияние не нее»[4, с.83]. С другой стороны, Л.А. Камаровский указывает на появление проектов, соединяющих политические и юридические аспекты европейского мира – труды И. Канта

и И. Бентама.

Л.А. Камаровский считал, что идея мира прошла в XIX веке через три этапа развития: 1) национальные объединения сторонников мира; 2) общие съезды их представителей; 3) объединения всей их деятельности в особые органы, например Центральное бюро мира в Берне. Также ученый представил подробный обзор состоявшихся к концу XIX века конференций мира (1848-1897 гг.), отмечая при этом, что на конференциях присутствуют «не мечтатели и беспочвенные агитаторы и не сборища представителей крайних партий. Напротив, в их состав входят сторонники всех течений политической жизни нашего времени, представители всех вероисповеданий и самых разнообразных общественных слоев, начиная с лиц, которые в монархиях и в республиках занимают высшие посты министров и председателей законодательных собраний. Само собой авторитет данных конференций чисто нравственный, но тем не менее, громадный. Сила его, со временем, может только расти, если конференции твердо и разумно подойдут к намеченной цели,... в том, чтобы отодвинуть все далее на задний план силу и расширить область господства права» [4, с. 216-217].

Л.А. Камаровский, как и многие его сторонники, считал, что ближайший путь к миру и разоружению состоит в том, чтобы подвести под «все большее количество международных отношений действия юридических норм и настолько точно, чтобы применение судебного разбирательства... стало естественным и неизбежным» [2, с.190]. Это объясняет суть и смысл основной работы ученого «О международном суде» [5].

Закономерным результатом деятельности Л.А. Камаровского стало создание в России общества мира (1909-1914 гг.) [6], объединившего российских пацифистов. Ученый разработал устав общества и до конца своей жизни оставался членом правления. Отметим также, что под влиянием общественных настроений, пронизанных миротворчеством и международным сотрудничеством, именно Россия стала инициатором двух мирных конференций в Гааге 1899 и 1907 гг., результатом которых стало принятие международных конвенций о законах и обычаях войны, заложивших основу комплекса норм международного гуманитарного права.

Литература и источники

1. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М., 1958.
2. Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутрен-

него мира и религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997.

3. Камаровский Л.А. Современные общества мира // Русская мысль. 1896, №10.

4. Камаровский Л.А. Успехи идеи мира. М., 1898.

5. Камаровский Л.А. О международном суде. М., 1881.

6. Петрова Е.Е. Деятельность общества мира (к 100-летию образования первой пацифистской организации в России) // История государства и права, 2009, № 8, с. 37-38.

Г.М. Ипполитов

G.M. Ippolitov

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯВШИХ НА МЕНТАЛЬНОСТЬ АРМЕЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

On the issue of some factors that influenced the mentality of the army officers of the Armed Forces of the Russian Empire at the beginning of the 20th century

Аннотация. В статье предпринята попытка сформулировать (в тезисной форме) некоторые факторы, влиявшие на ментальность армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в начале XX столетия. Автор исходит при этом из многоаспектности понятий «ментальность» (менталитет).

Ключевые слова: армейское офицерство, ментальность (менталитет), гвардия, социальное происхождение

Abstract. The article attempts to formulate (in thesis form) some factors that influenced the mentality of the army officers of the Armed Forces of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The author proceeds from the multi-aspect nature of the concepts of "mentality" (mentality).

Keywords: army officers, mentality, guard, social origin, religiosity

Понятие ментальность (менталитет) является исключительно многоаспектным. Так, в учебной литературе имеются сведения, что в начале XXI в. насчитывалось более 20 определений понятия «мента-

литет» [1]. Между тем, автору этих тезисов представляется наиболее удачным определение ментальности (менталитета), зафиксированное в «Новой философской энциклопедии»: «**МЕНТАЛЬНОСТЬ** (менталитет) (от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом. Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики. «Зазор» между практически независимым от истории «коллективным бессознательным» с его «архетипами» (К. Юнг) и исторически изменчивыми «формами общественного сознания» (марксизм) локализует тот уровень, на котором располагаются структуры ментальности [2].

Базируясь, в том числе и на нем, предпримем попытку выявления и формулирования (в тезисной форме) факторов, влиявших на ментальность армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в начале XX столетия. При этом учтем то, что, во-первых, к началу XX столетия офицерский корпус Вооруженных Сил России продолжал оставаться ядром армии и главнейшей опорой российской государственности; во-вторых, армейские офицеры являлись здесь самой многочисленной группой: по данным Канцелярии военного министерства, к 1903 г. ее численность его достигла 41965 человек[3, л.5]; в-третьих, синтезированные факторы находят больше в плоскости дополнительных, нежели основных, ибо, ментальность есть исключительно сложное понятие, начинать его раскрытие следует с фундаментальных философских, историко-психологических, политических и социологических основ. Но это уже будет другой предмет исследования, выходящий далеко за рамки предмета исследования настоящей статьи; в-четвертых, сказанное выше, отнюдь не отрицает полезность выявления дополнительных факторов, влиявших на ментальность армейского офицерства царской армии. Ведь диалектику части и целого никто еще не смог опровергнуть.

Вот они, эти только некоторые факторы.

1. Религиозность. В корпусе армейских офицеров преобладали русские-православные. Так, среди капитанов армейской пехоты таковыми являлись 80,9% [4, с.267]. Важно отметить, что офицер не мог официально заявить себя атеистом: о подобном святотатстве даже мысли не допускалось. Однако реальное исполнение церковных об-

рядов далеко не всегда было искренним; православные ценности воспринимались как данность, без должного осмысления. По мнению Г.Н. Бенуа, чтобы быть православным означало «верить слепо, не рассуждая, как простая баба» [5, с.73].

2. Противоречия между социальным статусом и социальным происхождением армейского офицерства. Все офицеры – дворяне. Вроде бы де-юре статус – выше некуда. Однако властные структуры уделяют повышенное внимание не социальному статусу армейского офицерства, а именно его социальному происхождению. Оно строго учитывалось и фиксировалось в служебных документах, определяющих положение офицера и его семьи в обществе, поэтому подделки в них строжайше преследовались и грозили увольнением со службы [6, с.112]. А у многих армейских офицеров социальное происхождение ведет отсчет явно не от рюриковичей: к началу XX века лишь 50,8% офицеров были потомственными дворянами (да и то, больше всего их было в гвардейской кавалерии). Остальные принадлежали к различным социальным группам [7, с.204-205]. Небезынтересно здесь мнение А. Дж. Тойнби, объясняющего ломку сословных перегородок в любом обществе, в любую эпоху. Ученый считает, что каждый класс поддерживает свою численную силу не только естественным ростом, но и рекрутированием представителей из низших слоев; высший класс, которому некуда больше расти, «освобождает постоянно места для представителей низов и сходит с социальной лестницы в третьем и четвертом поколении» [8, с.136]. Но если порядок схода с дистанции, устанавливаемый А. Дж. Тойнби, весьма проблематичен, то с остальными позициями, можно согласиться. Рекрутированные из разных сословий в класс дворянства офицеры вносили в общественную психологию своей корпорации новые веяния, присущие только им, обогащаясь одновременно ценностями тех, к кому пришли. Поэтому в армии царской России имели место случаи, когда даже среди генералитета состояли выходцы из небогатых слоев общества (хрестоматийный пример – генерал-лейтенант А.И. Деникин). Но и потомственное дворянство являлось далеко не однородным. В его состав входило и поместное дворянство, имевшее земельную собственность, и служилое, уровень жизни которого в основной массе своей едва ли сильно превышал крестьянский. В среде же армейских офицеров подобное положение являлось ярко выраженным. Так, наличие земельной собственности и у генералитета, и даже гвардейских офицеров, было далеко не частым. Из 36 командиров корпусов земельной собственностью владело 5 человек, то есть 13,8%. Среди командиров армейских полков (без казачьих полков) земельной собственностью владели 2%

[9, с.26].

3. «Второсортное» положение армейского офицерства по сравнению с офицерами гвардии, которое не просто поощрялось, но и насаждалось властными структурами в корпусе офицеров Вооруженных сил Российской империи. Офицеры-гвардейцы составляли привилегированную касту, состав которой формировался из дворян, а высший офицерский состав гвардии – из потомственных дворян. Их число в гвардейской кавалерии составляло 96,3%, в гвардейской пехоте – 91,3%, в гвардейской артиллерии – 89,4% [9, с.270.]. Ко времени Русско-японской войны (1904–1905) чин полковника в гвардейской артиллерии получали, в среднем на 27-м году службы, а в армейской – на 33-м. В 1903 г. в должности начальника артиллерии корпуса состояло гвардейцев и воспользовавшихся гвардейским преимуществом – 20 лиц, а армейцев – 6, причем, 5 из них имели чин за боевые отличия. В 1910 году в списке командиров армейских пехотных полков числилось на 145 армейцев 51 гвардеец. В регулярных кавалерийских частях – на 22 армейца, 18 гвардейцев. Это притом, что соотношение гвардейских и армейских частей в вооруженных силах России к началу XX в. составляло соответственно 4 и 96 процентов [6, с.115]. Подобные деформации вызывали недовольство армейских офицеров, осложняли нравственную атмосферу в офицерских коллективах, создавала у армейских офицеров комплекс неполноценности, глубокую обиду. Когда в 1907 г. возник вопрос об увеличении состава гвардейских частей за счет сокращения численности армейской пехоты в комиссии при Совете Государственной обороны, состоявшем из генералов, умудренных опытом, из которых многие вышли из гвардейской среды, раздались предостерегающие слова: «... при ревнивом отношении армейских офицеров к правам и преимуществам гвардии вообще, эта мера еще более усилит недовольство в армии, которое совершенно неприемлемо, а в настоящее время особенности» [6, с.115].

4. Падение общеобразовательного уровня армейского офицерства. Количество вполне интеллигентных (то есть с полным средним образованием) офицеров в армии составлял около трети личного состава, лишь около 5% генералов имели высшее образование, а среди строевых офицеров лица с высшим образованием вообще отсутствовали (все перешли на штабные должности). Так, в 1912 году 89,6% генералов представляли потомственные дворяне. Высшее образование среди них имели лишь 4,8%, среднее – 90,8%, низшее – 1,2%, домашнее – 3,2% [11, с. 230 - 231, 234-235, 271, 297, 323].

5. Обстановка повседневного бытия. Захолустье гарнизонов толкало молодых офицеров уходить в пьянство, разврат, военно-богемный

образ жизни. Увы, А.И. Куприну было с кого писать образ подпоручика Ромашова и других героев его «Поединка». Одно из проявлений – резкое падение читательских интересов. Например, в некоторых отдалённых гарнизонах на каждого офицера в год приходилось по 0,8 военных и 5,9 общеобразовательных книг [10, с.8-9]. Самоуверенность старших начальников, полное невнимание к запросам и нуждам офицерской молодежи играли свою резко негативную роль. Так, анализ дисциплинарной практики командира одного полка в 1907 г., данный за семь лет, показал: на 30 офицеров полка было наложено 440 арестов. Они отсидели на гауптвахте 1200 часов. Объявлено 520 выговоров [12, с.70]. Именно произвол и насилие сверху, порождавшие апатию и равнодушие снизу, о которых впоследствии вспоминал А.И. Деникин [6, с150], стимулировали деградацию личности офицера.

Литература и источники

1. Рыбников В.В., Ипполитов Г.М. Наша Отчизна. Учебное пособие. Т 1. «Из мрачной глубины веков» к году 1917. М.: МосУ МВД России, 2009–470 с.
2. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4т. 2-е изд., испр. и допол. М., 2010. URL: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c1618162485a21963380c (дата обращения: 09.10.2024).
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА. Ф.1. Оп.2. Д.1377.
4. Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб.: Военная тип., 1913. – 490 с.
5. Бенуа Г.Н. Сорок три года в разлуке (Воспоминания) // Простор. 1967. №9. С.67 – 93.
6. Деникин А.И. Старая армия. Т.II. Т.П. Париж: Изд. Книжн. дела «Родник», 1931. 186 с.
7. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX - XX столетий. 1881-1903. М.: Мысль, 1973. – 351 с.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории : сборник : пер. с английского М. : Прогресс, 1991. – 730 с.
9. Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной //Вопросы истории.1981.№4. С.21-29.
10. Слезнев А. Любопытная статистика // Разведчик.1909. № 949. С. 8-9.
11. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб.: Военная тип., 1913. – 500 с.
12. Ясюков М. Начало века: жизнь, проблемы, нравы армии России // Коммунист Вооруженных Сил. 1990.№7. С.69-75.

АРМЕЙСКИЕ ГРАФФИТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И БОЕВЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ КАК ФАКТ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

*Army graffiti in military conflicts and combat situations as a fact of
historical and psychological mentality*

Аннотация. В статье показано, что некоторые граффити, которые создавались военнослужащими во время ведения боевых действий в различные эпохи, имеют достаточно устойчивые инварианты. Тем самым они могут служить для изучения отдельных сторон ментальности общества и феномены исторической психологии.

Ключевые слова: История России, история войн, ментальность, историческая психология, граффити.

Abstract. The article shows that some graffiti that were created by military personnel during combat operations in different eras have fairly stable invariants. Thus, they can serve to study certain aspects of the mentality of society and the phenomena of historical psychology.

Keywords: The history of Russia, the history of wars, mentality, historical psychology, graffiti.

Армейская служба с её специфическим укладом, в корне отличающимся от гражданской жизни, формирует специфическое мировосприятие, которое влияет на психологический настрой. Это легко заметно в мирный период, но ещё более отчётливо видно во время боевых действий. Дело в том, что война всегда является экстремальной ситуацией, когда в обстановке постоянной смертельной угрозы, разнообразных тягот и лишений нарушаются все привычные жизненные устои. Это подвергает нелёгким испытаниям психику людей, их эмоционально-волевую сферу. Пребывание в состоянии постоянного стресса порождает самые неожиданные, часто противоречивые поведенческие реакции. Чтобы преодолеть состояние фрустрации, дать выход переполняющим их эмоциям воины прибегают к различным способам. Одним из них является начертание граффити.

Граффити, т.е. надписи, как правило, создаваемые по личной инициативе и выполненные в произвольной форме, наносятся на всевозможные поверхности посредством процарапывания, вырезания, с помощью красок, чернил, маркеров и иных письменных орудий. В

большинстве случаев граффити предстают в форме отдельных слов или коротких односложных фраз. В этом проявляется их типическая особенность как эпиграфического материала: лаконичность, завершённость, конкретность [1, с. 35]. Процесс создания граффити связан с определённым психологическим настроем и переживанием, поэтому они несут в себе информацию о своём создателе, о состояниях его личности в конкретный временной момент. Именно в этом состоит их ценность как исторического источника.

Очень широкое распространение во время войн и прочих вооружённых конфликтов получили надписи мотивационного характера. Уже в Античности на некоторые снаряды для метательных орудий наносились иронические надписи типа «Получай!», «Вот я тебя и нашёл!» [2, с. 152]. Точно также поступали во время Второй мировой и Великой Отечественной войны. Тогда на артиллерийских выстрелах солдаты делали надписи, в которых отражались их ментальные установки, внутренние убеждения и чаяния. В Советской армии чаще всего встречались надписи: «Смерть немецким оккупантам!», «За Родину!». Когда дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 20 апреля 1945 г. открыла огонь по Берлину, то на крупнокалиберных снарядах артиллеристы с удовольствием начертали мелом: «Лично Гитлеру», «Гebbельсу», «Герингу», «Гимmlеру», «По рейхстагу» [3, с. 7]. Аналогичным образом поступали американские пилоты, которые тоже писали на авиабомбах, загружавшихся в их бомбардировщики: «Death to Hitler!!!» («смерть Гитлеру!!!»). То были своего рода послания, адресованные недостижимым напрямую главарям Третьего рейха.

В ноябре 2015 г., когда российские военнoслужашие помогали сирийскому законному правительству одолеть угрозу со стороны террористической организации, называвшей себя Исламским государством, на авиабомбах, подвешиваемых к боевым самолётам, было написано «за наших». Сегодня наши бойцы, которые воюют в зоне специальной военной операции, также наносят надписи на крупнокалиберные боеприпасы, вроде, «привет от гвардейцев 155 брмп», «за Донбасс!» Иногда укpонацисты поступают подобным образом. Например, на снарядах натовского 155-мм калибра, применяемых ВСУ, в ноябре 2022 г. они издевательски обозначили – «всё лучшее детям». Означенные граффити представляют собой сублимированную агрессию в вербально-письменной форме против вызывающих неприятие субъектов, которые таким образом мысленно конституируются на негативном полюсе континуума сознания.

Бывает, что граффити изображаются на военной технике и

ином вооружении, хотя это является нарушением установленных правил, согласно которым могут использоваться только тактические обозначения, закреплённые за конкретными армейскими частями. Такая практика известна с древности. На щите древнегреческого полководца Демосфена было написано: «Счастливой судьбы!» [4, с. 13]. Это демонстрирует, что граффити такого рода имеют некоторый оттенок философского восприятия действительности. К примеру, на подбитом летом 1941 г. советском танке Т-35 какой-то немецкий солдат не без сентиментальности написал: «So endete eine Liebe» («так закончилась любовь»). Зато на щите немецкого дальнобойного орудия, которое при обороне Одессы в 1941 г было захвачено советскими солдатами в ходе контратаки и затем было выставлено на всеобщее обозрение, вывели: «Больше по Одессе стрелять не буду». И в настоящий момент глубокая вера в собственной правоте выражается в том, что на прикладе автомата бойца ЧВК «Вагнер» присутствует «С нами бог!», а на боевой машине поддержки танков «Терминатор» - «сила в правде».

Граффити могут выражать то, о чём мечтают военнослужащие. Некий воевавший в Афганистане советский шофёр вывел по пыли, которая покрыла капот автомобиля ГАЗ-66 - «ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС ПМОЗ. ХОЧУ ДОМОЙ К МАМЕ». На другой российской военной машине в августе 2022 г. в зоне СВО можно было увидеть – «нам нужен мир». Под этим располагался стилизованный смайлик, т.е. две точки и снизу скобочка.

Нередко на военной технике обнаруживаются имена погибших товарищей, тем самым высказывается подспудное стремление отомстить за них. Именно так в Великую Отечественную поступил лётчик С. Р. Халеев, нанёсший на свой самолёт-штурмовик девиз: «За Анатолия Блинова!» Современность демонстрирует устойчивость во времени этого психологического стереотипа. 1 июня 2022 г. при наступлении наших войсковых подразделений под г. Попасная был убит командир отдельного танкового батальона «Август» герой Луганской Народной Республики гвардии капитан Александр Мирошник. Его фронтовые товарищи в память о нём на стволе своего танка написали – «За Мирошника». Другие бойцы на борту огнёмётной системы «Солнцепёк» вывели: «За наших!»

Довольно часто военные дают имена собственные своим машинам или указывают личные прозвища. Так в годы Великой Отечественной войны на борту Т-34 можно было встретить надписи «Боевая подруга», «Валерий Чкалов». В настоящее время на линии боевого соприкосновения наших войск с противником наблюдаются слова:

«Старичок», «Шатун», «Ласточка99», «Ярый», имена жён членов боевого экипажа и т.п. Иногда можно увидеть проявления «окопного» юмора. Например, на машине РЗСО «Град», которую российские военнослужащие называли «Синоптик», значится «синоптик местами град»; а на прикладе автомата бойца ЧВК «Вагнер» – «С нами бог!»

Случается, что в сложной и противоречивой военной обстановки граффити используются в качестве средства коммуникации, чтобы подать о себе весточку. В 1812 г. молодой офицер Н. Н. Муравьев, состоявший в свите генерала М. Б. Барклая де Толли, рассказывал, как он разыскал после Бородинского сражения раненного младшего брата Михаила. Тот, чтобы о нём было известно, попросил на воротах или стенах тех изб и зданий, в которых его помещали при эвакуации указывать «Муравьев 5-й». Благодаря этому Михаила, в конце концов, удалось найти [5, с. 461-462]. А пленённые французские офицеры нарисовали на стене тюрьмы, в которой их содержали, масонский знак отчаяния. Неожиданно после этого они обнаружили, что их узилище стали обогревать и принесли немного еды, причём благодетель остался анонимом [6, с. 200]. Осенью 1943 г. в освобождённом Смоленске один красноармеец поспешил написать: «привет родным от сына Адрес 12355.и.и». Спустя пару лет где-то на территории Венгрии, на стене здания, возле которого был организован контрольно-пропускной пункт, некто Скибков оставил указание для однополчанина: «Косьтя езжай вперед СКИБКОВ 1/IV 45 г.». В декабре 2023 г. при зачистке от украинских боевиков административного центра Марьинка на Донбассе российские военные обнаружили тело Романа Рудакова, попавшего в засаду ВСУ. На стене рядом осталось послание, написанное чёрным маркером: «Кто меня найдёт, позаботьтесь о моей матери, сестре и брате. Рудаков Роман Александрович, город Батайск».

Вполне понятны чувства военных, когда они стремятся с помощью граффити запечатлеть победу над врагом. Широко известно, что в 1945 г. на руинах поверженного рейхстага, который воспринимался как символическое воплощение всего зла гитлеровского режима, советские солдаты оставили свои росписи. А один, обнаружив крикливый лозунг гитлеровской пропаганды «Berlin bleibt deutschen!» («Берлин останется немецким»), зачеркнул эту фразу и наложил свою резолюцию: «Я в Берлине. Сидоров» [7, с. 60]. Когда части Вооружённых сил РФ осенью 2024 г., после тяжких боёв освободили г. Угледар, то появилась надпись –«За нашу победу ура!»

Подводя итоги, следует признать, что некоторые граффити, обусловленные обстановкой войн, имеют тенденцию повторяться по своей форме, тяготея к определённым стереотипам, которые

воспроизводятся, не взирая на различные исторические эпохи. В надписях военнослужащих эксплицитно и имплицитно выражаются феномены эмоционально-волевой сферы и ментальных психологических установок. Тем самым появляется возможность отслеживать духовно-нравственные ориентиры, поведенческие реакции, настроения, чувственные переживания. Поэтому армейские граффити могут служить источником для изучения, как психотипов отдельных личностей, так и общественной атмосферы, т. е. ту сторону исторической реальности, которая не всегда находит отражение в официальных документах.

Литература и источники

1. Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика XV-XVI вв. (Состояние, возможности, задачи) // Из истории культуры Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 34-58.
2. Носов К. С. Осадная техника Античности и Средневековья. СПб.: Издательство «Полигон», 2003. 362 с. (Военно-историческая библиотека).
3. Макаренко Я. И. Последние строки с той, Великой... // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 6- 2.
4. Дрожжин О. Удар и защита. От стрелы и щита до танка. М.-Л.: Детиздат, 1941. 128 с.
5. Ивченко Л. Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М.: Молодая гвардия, 2008. 693 с.
6. Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. Пер. с фр. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 312 с. (Эпоха 1812 года).
7. Мержанов М. И. Так это было: Последние дни фашистского Берлина. 3-е изд. М., 1983. 256 с.

Е.Э. Платова
E.E. Platova

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 1920-Х ГГ. КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

*Revolutionary transformations in higher education in the 1920s as the
basis for the formation of a socialist mentality*

Аннотация. Статья посвящена сложному периоду формирования советской высшей школы, формированию социалистической ментальности, воспитанию «нового человека» в лице пролетарского студенчества. Развитие человека как активного строителя социалистического общества, «красного

специалиста» легло в основу всех преобразований в высшей школе в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: *высшая школа, воспитание нового человека, социалистическое строительство, студенчество, социалистическая ментальность, новый образ жизни, реформы образования, пролетаризация, демократизация студенческого состава, ментальность.*

Abstract: *The article is devoted to the difficult period of the formation of the Soviet higher school, the formation of a socialist mentality, the upbringing of a "new man" in the person of the proletarian students. The development of man as an active builder of a socialist society, a "red specialist" formed the basis of all transformations in higher education in the first decade of Soviet power.*

Keywords: *higher school, education of a new person, socialist construction, students, socialist mentality, new way of life, education reforms, proletarianization, democratization of the student body, mentality.*

Формирование нового строя в России 1920-х гг. связано с активным изменением образа жизни и всех духовных устоев как отдельных индивидов, так и общественно-социальных групп, в частности, студенчества.

Уже в 1918 г. Декретом Совета Народных Комиссаров от 2 августа 1918 г. «О приеме в высшие учебные заведения», были отменены ученые степени, звания, экзамены, а для поступающих в вузы не требовались документы об окончании средней школы [1]. Советские руководители считали этот декрет началом революционной реформы высшей школы, основным содержанием которой перестройка всего образа жизни преподавательского состава и студенчества на демократических началах. Н.К. Крупская писала по поводу формирования новой ментальности в умах молодежи: «Какую роль ставит себе пролетарского государство в школе... Эта цель идет по линии общих целей рабочего класса. Она заключается в воспитании поколения, которое могло бы осуществить цели рабочего класса... Оно должно быть насыщено коллективистическими инстинктами, ясно понимающее за что борется современный передовой рабочий класс...» [2, С. 142-143].

В кратчайшие сроки властные структуры поставили перед собой задачу обеспечения монополии государства на культуру, образование, искоренение оппозиции в виде автономии высшей школы, которая была последним оплотом демократического свободомыслия. Воспитать «нового человека» стремились путем привития «классовой морали пролетариата» взамен «буржуазного гуманизма и пацифизма». Наибольшее сопротивление власть видела в старой интеллигенции и либерально настроенной студенческой молодежи как наиболее мыслящей части общества, которая могла бы оказать реальное сопротив-

ление процессу упрощения «культуры» и идеологизации образования.

В августе 1922 г. большевики откровенно объявили высшую школу «командной высотой», которую нужно завоевать [3]. Работе со студенчеством стало уделяться принципиальное внимание, так как студенческая молодежь как будущая интеллигенция обладала единой субкультурой и представляла высокую концентрированность в городах и столице. Студенчество представляло реальную опасность из-за таких важных социальных характеристик, как коллективно-групповая психология, значимый уровень образования, культуры, социальной мобильности, способности к массовым действиям на территории вузовских центров. Энергия молодости этой молодежной группы могла привести к социальному напряжению и сопротивлению власти. Поэтому Народный Комиссариат просвещения, руководимый большевиками, перестройку вузовской жизни осуществлял постепенно. Историческим в этом направлении можно рассматривать решения совещания в Москве в декабре 1920 г., проведенное по инициативе В.И. Ленина. На нем было определено генеральное направление деятельности политического руководства страны по обеспечению революционной перестройки работы вузов, политического воспитания через школу обучающихся, подготовки высшей школы для приема пролетарских студентов. Резолюция совещания гласила: «Назначить крупных партийных товарищей-организаторов, знающих высшую школу, ректорами высших учебных заведений. При недостатке вполне подходящих товарищей назначать хотя бы и менее опытных в деле высшего образования, но стойких и энергичных партийных товарищей» [4, С. 354]. Решение было важным, так как в 1920/21 учебном году активных сторонников советской власти в вузах, за исключением совсем недавно пришедших рабфаковцев, было немного. Преобладало, как тогда говорили, «мелкобуржуазное студенчество» дореволюционных приемов, которое желало жить в высшей школе по старым нормам и выбирать советы факультетов, органы управления вузами, деканаты, осуществлять пополнение состава преподавателей путем тайного голосования на заседаниях Ученых советов. Иначе говоря, оставить автономию высшей школы незыблемой, несмотря на постановления советской власти.

В высшую школу были направлены коммунисты. Только в течение 1921-22 гг. практически во всех высших учебных заведениях Центра, Сибири, Урала, Поволжья были созданы массовые общественно-политические кружки, формировалась система партийного просвещения, создавались коммунистические ячейки в студенческих группах. Кружками руководили приглашенные преподаватели-комму-

нисты, что постепенно формировало в сознании студенчества новую ментальную картину мира. В конце 1921 г. во всех вузах Российской Федерации было введено обязательное изучение общественного минимума, который вмещал в себя следующие предметы: исторический материализм, историю пролетарской революции, историю политического строя [5, С. 119]. Осенью 1922 г. в перечень обязательных для изучения дисциплин в вузах вошли основы диалектического материализма, основы изучения Конституции РСФСР. К 1924 г. в систему высшего образования введено преподавание такого предмета, как история Коммунистической партии, ибо как тогда полагали «...первой задачей пролетарского студенчества является задача обучения марксизму и ленинизму» [2, С. 143].

Кроме того, властью была выработана целая система мер по замене старой буржуазной интеллигенции профессорско-преподавательского состава и подготовке своих новых «красных спецов». Создавались специальные органы по руководству студенческой жизнью и ее советизацией. Важную роль в этом направлении играло Центральное Бюро Коммунистического студенчества, которое было создано в апреле 1922 г. и непосредственно руководилось Центральным Комитетом РКП(б). В сферу деятельности этой организации включались такие важные направления, как внедрение коммунистической идеологии в высшую школу, проведение классовых приемов в вузы, привлечение пролетариата в высшую школу, а также борьба с идеологическими воззрениями дореволюционного профессорско-преподавательского состава. Именно в это время в вузы широко внедрялись коммунистические кадры ведущих партийных органов страны. Была организована широкая сеть выступлений лидеров партии и комсомола на съездах, пленумах, в печати по вопросам идеологической работы среди студенчества. В этот период было введено регулярное заслушивание отчетов руководящих вузовских органов вплоть до Политбюро ЦК РКП(б). В вузах были созданы временные специальные органы с целью усиления влияния большевиков на студенчество: Комстуд, комиссии, совещания коммунистического студенчества. В августе 1923 г. было создано Центральное бюро пролетарского студенчества (Пролетстуд), активная деятельность которого привела к реальной пролетаризации студенческого состава вузов. Так, в РСФСР в марте 1924 г. из 200 тыс. обучающихся студентов уже насчитывалось 112 тыс. студентов-пролетариев (т.е. 51%) [6]. Таким образом, через классовые приемы и деятельность Пролетстуда коммунистическая идеология стала превалировать во всей вузовской жизни. Студентами-пролетариями формировался новый образ жизни во всей вузовской сфере от вопросов приема

абитуриентов, выборов преподавателей до обсуждения важнейших вопросов по содержанию учебного процесса, его идеологической направленности [7, С. 54-55; 8, С. 204].

Новые коммунистические идеологические установки и новые органы управления в вузах постепенно разрушали дореволюционные традиции академической жизни в высшей школе и завершили ликвидацию автономии вузов. Влияние старой профессуры было подорвано. Выросло авторитарное давление вузовских ячеек РКП(б) и РКСМ. Все большее число преподавательского состава и студенчества переходило на позиции сотрудничества с советской властью, напитывалась марксизмом, социалистическими идеалами, которые постепенно меняли его сознание.

Литература и источники

1. Ленинские декреты и создание органов руководства высшей школой (1917-1921) / Л.А. Шилов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1964. - № 1. — С. 3-15.
2. Крупская Н.К. Избранные педагогические произведения. - М.: Просвещение, 1955. — 695 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 2306, Оп. 18, Д. 48, Л. 7.
4. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в Основных директивах съездов, конференций, совещаний Центр. ком-та и Центр контрольной комиссии ВКП(б) / Составил А.Я. Подземский; Под ред. И.Д. Давыдова, И.Г. Клубуновского; Ин-т планирования и орг-ции нар. образ. - 3-е изд., пересм. и доп. - Москва; Ленинград: Нар. ком. прос. РСФСР - Огиз], 1931 ([М.]: типо-лит. им. Воровского). - 496 с.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. - 1921. - № 19.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17, Оп. 60, Д. 224, Л. 54-57.
7. Платова Е.Э. За преодоление буржуазных черт в образе жизни студенчества (1921-1925 гг.) // Исторический опыт борьбы Коммунистической партии против буржуазной идеологии в высшей школе в период строительства социализма. Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; [Редкол.: В.С. Волков (отв. ред.) и др.]. Л.: ЛГПИ, 1987. — 160 с.
8. Платова Е.Э. Формирование исторического сознания у студентов в техническом вузе // История и гражданственность. Материалы междунар. науч.-практич. Конфер. 29-30 марта 1996. - СПб.: Ленингр. обл. педагогич. ин-т. - 1996. - 252 с.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНОЙ ОБЛАСТИ
(1928-1934 ГГ.)

*Religious consciousness of the peasant population Central Black Earth
Region (1928-1934)*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы религиозного сознания крестьян Центрально-Чернозёмной области в годы её существования. Акцентируется внимание на распространении сектантства в регионе и склонности населения к верованиям в разного рода чудеса, мнимых святых, подмётные письма и т.д. Также акцентируется внимание на стойкости праздничных традиций и способности активного верующего сельского населения отстаивать свои религиозные права.

Ключевые слова: религиозная ментальность, секта, атеизм, крестьянство, пропаганда.

Abstract. The article examines the issues of religious consciousness of the peasants of the Central Chernozem region in the years of its existence. Attention is focused on the spread of sectarianism in the region and the propensity of the population to believe in various kinds of miracles, imaginary saints, secret letters, etc. Attention is also focused on the persistence of festive traditions and the ability of the active believing rural population to respect their religious rights.

Keywords: religious mentality, sect, atheism, peasantry, propaganda.

В начале первой пятилетки религиозных граждан в ЦЧО было 73%. В сельской местности – 78%, женщин в сельской местности было верующих – 83%. К концу 1933 г. согласно официально статистике обозначилась победа атеизма среди мужчин (уровень религиозности сократился до 35%) и среди всего городского населения (уровень религиозности – 42%). Религиозных мужчин в сельской местности осталось 45%, в городах – 24%. В возрастной группе от 16 до 25 лет верующие в 1933 г. составили 37%, а неверующие – 63% [1, с. 247-249].

Православные церкви в конце 1920-х гг. делились на 4 основные группы: Обновленцы, Григорьевцы, Сергиевцы и «Бувевцы». Параллельно с четырьмя названными течениями в рамках православной доктрины действовало несколько сект, самыми многочисленными из которых являлись: «Ревнители церкви», «Молчалиники», «Истинный путь ко спасению», «Светильники», «Фёдоровцы» [2]. Кроме того, в ЦЧО действовала масса более малочисленных религиозных организаций, как православного, так и протестантского толка. В 1931 г. по

области было учтено 52 разнообразных сектантских группировок, которые имелись имелось во всех районах ЦЧО [3].

Об уровне религиозного сознания крестьянского населения ЦЧО говорит распространение разного рода воззваний и прокламаций, которые на фоне широкого распространения сектантства в регионе, находили свою аудиторию. Например, в Курском округе появилась листовка следующего содержания: «Союз контрреволюционной молодёжи. Комитет СКМ. Из протокола 9 от 4 марта 1930 г. Дорогая молодёжь, в особенности начальники молодёжи Курского округа. Мы от имени 450 человек СКМ призываем вас со всей вашей организацией присоединиться к нам в подготовке к восстанию. Оружием мы обеспечены, средствами со стороны Польши обеспечены и в дальнейшем будем вполне обеспечены. Только ваше согласие. Связь с другими городами обстоит хорошо. Комитет КСМ находится в безопасности. Никакой сыщик ГПУ и прочая сволочь не найдёт никогда. Маскировка замечательна. Присоединяйтесь. Мы за религию, мы против закрытия церквей, мы против коммунистов и строения колхозов, ибо всё это антихристское навождение...Бог существует. Бог есть...Конец света не далеко. Настанет час – восстанут мёртвые и живые. Вы, как богохулы – пионеры, комсомольцы, пройдёт время забудете Бога и тогда откроется ад крамешный. Присоединяйтесь, спасайте свои души. Если не присоединитесь мы будем вас терроризировать...» [4].

Общий уровень мировосприятия и понимания крестьянским населением Черноземья религиозных догм хорошо иллюстрирует т.н. «Дело святого Егорушки». В центре религиозно-фанатического движения, развернувшегося в Мордовском районе во второй половине 20-х гг. стоял житель села Шмаровки Егор Иванович Шумцев, которого крестьяне называли святым Егорушкой. До 42 лет Шумцев являлся монашеским послушником Афонского монастыря, откуда ушёл вследствие психического расстройства в 1914 г. к себе на Родину в село Шмаровку. Здесь он несколько лет жил в яме, выкопанной им возле избы своего брата, а с 1926 г. находится на крыше маленькой недостроенной хаты, с которой никогда не слазил. Грязный, оборванный, он вызывал изумление крестьян, как подвижник отрешившийся от всего земного. К нему толпами стали стекаться фанатики и кликуши из областей Центрального Черноземья и из отдалённых регионов (были паломники из-под Москвы и Киева).

Каждое воскресенье около «святого» собиралось по 200-300 человек. Согласно акту обследования, крестьяне Шмаровки поголовно верили в чудеса и святость Егорушки.

Борисоглебский Округом произвёл расследование этого вопроса

и 20 августа 1928 г. постановил: «святого» изолировать, как психически ненормального и отправить его в Воронежскую психиатрическую лечебницу [5].

Можно привести и другие примеры религиозного легковерия. В селе Яковлевка Липецкого района в сарай одному из колхозников была подброшена катушка с красными нитками. Эта катушка явилась поводом для распространения слухов и агитации против колхозов: «Весь мир опутывается красными нитками – эту катушку подбросил антихрист. Такой ниткой большевики свяжут всех крестьян и силой поведут в колхоз» [6].

В селе Погранском Острогожского округа появились странники – богомолы, которые уверяли крестьян в том, что они выдели, как в некоторых колхозах остригли всех женщин, оставив только антихристов знак – пятиконечную звезду. Странники утверждали, что так непременно будут стричь всех колхозников, а волосы вместо шерсти отправлять за границу [7].

В селе Данцевка Богучарского района из колхоза вышли 20 хозяйств...Оказалось, что на селе появились «странницы», которые распространяли слухи о скором светопреставлении и чудесах ему предшествующих [1, с.244].

В селе Дон-Нечаевка Усманского района распространялась антиколхозная грамота за подписью Богородицы. В села Рассыпном Калачеевского района распространялось письмо, в котором говорилось: «трижды будет проклят тот, кто вступит в колхоз» [8]. И Грамота Богородицы, и Письмо имели негативные последствия для одобряемых властью планов колхозного строительства. Многие крестьяне были готовы поверить чему и кому угодно.

Верующие крестьяне часто оказывали активное сопротивление попыткам властей закрыть церковь, прогнать или обложить непосильными налогами священников. Так, в селе Н. Дубовом Хлебенского района в день годовщины революции 7 ноября 1930 г. на собрании выступил с антирелигиозной речью расстригшийся местный дьякон. Было вынесено предложение закрыть церковь. Так как присутствовала на собрании в основном молодёжь, предложение прошло. Против этого решения выступило собрание женщин. В ходе конфликта загорелась баня. На пожар собрались у церкви до 1000 человек крестьян, появился до этого скрывавшийся священник. При попытке его ареста из толпы раздались выкрики: «не надо нам председателя сельсовета, не нужна нам Советская власть» и др. Партийная ячейка растерялась, председатель сельсовета усакавал в другую деревню. Толпу успокаивал председатель комсомольской ячейки. После обещания, что цер-

ковь не будет закрыта толпа разошлась [9].

Несмотря на атеистическую пропаганду, большая часть сельского населения и, приехавшие из деревень на заработки в город, рабочие продолжали отмечать традиционные праздники и соблюдать ставшие частью культурного кода обычаи. В Ново-Чигольской волости в 1928 г. действовало 5 православных храмов, которые обслуживали 19 священников. Кроме этого насчитывалось 33 старообрядческих, 17 баптистских, 29 молоканских, 49 субботнических семьи. Религиозные обряды исполняли 81% семей. 72,1 % – соблюдали посты. В церкви венчались 98% молодожёнов. 26,1% крестьян лечились преимущественно у знахарей и сельских целителей [10, с.153].

На Пасху не вышли на производство 333 рабочих Отрожских железнодорожных мастерских. На некоторых предприятиях, где основную массу рабочих составляли сезонники, недавно пришедшие из сёл и деревень работы, во время религиозных праздников зачастую вообще прекращались. Например, все рабочие кирпичного завода №3 в Воронеже (101 человек) бросили работу за 3 дня Пасхи и гуляли неделю после праздника до 1 мая. Общий прогул составил 700 рабочих дней [11]. В 1928 г. на заводе им. Коминтерна на Рождество и Пасху на работу не явились 200 рабочих [12].

Безусловно, причины религиозного невежества и массовой отзывчивости на пропаганду самого разного толка лежат в тотальной безграмотности и малообразованности подавляющего большинства крестьянского населения ЦЧО. Как отмечает В.Д. Юдин: «такая агитация...наивна и легко разоблачаема, но, если учесть, что сельское население...было почти сплошь неграмотным и суеверным станет понятным, почему оно легко верило своим духовным наставникам» [1, с.67]. Другой причиной религиозности жителей Черноземья является приверженность традициям, в том числе традициям отмечания праздников.

Литература и источники

1. Юдин В.Д. Деятельность партийной организации ЦЧО по атеистическому воспитанию населения (1928-1934). Дисс. на соискание уч. степени к.ист.н. Воронеж. 1970. 315 с.
2. ГАВО (Государственный архив Воронежской области) Ф.1061.Оп.1. Д.35. Л. 63-64
3. ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области) Ф.2.Оп.1. Д.1624 Л.32.
4. ГАОПИ ВО Ф.2. Оп.1. Д.1075. Л.3-4.
5. ГАОПИ ВО Ф.2. Оп.1. Д.124. Л.9-10..
6. ГАРФ. Ф.5407. Оп.1. Д.69. Л.79.
7. ГАРФ. Ф.5407. Оп.1. Д.69. Л.77.

8. Безбожник. 25 апреля 1931 г.
9. ГАОПИ ВО Ф.2. Оп.1. Д.1075. Л.2.
10. Тарадин И. Золотое дно. Воронеж. 1928. 228 с.
11. Коммуна, 5 января 1928 г.
12. Коммуна 6 января 1929 г.

Н.К. Гуркина
N.K. Gurkina

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ РОССИИ В XX ВЕКЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

*Spiritual Image of Rural Teachers in Russia in the 20th Century
(Problem Statement)*

Аннотация. Авторитет и уважение к педагогам в обществе и стране зарабатывались трудом поколений российских учителей. В статье рассматриваются некоторые факторы формирования и проявления духовного облика сельского учительства, обосновывается задача дальнейшего исследования данной темы

Ключевые слова: школа, сельский учитель, народный учитель, культурно-просветительская деятельность, повседневность, морально-нравственный облик

Abstract. Authority and respect for teachers in society and the country were earned by the labor of generations of Russian teachers. The article examines some factors in the formation and manifestation of the spiritual image of rural teachers, and substantiates the task of further research on this topic.

Keywords: school, rural teacher, public teacher, cultural and educational activities, everyday life, moral and ethical image

Российскому учительству посвящены сотни книг и статей. Выдающиеся ученые, писатели, государственные и общественные деятели неоднократно отмечали ключевую роль учителя не только в развитии системы образования, но и в целом – общества, страны, цивилизации. Историки исследовали вопросы профессиональной подготовки, социального состава, численности, правового статуса и материального положения, педагогической и общественной деятельности учителей [4, с.55-56]. Во многих работах, раскрывающих различные аспекты темы, уделялось внимание духовному облику учительства, который

находил отражение прежде всего в его профессиональной и общественной деятельности.

Вопросы формирования мировоззрения, духовно-нравственных ценностей, социально-психологических особенностей и повседневной жизни педагогической интеллигенции поднимались в основном в работах, посвященных истории дореволюционного учительства [5, 14 и др.]. В работе И.В. Беловой, рассматривающей историю костромского учительства советского периода, отмечается, что «задача исследования повседневного быта педагогов, условий работы и частной жизни – до сих пор не только не решена, но и не поставлена в российской социально-антропологической науке» [2, с.3]. История повседневности при этом очень важна с точки зрения реконструирования процесса формирования социально-психологических особенностей и характеристики морально-нравственных качеств личности. Тема интеллигенции, после интеллигентоведческого «бума» 90-х годов прошлого и начала нынешнего веков перестала быть модной. Не прекратился до сих пор и начавшийся в годы перестройки процесс огульной критики и «очернительства» советского прошлого. При этом, несмотря на огромную историографию (число защищенных в советские годы диссертаций по советской истории кратно превышал число исследований по дореволюционной тематике), растет и интерес к этому периоду – и не только у историков, но и у граждан страны, не утративших исторической памяти и национально-культурной идентичности.

На защиту советской школы и своих учителей поднялись выпускники разных лет, опубликовавшие как исследования, так и сборники воспоминаний [6, 10, 9, 11, 13, 15 и др.]. Не остались в стороне публицисты и писатели. Работы Федора Раззакова посвящены «счастливому советскому детству» [11], книги известного писателя Юрия Полякова из серии «Совдетство» выходят с подзаголовком – «О светлом прошлом» и т.д. Особенно много рассказов о советской школе содержится в дневниках и воспоминаниях выпускников 30-40-х годов – фронтовиков. В дневнике Героя Советского Союза Евгении Рудневой школе посвящено множество страниц [12]. В воспоминаниях А.А.Зиновьева предвоенная школа и вопросы идейного воспитания молодого поколения рассматриваются в отдельных главах [7]. О своих школьных годах, роли школы в формировании их личности, патриотическом воспитании писали в своих воспоминаниях и выпускники сельских школ [1, 10, 13 и др.].

Объясняя приписываемые И.В. Сталину слова «Войну выиграли сельские учителя», известный историк А.И. Вдовин пишет: «Имелись в виду поколения советских людей, получившие историческую

и идеологическую подготовку в сельской школе (выигравшая войну армия была преимущественно крестьянской по составу) [3, с.142]. Возникает вопрос – только ли в количественном преобладании было дело? Писатель Федор Абрамов в своем очерке 1975г. о первом учителе утверждал: «При всех недостатках сельской школы – и тогда, и ныне – я бы и сейчас ни за что, ни в каком разе не променял ее на городскую. Ибо природа, национальный уклад жизни, народная культура и язык, которые в наиболее первозданном виде сохранились в деревне, – все это имеет неоценимое и ни с чем не сравнимое значение для нравственного и эстетического воспитания личности» [1, с.350]. Как выпускница сельской школы, вполне разделяю это высказывание моего земляка. Как актуально оно звучит сегодня, когда закрыты тысячи школ, над многими, равно как и над сельскими поселениями, нависла угроза ликвидации! Русская деревня исчезает на глазах одного поколения.

Продолжая свой очерк, писатель отмечал: «Я слушал лекции у знаменитых профессоров и академиков, которые стали гордостью отечественной науки, я общался и общаюсь с крупнейшими писателями, художниками, артистами страны, мне не раз доводилось беседовать государственными и партийными деятелями. Но никто, ни один человек за всю жизнь не оказал на меня столь могучего нравственного воздействия, как сельский учитель Алексей Федорович Калинин» [1, с.351]. Об удивительном авторитете своих учителей и их огромном нравственном воздействии вспоминают и другие выпускники сельских школ. В чем тут дело? Только ли в возрастных особенностях восприятия педагога, в большей оторванности деревенских детей от культурной жизни страны, в тяжелых бытовых особенностях повседневной жизни учеников, когда школа представлялась как «нечто чистое, светлое, святое» (по образному выражению А.А. Зиновьева – московского школьника)?

В начале XX века большая часть народных учителей (67, 5%) работали в сельских школах. Более половины из них (девушки – до 70%) были в возрасте до 26 лет [5, с.15, 119]. В массе своей это были труженики и подвижники, живущие часто в тяжелых материальных и психологических условиях, никогда не ограничивавшиеся только профессиональной деятельностью. В городах был возможен учитель гимназии Беликов – «человек в футляре». Культурно-просветительная деятельность (заведование библиотеками, устройство школьных праздников для сельчан и т. п.) были обязанностями народных учителей. Выбравшие свое поприще по призванию (для мужчин с образованием были более оплачиваемые места службы), они были «культур-

трегерами» по своей глубинной сути, по убеждению. Лучшие учителя (как и учитель Абрамова) выходили из учительских семинарий. Исключительность положения образованных людей в деревне, «жизнь на виду» порождали особую моральную ответственность педагогов. «Хуже всякого мужика» (такое высказывание односельчан было обнаружено мной в Вологодском архиве) – это был приговор для сельского учителя. Значительную часть педагогов составляли учительницы церковно-приходских школ (46,5 % начальных школ), выпускницы епархиальных женских училищ – наиболее стабильная и укорененная группа народных учителей. Выходцы из крестьян и духовенства (подавляющее большинство народных учителей) не просто несли знания и просвещение молодому поколению страны, но и, будучи представителями сельского мира, выступали хранителями традиционных духовных ценностей российской цивилизации.

Образовательная политика советского государства, нацеленная на развитие страны и личности, привлекла на свою сторону большую часть дореволюционных народных учителей. Во многом благодаря им удалось сохранить в экспериментальные 20-е годы многие традиционные и сильные стороны российской системы образования. При этом – в связи с всеобщим обучением детей и подростков, курсом на ликвидацию неграмотности, многократно увеличилась педагогическая нагрузка, в селах открывались семилетние школы, которые стали основным типом сельских учебных заведений. «В тридцатые годы в стране не хватало учителей, тем более на вес золота они были у нас, в лесной глуши, – пишет Федор Абрамов, – Алексей Федорович... чтобы не сорвать в школе учебный процесс, годами осваивал предмет за предметом. Он вел у нас и ботанику, и зоологию, и химию, и астрономию, и геологию, и географию, и даже немецкий язык» [1, с.353].

Педагогические училища и институты в первые послереволюционные десятилетия не могли обеспечить школы учителями-предметниками в должной мере, и учителя с дореволюционным стажем, молодые выпускники педагогических училищ (в основном выходцы из деревни) начинали преподавать нужные в тот момент школе предметы (моя мама, выпускница педучилища, начала в 1940г. – в свой первый школьный год, преподавать географию). Специальное образование получали в постоянно развивавшейся и совершенствующейся системе заочного обучения. В 1943г. в инструкции Наркомпроса был опубликован список дореволюционных учебных заведений, окончание которых приравнивалось к педагогическим учебным заведениям советского периода, что исключало всякую дискриминацию педагогов, закончивших духовные семинарии, епархиальные женские училища,

медресе [4, с.52-53]. В моей семилетней (затем восьмилетней школе) многие годы работали учителя – выпускники духовных учебных заведений, дети местного священника, двое были награждены орденами Ленина.

Сельские учителя советского периода с первых лет советской власти были активными участниками всех политических и социально-экономических процессов в деревне. Агитаторы и пропагандисты, депутаты районных и сельских советов, организаторы различных мероприятий, и не только в сфере культуры, хотя культурно-просветительная деятельность среди населения была основной формой общественной работы сельских учителей (я узнала о многих формах этой работы на практике в мой единственный год преподавания в сельской школе). Моих родителей – сельских учителей – выбирали парторганами местного колхоза (причем маму выбрали, когда дочке было всего 6 месяцев). Сельские учителя жили одной жизнью с деревней, и их заслугой является превращение школы во второе «общее дело» (первое была работа в колхозе или совхозе, которому в страду учителя вместе с детьми регулярно помогали) для всех сельчан. Школа в советский период была не просто образовательным учреждением, в селе она была очагом культуры и просвещения, она помогала сохранять тот импульс, который люди получили в школе, давала жизненные перспективы – и не только связанные с дальнейшим образованием детей, но и с привнесением новаций в повседневную сельскую жизнь.

Только после многих лет городской жизни осознаешь, насколько тяжелой была жизнь сельских учителей в бытовом отношении. Собственные дома с печным отоплением (зимой топить надо два раза в день), вода из колодца, бани с еженедельной стиркой белья – и все это во время напряженного учебного года! Некоторые держали скот (коров, овец, свиней), все имели огород – без своего хозяйства прожить было очень трудно. Только в 70-80-е годы зарплаты выросли настолько, что позволяли покупать мясо и молоко у сельчан. Обеспечение себя овощами, ягодами и грибами из леса осталось. При тяжелейшей домашней работе (современному человеку это кажется немыслимым) в 8.30 они всегда были в школе, хорошо, со вкусом одетые, приветливые и доброжелательные, готовые к трудовому дню, наполненному уроками, внеклассными мероприятиями, работой с родителями (посещение квартир учеников было обязанностью), со многими сельскими делами и поручениями. Находились при этом силы на праздники, собирались (с мужьями, женами) на семейные торжества, «годовые» праздники – 7 ноября, 1 и 9 мая. Эти праздники, по воспоминаниям, становились образцом для подражания для жителей села.

В послевоенный период в школе появились ветераны Великой Отечественной войны (преподавали чаще историю и физкультуру), дети и подростки военного времени. Многие учительницы были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В сельских школах появились новые элементы в работе (ордена и медали, планки по ранению награжденными надевались только на 9 мая), постоянно напоминающие о страшной и героической странице нашей истории: памятники погибшим землякам, школьные музеи, поисковые отряды, таблички на домах погибших односельчан, помощь силами учеников их семьям, митинги на 9 мая и 22 июня.

Сельские учителя последних десятилетий советского периода так же, как и их предшественники, самоотверженно работали в школе, не жалели сил на общественную деятельность, которая являлась органическим продолжением профессионального служения, являлись морально-нравственным авторитетом для учеников и односельчан. Несмотря на бытовые трудности, они были необычайно оптимистичными и жизнерадостными, от своего труда, от общения они получали огромное удовольствие и удовлетворение. И в отличие от дореволюционных народных учителей они были уверенными в себе, в завтрашнем дне, в своей стране.

Духовный облик сельского учителя формировался совокупностью факторов: духовно-нравственными ценностями русской цивилизации, особенностями сельского мира, историей страны с ее взлетами и свершениями, морально-нравственными качествами (прежде всего, необычайно развитым чувством долга и ответственности) самих педагогов. История сельских учителей советского периода – настоящая народная история, которую предстоит написать, поможет нам гораздо глубже разобраться в важнейших социокультурных проблемах ушедшей в прошлое (но и во многом сохраняющейся) цивилизации, возможно, почерпнуть что-то полезное для современной педагогической деятельности. «Учитель, – любил повторять учитель Федора Абрамова, – это человек, который держит в своих руках завтрашний день страны, будущее планеты» [1, с.354].

Литература и источники

1. Абрамов Ф. Светлые люди. СПб., 2007. 480 с.
2. Белова И.В. «Повседневная жизнь учителей. М., 2015. 256 с.
3. Вловин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. 624 с.
4. Гуркина Н.К. К вопросу об эволюции статуса и социально-культурного облика учителя в XX в. (в преддверии Года учителя в России) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, т.13, вып.1(53). СПб.,

2022. С.47-55.

5. Гуркина Н.К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. СПб., 2014. 247с.

6. Жил на свете учитель...Алексей Алексеевич Якимовский в воспоминаниях, фотографиях, документах. Лодейное поле. 2003. 159 с.

7. Зиновьев А.А. На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. М., 2015. 240 с.

8. Корняков К.А. Спасибо школе, М., 2012. 224 с.

9. Люди страны советской. Евдокия Ивановна Юрьева в воспоминаниях, фотографиях, документах. СПб., 2014. 57 с.

10. Носырев И.Г. Воспоминания солдата. Одиссея советского воина. Выборг, 2018. 128 с.

11. Раззаков Ф.И. Наше лучшее детство. М., 2017, 352 с.

12. Руднева Е.М. Пока стучит сердце. Авт-сост. И.В.Ракобольская. М., 2015. 440 с.

13. Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1980. 320 с.

14. Сучков И.В. Учительство России в конце XIX – начале XX века. М., 1995. 286 с.

15. Цамутали А.Н. Наши учителя // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник. СПб., 2017. 528 с.

С. С. Минц, Ю.А. Яхутль
S. S. Mints, Y. A. Yakhutl

К ВОПРОСУ О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТВЕТСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

On an issue of the Collaborationism on occupied territories of the Soviet Union during the Great Patriotic War: a psychological aspect

Аннотация. В статье исследуется проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Авторы отмечают изменение границ и содержания проблемы коллаборационизма в зависимости от дискурсивного поля ее изучения. Они выделяют в историографии разные масштабы исторического пространства и времени описания явления коллаборационизма. Авторы отмечают психологическую связь трактовки проблемы коллаборационизма с современными попытками пересмотра роли народов Советского Союза во Второй мировой войне. Они показывают, как меняются характеристики коллаборационизма в зависимости от этапов изучения этого явления в историо-

графии. Статья ставит вопрос об основных причинах сотрудничества советских граждан с оккупантами и о психотипе людей, проявивших склонность к коллаборационизму в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, Великая Отечественная война, коллаборационизм, геноцид советских людей, режим, мотив.

Abstract. *This article examines the problem of collaboration during the Great Patriotic War. The authors note a change in the boundaries and content of the collaboration's problem depending of the discursive field of its study. They highlight in historiography there are different scales of historical space and time of a phenomena collaboration's description. The authors note the psychological connection of modes to intrpretate problems of collaboration with modern attempts to revise the role of people of the Soviet Union in World War II. They show how historians change characteristics of collaboration depending on the stage of studying this phenomenon in historiography. The article raises the question of the main reasons for soviet citizens to cooperate with occupiers and about the psychotype of people who showed a tendency towards collaborationism in 1941–1945 gg.*

Keywords: *history of World War II, The Great Patriotic War, collaboration, soviet civilians' genocide, regime, motive.*

Вторая мировая война продолжалась шесть лет, охватив территории 40 государств. В боевых действиях принимали участие 61 государство с населением 1 700 млн чел., а 110 млн чел. были солдатами и офицерами [1, с. 324]. Вторая мировая война занимает особое место в истории России, исторической памяти россиян и жителей Советского Союза, поскольку Великая Отечественная война стала существенной частью ее трагических событий.

Для советской историографии события Великой Отечественной войны имели высокое идеологизированное значение. Оно создавало собственное внутреннее дискурсивное поле, практически выделяя Великую Отечественную войну из истории мировых войн. В Советском Союзе тема Великой Отечественной войны часто рассматривалась как самостоятельная и в процессе школьного обучения, и в научно-исследовательской деятельности учёных. Память об огромных бедствиях, которые принесла с собой Великая Отечественная война народам СССР, невообразимые жертвы, связанные с ней, особенно среди мирного населения, способствовали относительному обособлению этой темы в поле отечественной исторической науки и в исторической памяти.

Имела эта тема и высокий нациообразующий потенциал. С начала 1970-х гг. в политическом дискурсе Советского Союза все чаще звучала идея об успешном процессе формирования из народов, населявших СССР, новой этнической общности людей, советского народа. В начале 1970-х гг. сама идея воспринималась как факт, а к концу 1980-х гг. она стала объектом усиленной внешней и внутренней критики. В

1990-х гг. ее дискредитация стала одним из механизмов успешного разрушения единства народов, населявших великую державу. Однако в первом десятилетии XXI в. выяснилось, что празднование дня Великой победы продолжает сохранять для постсоветского пространства свою объединяющую функцию.

На уровне взаимодействия тенденций всемирной истории дискурсивное поле, связанное с изучением и осмыслением событий Великой Отечественной войны, более тесно переплеталось с историей мирового революционного движения и доминированием в нем коммунистических идей. После исчезновения Советского Союза и распада сферы его внешнеполитического влияния эта связь перестала быть мейн-стримом истории XX в. Вместе с ней почти на четыре десятилетия затянулась проблема пересмотра роли народов Советского Союза в борьбе против немецкого фашизма и гитлеровской Германии. С 70-летия празднования победы союзных сил над гитлеровской Германией историческая память европейцев и американцев стала развиваться как бы вспять, перекладывая вину за неисчислимые бедствия Второй мировой войны на Советский Союз. Попытки ползучей идеализации политики гитлеризма и его методов ведения войны не могут не удивлять ни участников войны (к сожалению, их все меньше с каждым днем, причем не только на территории бывшего СССР), ни население стран, пострадавших от гитлеровской агрессии, ни многих из немцев, еще помнящих реальную историю войны 22 июня 1941 – 9 мая 1945 гг. Тем не менее, идеализация гитлеровского режима находит и немало сторонников. Для народов Европы, неожиданно осознавших себя вольными или невольными сателлитами фашистской Германии, такая идеализация с эффектом переноса вины на Россию, назначенную на роль нынешнего противника Западного мира, и ее расчеловечивания стали поводом для изживания чувства коллективной вины и своей ответственности за Вторую мировую войну.

Одной из сторон пересмотра расстановки сил в истории Второй мировой войны стала проблема коллаборационизма. Она всегда была неотъемлемой частью истории Второй мировой войны. Но в истории и исторической памяти Великой Отечественной войны она трактовалась в основном через категории измены и предательства. В истории и исторической памяти Первой мировой войны – через понятия повседневной жизни, изменений условий выживания основной массы населения, вовлеченного в водоворот военных событий. Существовала иллюзия, что возвращение проблемы в более широкое русло истории мировых войн будет способствовать выстраиванию более объективной картины такого сложного явления военной действительности как

коллорабационизм.

В отечественной историографии попытки вписать коллаборационизм на оккупированных территориях Советского Союза в более широкие рамки европейской истории становятся заметны с 1990-х гг. Пожалуй, пальму первенства в этом процессе нужно отдать книгам Елены Спартаковны Синявской.

Исследование проблемы потребовало от историков существенно расширить инструментарий, необходимый для ее изучения. Подходящие понятия и термины нашлись в поле междисциплинарного синтеза, существенную часть которого составил опыт исторической психологии. Осваивать его помогала историкам и Международная ассоциация исторической психологии им. профессора В.И. Старцева во главе с ее основателем и президентом профессором Сергеем Николаевичем Полтораком.

Природа коллаборационизма остаётся по-прежнему предметом пристального внимания современных российских исследователей [2, 3, 4].

В исторической литературе сформировалось три направления в исследовании коллаборационизма на оккупированных территориях Советского Союза.

Первое рождается еще в ходе Великой Отечественной войны, когда в СССР была своя оценка явления предательства. В последующем, советская историческая наука использовала слова «предатель», «изменник Родины», «пособник». Причины коллаборационизма в советской историографии сводились «к субъективным факторам, к низким качествам отдельных лиц – от страха и тщеславия до жажды наживы и ненависти к советской власти» [5, с. 117].

Второе направление в отечественных работах появилось сравнительно недавно. В этих работах коллаборационисты изображаются как патриоты, боровшиеся против советской системы за независимость. Большая часть таких работ посвящена истории Русского освободительного движения.

Как видим, после распада СССР попытки обрисовать историю коллаборационизма более объективно, без идеологической акцентуализации советского времени, не избавило тему от политизации. На смену одной акцентуализации пришла другая. И тоже стала способствовать искажению исторических фактов в угоду политическим целям. Проблема коллаборационизма снова приобрела явно идеологические, антикоммунистические признаки. Появились исследования, которые пытались иначе, чем в советской историографии характеризовать коллаборацию, пытаясь найти измене и предательству оправдательные

мотивы, в том числе политические и идеологические.

Третье направление изучения коллаборационизма активно формируется в настоящее время. Понятие «коллаборационизм» отождествляется с понятием «сотрудничество» как вынужденной мерой в условиях жесточайшего террористического режима, установленной на временно оккупированных территориях СССР. В этом направлении и работают Е.С. Синявская, Международная историко-психологическая ассоциация им. В.И. Старцева и историки, группирующиеся вокруг нее.

Цели Германии в войне против СССР были обозначены ещё в 1938 г. В 1940 г. они получили завершённую форму в виде проектов и планов оккупации территории, ликвидации политической советской системы и значительной части мирного населения страны. Гитлеровцы, их союзники и сателлиты с первых дней войны приступили к исполнению намеченных целей в соответствии с планами «Барбаросса» и «Ост». В основе этих планов было экономическое разграбление промышленности и сельского хозяйства оккупированных территорий, принудительное привлечение населения к трудовой повинности, силовое и психологическое подавление любого сопротивления, установление режима жесточайшего контроля. Методы и средства «нового порядка» были в последующем осуждены на Нюрнбергском процессе, проходившем с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

Репрессивный режим на оккупированных территориях СССР вызвал патриотический подъём, но он же сформировал и основу для развития коллаборационизма в различных его формах. Следует отметить, что дискуссии о правомочности применения термина «коллаборационизм» в отношении предателей продолжаются и поныне. Коллаборационизм, то есть открытое сотрудничество и предательство со стороны граждан оккупированной страны остаётся актуальной темой для современного общества. При исследовании самым сложным является выявление его причин и истоков. Отмечается, что в 1941–1945 гг. коллаборация проявлялась в различных формах, имела разные цели. При этом сейчас сложно определить психологические мотивы человека, который в критической ситуации принимал решение о сотрудничестве с врагом.

В годы Великой Отечественной войны наиболее распространённым был военно-политический коллаборационизм, который и по современным российским законам заслуживает наказания вне срока давности. Причины перехода на службу врагу были различными: условия плена, жестокость оккупационного режима, идейные соображения, принуждение к сотрудничеству.

Ряд российских историков рассматривают коллаборационизм как «способ выживания» в условиях оккупационного режима. Они считают, что в этом случае советский гражданин шёл на вынужденное сотрудничество, а число предателей, перешедших на сторону по идейно-политическим соображениям, было незначительным [6, с. 157]. Но тех, кто шел на сотрудничество с врагом, объединяла общая черта – вольно или невольно они становились непосредственными участниками преступлений, совершенных солдатами и офицерами гитлеровской армии на временно оккупированных территориях. За годы войны оккупантами и их помощниками только преднамеренно было истреблено 7 420 379 советских граждан [7, с. 140]. За такие преступления необходимо нести ответственность вне зависимости от причин, способствовавших переходу на сторону врага.

Установление «нового порядка» сопровождалось массовыми убийствами мирных жителей, среди которых были дети, старики и женщины. Бесчеловечные условия содержания советских военнопленных в концентрационных лагерях давали такие чудовищные показатели смертности их узников, что эти потери тоже принято относить к геноциды советских людей. Перед жителями оккупированных территорий был выбор: подчиниться оккупантам, отправиться в концентрационный лагерь или оказаться на принудительных работах. Или же идти в ряды советских патриотов, рискуя жизнью сражаться с врагом. Выбор был достаточно сложным и стоял он перед советским обществом, которое оставалось по-прежнему неоднородным. Следует учитывать подготовительную работу Германии, которая заранее готовилась к психологическому давлению на советское население. В результате участия в Первой мировой войне немецкоязычная наука имела немалый опыт изучения массовых состояний людей в экстремальных состояниях. Он широко использовался в пропагандистской работе как внутри, так и вне Германии. Каждая из трёх групп армий вермахта, которые вторглись на территорию СССР, имела по специальному батальону пропаганды. В своих рядах они насчитывали до 15 тысяч человек [8, с. 85]. Попытки создать социально-психологическое оружие, предтечу средств современных когнитивных войн, решительно не принималось советской идеологией и советским руководством. Не случайно к числу «буржуазных» наук, направленных на уничтожение человечества, в Советском Союзе еще во время войны отнесли и социальную психологию. Ее возвращение в дискурсивное поле отечественных исторических изысканий произошло лишь в самом конце 1950-х – середине и второй половине 1960-х гг.

В составе гитлеровских частей были не только батальоны пропа-

ганды. Расовая теория нацистов предполагала уничтожение 30 млн. «неполноценного населения» СССР для освобождения жизненного пространства. Эта задача, как и задача устрашения людей на оккупированных территориях, возлагалась на специальные команды. В них оккупанты предпочитали привлекать выходцев из местных. Так, на территории Краснодарского края в годы оккупации действовали специальные подразделения – Зондеркоманда СС 10-А», команда «СД-11», полиция СД, в составе которых были советские граждане, перешедшие на сторону врага. Совместно с солдатами германских оккупационных сил и их союзниками бывшие советские граждане принимали активное участие в преступлениях против мирных граждан и советских патриотов. Один из первых открытый судебный процесс над коллаборантами состоялся в г. Краснодаре 14–17 июля 1943 г. Военный трибунал Северо-Кавказского фронта рассмотрел дело о преступлениях немецких солдат и их пособников на территории Краснодарского края. Кроме того, по результатам оперативно-следственных мероприятий Управление НКГБ Краснодарского края за период с 12 февраля по 1 августа 1943 г. арестовало 13 495 чел., сотрудничавших с врагом. В материалах Краснодарского судебного процесса предстаёт «типичное лицо» предателя – «двуногий гадины», как именовали их в судебно-следственных материалах. «Только жалкую кучку презренных людишек, продавших свой народ, они (немцы – авт.) могли завербовать на свою службу» [9. л. 4, 5] Отношение к подсудимым и им подобным как к жалкой кучке предателей было типичным для большинства местного населения.

Согласившихся сотрудничать с оккупантами, тем не менее, оказалось неожиданно много по сравнению с Первой мировой войной. И это при том, что предвоенные годы прошли под идеологическим лозунгом формирования «советского человека», который должен был выстоять в критических условиях. В рамках культурной революции советская власть предпринимала титанические усилия для воспитания самосознания граждан Советского Союза. Новый тип советского человека прошёл сложную трансформацию после 1917 г.: от солдата с ружьём до депутата высшего органа власти, от матроса или солдата до руководителя предприятия. Идеологически ориентированная социальная политика большевиков сформировала основу новых общественных ценностей – защита социалистического отечества, советский патриотизм. Но был и другой полюс в советском обществе. Там концентрировались люди, занимавшие позицию выжидания или приспособления. Часть населения Советского Союза была подвергнута репрессиям, что оказывало существенное влияние на их поведение

в критической ситуации военных действий. Нельзя отрицать и идейного сотрудничества с оккупантами. Оно могло быть мстью за личные потери, постигшие людей в процессе экзальтированной борьбы с «эксплуататорами всех мастей» в первые пару десятилетий советской власти, или могло способствовать последующему карьерному росту. В таких случаях преобладали внутренние побудительные мотивы, но не они доминировали в массовом согласии на коллаборационизм. Психологические мотивы типа угрозы жизни, желания выжить в условиях плена, оккупации, страха перед оккупационным режимом – чаще выступали побудительными причинами сотрудничества с оккупантами. Следовательно, коллаборационизм можно рассматривать как отдельные случаи из жизни человека, который определяет своё будущее под внешним воздействием – физическом или психологическом.

Причины, толкнувшие советских граждан на сотрудничество с оккупантами, имели неоднозначный характер и были порождены разными обстоятельствами от бытового до социально-психологического и мировоззренческого порядка. Очевидным является и то, что психологические и социальные характеристики коллаборационистов связаны с привычкой ряда людей беспрекословно исполнять приказы вышестоящих лиц или органов. Эта привычка консервировалась в сознании части населения типом иерархизации подчинения, выбранного еще имперской властью для чиновничества и закрепленного петровской Табелью о рангах.

Таким образом, по мнению авторов, причины, приведшие отдельных советских граждан к сотрудничеству с врагом, во многом были обусловлены личными качествами, чертами характера, неустойчивостью психологической организации части людей, как мирных жителей, так и комбатантов. Частично этому способствовали и остаточные явления пережитков деловой культуры прошлого, достаточно глубоко проникшие в быт чиновного, казачьего и крестьянского населения. Нельзя сбрасывать со счетов и глубину классовых противоречий внутри довоенного советского общества, а также растущее национальное самосознание. Оно в процессе ранних фаз своего зарождения и развития охотно опирается на примитивизированные симулякры. Влияние последних мы видим и в современных событиях по периферии постсоветского пространства. Оккупанты в годы Великой Отечественной войны намеренно вбрасывали в сознание людей идеи оголтелого национализма, получая поддержку националистических идей и учений со стороны немногочисленных местных лидеров. Внешнее воздействие на население оккупированных территорий оказывалось в такой степени, что позволяло сформировать националистические подразделе-

ления для непосредственного участия в военных действиях на стороне вермахта.

Как видим, психологический портрет коллаборациониста – это определённый психотип, представленный различными социальными стратами советского общества, чья мотивация во многом была предопределена, в первую очередь, личными качествами людей и лишь затем – политическим расчётом или идеологическими убеждениями. В крайних критических условиях военные и гражданские воспринимали происходящие события как непосредственную угрозу, что выражалось в формировании определённой модели поведения в повседневных ситуациях войны на уничтожение. Эмоциональной составляющей поведенческой стратегией выбора уровня и вида сотрудничества с оккупантами в преобладающем психотипе коллаборационистов являлось желание выжить любой ценой.

Литература и источники

1. СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945. / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1976. – 326 с.
2. Семиряга М.М. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй Мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
3. Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. Кн. 1. М., Наука, 2004. С. 293–305.
4. Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов-н/Д, Изд-во Ростовского ун-та, 2006. – 229 с.
5. Хисамутдинова Р.Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013 № 3 (7). С. 117–125.
6. Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. №11. С. 153–164.
7. Орлов В.В. К вопросу о цене победы СССР в Великой Отечественной войне // Вестник Российского университета кооперации. 2015. №1(19). С. 137–142.
8. Булыга О.В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в Советской и Российской историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 6. С. 81–96.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31.

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ У
НАСЕЛЕНИЯ, ОКАЗАВШЕГОСЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ, НА ПРИМЕРАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АНТИСТАЛИНИЗМА**

The process of shaping a new mindset among the populace residing in the occupied territories during the Great Patriotic War using the examples of artistic anti-Stalinist narratives

Аннотация. С момента установления на территории СССР оккупационного режима в период Великой Отечественной войны под руководством нацистской Германии оказалось более 80 миллионов советских граждан. Осознавая необходимость поиска общего языка с местным населением, немецкая пропаганда, часто при помощи коллаборационистов, начала проводить активную политику демонизации советского строя, выпуская и распространяя многочисленные газеты и журналы на русском языке. В данной статье автор рассматривает материалы газеты “Голос народа”, выходившей на территории Локотского автономного округа, намеренно эксплуатировавшие в своих сюжетах антисталинские нарративы.

Ключевые слова: история Великой Отечественной войны, коллаборационизм, оккупационный режим, пропаганда.

Abstract. Since the establishment of the occupation regime on the territory of the USSR during the Great Patriotic War, more than 80 million Soviet citizens had been under the leadership of Nazi Germany. Realizing the need to find a common language with the local population, German propaganda, often with the help of collaborators, began to pursue an active policy of demonizing the Soviet system, publishing and distributing numerous newspapers and magazines in Russian. In this article, the author examines the materials of the newspaper “Voice of the People”, published on the territory of the Lokot Autonomous Okrug, which deliberately exploited anti-Stalinist narratives in their plots.

Keywords: history of the Great Patriotic War, collaboration, occupation regime, propaganda.

К вопросу о сложности и многообразии явления коллаборационизма в разное время обращались М.И. Семиряга [5], С.И. Дробязко [1], А.В. Окороков [4], И.Г. Ермолов [2]. Б.Н. Ковалев [3] в своей работе выделил 8 видов коллаборационизма, из которых автора больше всего интересуют - идеологический и интеллектуальный. Являясь, на момент начала Второй Мировой войны, одними из самых эффективных мире [3], органы немецкой пропаганды способствовали массовому распространению на оккупированных территориях периодических

изданий, на страницах которых старались привлечь на свою сторону гражданское население. В данной статье детально рассматриваются выпуски газеты “Голос народа” [6]: автором проанализированы 38 художественных произведений, включая анекдоты, карикатуры, стихотворения и литературные заметки.

В номере от 01.01.1943 находим оригинальные сюжеты, посвященные нескольким болезненным, по мнению коллаборационистской газеты, вопросам. В “Умной ослице” поднимается тема массовых репрессий: автор напоминает, что “...рано или поздно для всех наступит час расплаты...” [6, л. 3], склоняя читателей не поддаваться на сиюминутные блага, которые обещает советская власть. В анекдоте “Сталин и Цыган” вспоминается политика коллективизации: антагонист Сталина, цыган, уверен, что за границей жизнь лучше и просит отпустить его. Поднимаются еврейский вопрос и тема мировой революции в сюжете “Вечная должность”: утверждается, что революция не наступит никогда - именно поэтому у еврея, которому необходимо наблюдать за Европой и смотреть: “...когда вспыхнет пожар мировой революции” будет “вечная должность”. В номере от 11.02.2024 продолжается антисемитская тематика: публикуется анекдот о “жидке”, которого приговорили к смертной казни за махинации в советском банке, но пообещали выполнить его предсмертную волю. В итоге еврей просит похоронить его “...там, где похоронили Сталина” [6, там же]: высмеивая отсутствие независимой судебной власти и особенное расположение к евреям, автор анекдота также напоминает, что Сталин не будет жить и править вечно. В номере от 30.06.1943 года в юмористической заметке старушку отчитывают за то, что вместо “Слава тебе, господи”, она не восклицает “Слава тебе, Сталин”, намекая на замещение бога культом Сталина.

Весомый пласт художественных заметок, направленных на формирование негативного отношения к СССР и Сталину лично состоит из произведений малой стихотворной формы. В выпуске от 15.01.1943 находим “Песню к советской “родине” под авторством В. Сербова. В этом стихотворении В. Сербов ссылается на знаменитую советскую патриотическую песню “Песня о Родине”: следуя за всем известными литературными образами, В. Сербов предлагает свое видение советской “родины”, где вместо лесов и полей появляются концлагеря, а вместо способности “смеяться и любить” - умение “терпеть и покорным быть”. К слову, такой художественный прием был популярен в коллаборационистской печати и переиначенные тексты известных советских песен там выходили регулярно. Завершает свое стихотворение в коллаборационистской газете автор так: “Широка страна моя

родная! Миллионы в ней душой калек; я такой другой страны не знаю, где в цепях так стонет человек” [6, л. 8].

Стих “Страшный гость” был опубликован в “Голосе народа” в выпуске от 31.01.1953: в нем изображается встреча Сталина со знаменитым мифическим генералом Морозом (или Генералом Зимой). В нем Мороз говорит Сталину, что не смог остановить немцев, потому что они оказались умнее его: “...Забрались они в окопы и там в валенках, в мехах для спасения Европы и стояли на часах!” [6, л. 13]. Неоднократно в своих пропагандистских произведениях коллаборационисты обращаются к образу матери и сына, пытаясь, тем самым, воздействовать на свою женскую аудиторию. Так, автором проанализированы два стихотворения под названиями: “Мать и сын” и “Письмо к матери”. В первом повествование ведется от лица матери, успокаивающей своего плачущего малолетнего сына: она радуется, что “рабство закончилось”, что у них есть “землица и лошадушка”, а сама женщина “...теперь хозяйка в доме - счастливая мать”. Во втором уже взрослый сын, воюющий за нацистскую Германию, обращается к своей матери-старушке, обещая, что вернется с победой и сообщая: “...Я таков же, как и прежде, такая ж осанка и вид. Я только в немецкой одежде...” [6, л. 27]. Интересный текст, названный “Размышления Сталина о Петре” находим в выпуске от 30.01.1943: в нем проводится параллель между политикой Сталина и Петра I, причем, по задумке автора повествование ведется от первого лица, когда именно Сталин сравнивает себя с императором и находит между ними общие черты. Начинается стихотворение так: “С Петром Великим идеал роднит нас общий, сходство взгляда”, задавая, тем самым, тон всему остальному сопоставлению: “...он резал бороды, я – шеи!”, “...чем Соловки не ас-самблея?”, “...он свой народ дубинкой бил, а я до пулеметов дожил” [6, л. 22].

Занимались коллаборационистские газеты не только созданием художественных произведений, поднимающих, на их взгляд, болезненные проблемы прошлого, но и формированием светлого настоящего. Так, в выпуске от 05.03.1942 выходит стихотворение “Привет из Германии”. В нем лирический герой якобы отвечает на письмо своей любимой женщины Татьяны, которая просит его рассказать о жизни в Германии и скорее вернуться домой. Рассказчик повествует о том, что работает на заводе, “приучает себя к культуре”, “не знает нужды”, “трудом бьет жидовскую свору” и, заключая: “...здесь в почете всякая работа, каждый здесь хозяин сам себе” [6, л. 29].

Среди карикатур, созданных и распространенных на страницах газеты “Голос народа”, отметим следующие темы: военно-стратегиче-

ческие ошибки Сталина, приведшие к массовой гибели солдат РККА (сюжет “Сталин за работой”, проблема паразитирующего мирового еврейства (“Тройка” [6, л. 15]), стратоцид (“Солдат, рабочий и колхозник” [6, л. 49]), угроза диктатуры пролетариата (“Смертоносный змей” [6, л. 56]) и политические репрессии (“Неслыханный злодей” [6, л. 64]).

Любопытные сюжеты появляются в виде небольших литературных заметок: в “Лейба Мехлис – генерал” критикуется за бесталанность генерал-полковника Лев Мехлис, которого Сталин, по мнению автора текста, сделал генералом благодаря его комиссарскому прошлому, ведь “...командирам Сталин доверять не может, на то и были к ним комиссары приставлены...” [6, л. 22]. В феврале 1943 года в “Голосе народа” публикуется объемный материал “Переписка Сталина с Рузвельтом”, где Сталин, по сюжету, отвечает на вопросы Рузвельта, усомнившегося к необходимости оказывать помощь СССР, под диктовку Лазаря Кагановича. Так, Сталин сообщает Рузвельту, что не собирается устраивать мировую пролетарскую революцию, не допустит, чтобы в США была советская власть и заверяет, что в СССР замучено не 25 миллионов человек, а “...едва ли наберется и 20 миллионов” [6, л. 27]. В заметке-анекдоте “Народная сказка” описывается выдуманный сюжет, будто Сталину приснился страшный сон и он попал “на тот свет”. Пытаясь попасть в рай, он слышит, что ему отказывают, так как “...вы же сами устроили в России рай. Вот идите и живите там на равных правах со всеми”. Тогда Сталин решает, что лучше ему попроситься в ад, “чем в свой рай”, но и туда прохода нет: “...топай обратно в Россию и живи в ней, ты ее похлеще нашего ада сделал”. Когда Сталин просыпается, он рассказывает свой сон Кагановичу, а тот советует вождю: “Ты умирай вместе со мною и мы пристроимся, если не в аду, то рядом...только сюда нам возвращаться нельзя, а то нам здесь – крышка” [6, л. 33].

Осознавая, насколько важно заниматься идеологическим разложением населения, советские коллаборационисты активно использовали для своих целей образ Сталина, напоминая о противоречивых предвоенных процессах, происходивших в стране. Но если массовость и масштабность этой работы не отрицается, то вопрос о действительном воздействии пропаганды на советских граждан и качественном изменении их ментальности требует дополнительных исследований.

Литература и источники

1. Дробязко С.И. Вторая мировая война, 1939–1945. Русская освободительная армия. М.: АСТ, 2000. 46 с.

2. Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. Тверь, 2005. 279 с.
3. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn01/index.html (дата обращения 12.11.2024).
4. Окорочков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. 174 с.
5. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
6. Государственный архив Брянской области. Ф. Р-2521. Оп. 1. Д. 1.

А.В. Зотова, С.Н. Полторак
A.V. Zotova, S.N. Poltorak

ФИНАНСЫ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

*Finances during the Leningrad blockade as a reflection of the mentality of
Soviet citizens*

Аннотация. В период блокады в Ленинграде работало несколько финансовых учреждений: филиалы Госбанка, Сельхозбанка, Ленкомбанка, Промбанка, Торгбанка и конторы сберегательных касс. Каждое учреждение специализировалось на финансовом взаимодействии с определенным сектором предприятий, организаций и учреждений, а сберегательные кассы – с частными лицами. Особенностью работы этих финансовых институтов было то, что они развивали свою деятельность не ради прибыли, а ради обеспечения фронта, жизнедеятельности юридических и частных лиц. Финансовая деятельность Ленинграда того времени представляла собой яркую иллюстрацию психологического состояния людей, ставивших общественное выше личного. Пример тому – многочисленные государственные займы, денежно-вещевые лотереи, вклады в Фонды Красной армии и Красного флота. Постоянной практикой блокированного города было то, что ленинградцы не только отдавали фронту все свои денежные средства, но и подписывались на государственные займы на несколько зарплат вперед.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, финансы, государственные займы, ментальность.

Abstract. During the blockade, several financial institutions operated in Leningrad: branches of the State Bank, Agricultural Bank, Leningrad Communal Bank, Industrial Bank, Trade Bank, and savings bank offices. Each institution

specialized in financial interaction with a certain sector of enterprises, organizations and institutions, and savings banks - with individuals. The peculiarity of the work of these financial institutions was that they developed their activities not for the sake of profit, but for the sake of providing for the front, as well as the life of legal entities and individuals. The financial activity of Leningrad at that time was a vivid illustration of the psychological state of people who put the public above the personal. An example of this is the numerous state loans, money and goods lotteries, contributions to the Red Army and Red Navy Funds. It was a constant practice in the blockaded city that Leningraders not only gave all their money to the front, but also signed up for government loans for several salaries in advance.

Keywords. *The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, finances, government loans, mentality.*

С самого начала Великой Отечественной войны ленинградцы, как и другие жители Советского Союза, сконцентрировали все свои усилия на противостояние и отражение вражеской осады. Все предприятия, включая финансовые учреждения, были переведены на работу в несколько смен, отпуска были отменены.

В то время в Ленинграде работали конторы Госбанка, Сельхозбанка, Ленкомбанка, Промбанка, Торгбанка, а также 116 сберегательных касс [1, л. 23]. За каждым кредитным учреждением были закреплены клиенты, которые не обладали правом выбора. То есть банки в годы войны не конкурировали друг с другом, а выполняли государственные задачи по финансовому обеспечению различных сегментов экономики.

Деятельность Ленинградской конторы Госбанка была нацелена на финансовую поддержку крупных предприятий, образовательных учреждений и других государственных институтов. Ленинградская контора Промбанка с самого начала войны обслуживала предприятия как союзного, так и местного подчинения. Она осуществляла финансирование промышленности (рыбной, мясной, молочной, пищевой, легкой, лесной, местной, топливной, промышленности строительных материалов), выдавала целевые ссуды подрядным строительным и монтажным организациям, выделяла долгосрочные ссуды для сферы ширпотреба. Контора имела корреспондентские расчеты с двумя кредитными учреждениями и их филиалами: Госбанком СССР и Комбанком СССР [2]. В банке размещались счета наркомата строительства, а также расчетные счета строек. В банке размещались расчетные счета крупных учреждений и предприятий Ленинграда и Ленинградской области: Ленинградский газовый завод, строительная контора Ленинградского областного управления связи, Управление ленинградской железной дороги, Главснаб, Главэнергострой, Главгидроэнергострой, Ленгидроэнергопроект, Волховский алюминиевый завод, Главное управление химической и бумажной промышленности, Главликер-

водка, Управление льнозаводов, Главфанеропром, Управление речных путей Северо-Западного бассейна, Ленинградский научно-исследовательский нефтяной институт, Ленинградский нефтяной геолого-разведочный институт, совхоз АХУ НКВД, ГУЛАГ (УИТЛК УНКВД ЛО, Ленстройконтра УНКВД), Главное управление госбезопасности (Стройотдел НКВД) и др.

Перед Ленкомбанком в начале блокады были выдвинуты новые задачи, сводившиеся к кредитованию предприятий в условиях мобилизации и эвакуации; повышению оперативности и упрощению расчетных операций в сфере финансового обеспечения строительства и кредитования эксплуатационной деятельности жилищно-коммунальных предприятий; создания условий для непрерывного обслуживания оборонных мероприятий [3, л. 4]. Расчетные и кредитные операции проводились круглосуточно. Кредитная работа стала отличаться военной спецификой. В частности, Ленкомбанк значительную часть своих усилий стал прилагать к кредитованию оборонных мероприятий фабрик, заводов, НИИ и других учреждений. Значительная часть средств направлялась на нужды городского хозяйства и аварийно-восстановительных батальонов. Именно Ленкомбанк в начале войны обеспечивал финансирование и контроль строительства в городе специальных сооружений и осуществление так называемых «спецмероприятий». Для ускорения проведения восстановительных работ и ликвидации последствий бомбардировок и артиллерийских обстрелов банк использовал упрощенные и наиболее целесообразные в условиях войны формы финансирования проводившихся работ. Совместно с Ленжилуправлением банк рассматривал вопросы финансового обеспечения выполнения планов, составлявшихся в районных жилуправлениях, по осуществлению специальных и аварийно-восстановительных работ в жилом фонде.

Сельхозбанк обслуживал сельскохозяйственные предприятия Наркомсовхозов СССР, сельскохозяйственные предприятия Наркомпищепрома СССР; сельскохозяйственные предприятия местного значения, финансы рыболовецкой системы, выдавал краткосрочные ссуды подрядным строительным организациям, имел корреспондентские счета с Госбанком, обслуживал неделимые фонды колхозов, неделимые фонды рыболовецких колхозов, расчетные счета сельскохозяйственных подрядных строительных организаций [4, л. 69].

Торгбанк осуществлял финансирование ленинградской торговли. Контра обеспечивала функционирование городской кооперативной системы, различных мелких организаций: товариществ и артелей, а также более крупных учреждений, например, заводов [5, л. 32].

В первые недели и месяцы войны многие сотрудники банков были мобилизованы на фронт, некоторые добровольно записывались в ряды народного ополчения. Оставшиеся сотрудники вступили в команды МПВО, были заняты трудовыми работами.

Ленинградцы, как и все советские люди, широко пользовались услугами сберегательных касс. Именно в сберкассе жители города могли внести свои вклады, нацеленные на приближение победы над врагом. За время блокады было восемь военных займов: военные государственные займы, шестипроцентный займ для нужд на укрепление обороны, шестипроцентный займ третьей пятилетки (подписка осуществлялась на первый, второй, третий и четвертый годы), вещевые денежные лотереи. Также актуальными были вклады в фонд Красной армии. С лета 1941 г. до конца декабря 1942 г. в Фонд обороны из Ленинграда и не занятой врагом территории Ленинградской области поступило 23 809 000 руб., или около 1 % от средств, собранных по СССР в целом [6, л. 1]. Эта сумма была равна почти 1,5 % от всех денежных средств, собранных в РСФСР. К концу войны в Фонд обороны жители Ленинграда внесли 156 453 000 000 руб. [7, л. 65], то есть 1,7 % от всех вложений советских граждан. Вклады ленинградцев в Сберкасы в 1945 г. составили 480 млн руб., не считая 267 млн руб., которые были перечислены по компенсации за неиспользованные отпуска [8, л. 12-15].

За период с июня 1941 г. по июль 1945 г. ленинградцы перечислили по госзаймам и денежно-вещевым лотереям 1 175 000 000 руб. [9, л. 33] Важно отметить, что после завершения Великой Отечественной войны ряд советских граждан и некоторые организации продолжали делать вклады, направленные на военные нужды. Возможно, во многом это было связано с тем, что один из союзников Германии – Япония – еще не сложила оружие.

Несмотря на нехватку продуктов первой необходимости, денежных средств, ленинградцы не только отдавали последние средства, но и подписывались на займы на несколько зарплат вперед, что расценивалось официальным общественным мнением как проявление высокого патриотизма [10, 11, 12]. Буквально за несколько дней до долгожданной Победы, в начале мая 1945 г., ленинградцы, как и все советские люди, подписались еще на один – четвертый и последний – государственный военный заем. В первый же день среди трудящихся Ленинграда было собрано 347 000 000 руб. [13, л. 65]

Несмотря на то, что Ленинград в период блокады был практически отрезан от остальной части страны, горожане продолжали выполнять все производственные задания, большая часть которых была нацелена

на нужды фронта. Для кредитных учреждений города главной задачей стало обеспечение фронта и городского хозяйства всем необходимым для приближения общей Победы. В таких тяжелейших условиях ленинградцы отдавали все свои силы и средства, в том числе и те, которые еще не были заработаны. Слова «Все для фронта, все для Победы!» были не только лозунгом военной поры, но и отражением нравственных потребностей большинства ленинградцев.

Литература и источники

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.). Ф. Р-9823. Оп. 1. Д. 151.
2. ЦГА СПб. Ф. Р-2033. Оп. 24. Д. 14.
3. ЦГА СПб. Ф. Р-1126. Оп. 12. Д. 9.
4. ЦГА СПб. Ф. Р-7279. Оп. 2. Д. 26.
5. ЦГА СПб. Ф. Р-1136. Оп. 17. Д. 19.
6. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853.
7. ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 421. Л. 65.
8. Подсчитано на основе: ЦГА СПб. Ф.1853. Оп. 7. Д.184. Л. 12-15.
9. ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 421.
10. Левченко В., Реутович А. На двухмесячный заработок // Смена. 1943. 8 июня. С. 1.
11. Малахова Н.С., цех № 11/14. Выполняю долг перед родиной // Больше-вистское слово. 1943. 4 июня. С. 1.
12. Беляева А. Дали стране пятидневный заработок // Трибуна кировцев. 1944. 10 мая. С. 1.
13. ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 374.

Л.Н. Игнатьева, Е.А. Обухова
L. N. Ignatieva, E. A. Obukhova

УРОКИ ОТРЯДА 731: ОТ ЗЛОДЕЯНИЙ К ПРИНЯТИЮ ЯПОНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Lessons from unit 731: from crimes to acceptance by Japanese society

Аннотация. В статье кратко рассматривается история создания отряда 731, эксперименты, проводимые над людьми, и результаты, полученные на их основе, отношение к злодеяниям самих участников отряда 731 и в целом японского общества.

Ключевые слова: отряд 731, эксперименты над людьми, исследования, Япония, бактериологическое оружие, вирусы, инфекционные заболевания.

Abstract. *The article briefly discusses the history of the creation of unit 731, experiments conducted on people and results obtained from them, the attitude to the crimes of the members of unit 731 themselves and the general Japanese society.*

Keywords: *unit 731, experiments on humans, research, Japan, bacteriological weapons, viruses, infectious diseases.*

Для достижения мирового господства и создания «Сферы процветания Великой Восточной Азии» Япония искала новые способы ведения войны, включая исследования в области медицины и биологии. Предполагалось применение бактериологического оружия для истребления населения при помощи распространения различных эпидемий, таких как чума, сибирская язва, холера и т.д. Японцы искренне верили в свое превосходство над всеми расами: расизм служил оправданием для любых противоправных действий, все делалось во благо императора, и, исходя из этого, у них появилось полное право творить преступления против человечества. Главной целью японских империалистов выступал Советский Союз.

После оккупации Маньчжурии в 1931 году началась подготовка бактериологической войны. Сначала в Токио была создана небольшая лаборатория, во главе которой стоял Исии Сиро. Исии заявлял о необходимости создания сильного оружия для Японии, так как страна не была богата ресурсами, что значительно мешало выигрышу в войне против развитых стран. По его утверждению, Япония должна была как можно скорее начать разработку собственного бактериологического оружия, чтобы не отставать от Европы, а в частности Германии, где уже проходили попытки по его созданию. С 1935 года эту идею стал поддерживать начальник 1-го стратегического управления генерально-го штаба японской армии полковник Сузуки Еримичи [2, с. 500-501].

В 1936 году по секретному указу императора Японии Хирохито и требованию японского генерального штаба был организован 731-й отряд. Он был размещен в районе Пинфань, недалеко от Харбина, и представлял собой огромное учреждение с различными филиалами. Деятельность отряда была строго засекречена и носила замаскированное название «Управление по водоснабжению и профилактики Квантунской армии», а количество работников доходило примерно до 3000. Исии Сиро выступал начальником отряда 731, в период с 1942 по 1945 его заменял Масаджи Китано [2, с. 506].

Целью отряда 731 выступало не только создание биологического оружия, но и исследования инфекционных заболеваний, лечения заражений и ранений путем проведения экспериментов. Эти эксперименты проводились над русскими, китайцами, монголами, корейцами, и пленные воспринимались не больше чем материал для опыта. У них

не было имен, лишь трехзначный номер; их возраст и прошлое были не важны. Подопытных японцы называли бревнами. «Мы считали, что «бревна» не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал «бревнам». Все: и военнослужащие, и вольнонаемные отряда - считали, что истребление «бревен» – дело совершенно естественное» [3, с. 6].

В качестве бактериологического оружия использовались бактерии холеры, дизентерии, брюшного тифа, паратифа, сибирской язвы, чумы и т.д. Бактерии изучались и применялись на людях, при этом использовали не только методы инъекций, но и задействовали самолеты с распылителями, бомбами и снарядами. Эксперименты включали в себя обморожения, опыты с ядовитыми газами, лишение воды и пищи, висекция и т.д.

В 1949 году с 24 по 30 декабря в Хабаровске происходил судебный процесс двенадцати бывших военнослужащих, которые обвинялись в разработке и применении бактериологического оружия. Дело рассматривалось Военным трибуналом в открытых судебных заседаниях. Ямада Отозоо, Кадзицука Рюдзи, Такахаси Такаацу, Кавасима Киоси, Ниси Тосихидэ, Карасава Томио, Оноуэ Масао, Сато Сюдзи, Хиразакура Дзенсаку, Митомо Кадзуо, Кикучи Норимицу, Курусима Юдзи получили в наказание срок от 2 до 25 лет.

Однако осужденные военнослужащие отбывали свое наказание только 7 лет, а в 1956 году их отправили на родину. В тюрьме они пребывали в комфортных условиях, что не раз порицалось общественностью. Карусиме Юдзи перед высылкой домой даже провели экскурсию по Москве, а после освобождения в их честь был устроен большой банкет. К сожалению, практически все остальные представители отряда 731 не понесли никакого наказания.

Иосимура Хисато занимался исследованиями в области обмороживания. По словам свидетеля Фуруичи, эксперименты проводились каждый год в ноябре, декабре, январе и феврале. В ночное время испытуемые стояли с мокрыми руками на морозе, или же их выводили одетыми, оставляя ноги босыми [1, с. 356-357]. Подсудимый Ниси на допросе заявил об опытах с обморожениями с использованием большого вентилятора, который создавал искусственный ветер, при этом температура была ниже 20 градусов [1, с. 287]. Примечательно, что в дальнейшем Иосимура Хисато не понес наказания за свои преступления. В конечном итоге огромное количество жертв не помешало Иосимуре Хисато стать ректором Медицинского университета префектуры Киото.

Доктор Иваса Кэн рассказывал, что когда он только начинал работать в отряде 731, то поначалу чувствовал себя неуверенно, мог размышлять о происходящем, но после 2-3 раз вскрытия живых людей эти чувства прошли. На осознание вины повлияло письмо матери пострадавшего, в котором она просила наказания за убийство ее сына: «Я не мог сдержать слез, когда читал письмо, потому что мне было так жаль, что я так ужасно поступил. После этого я был готов понести самое суровое наказание» [6]. В 1956 году Иваса вернулся в Японию, стал терапевтом, раскаялся и начал публично осуждать действия отряда 731. Иваса Кэн является одним из немногих участников, кто заявил о своем сожалении в причастности к отряду 731.

В 2016 году Хидео Симидзу заявил о своей связи с отрядом 731. Он описывал кошмарные сцены, которые происходили с ним в Харбине. Из-за разглашения такой щепетильной для Японии информации Хидео Симидзу столкнулся с негативом от тех, кто хотел бы забыть прошлое или попросту отрицал его. «Посмотрите на эту статью за 2017 год», - сказал Симидзу, указывая на новостной сюжет, в котором японский политик обвинил его во лжи. — «Он назвал меня стариком, который выдумывает всякие истории!» [4].

И все же негодования со стороны не помешали мужчине продолжить делиться подробностями. Через 79 лет Хидео Симидзу вернулся в Китай, чтобы помолиться за погибших людей в ходе экспериментов, а также узнать о последствиях чумы, возникшей после войны из-за действий японской императорской армии в Харбине. Перед отъездом в Китай Симидзу заявил в интервью о своем возмущении тем, что некоторые политики в Японии были против этой поездки [4].

Созданные в 731-м отряде вакцины, сыворотки, методы лечения внесли большой вклад в науку Японии. Были изготовлены вакцины против чумы, тифа и паратифа, газовой гангрены, столбняка, холеры, дизентерии, скарлатины, коклюша, дифтерии, три вида вакцин против сыпного тифа; сыворотки для лечения газовой гангрены, столбняка, дифтерии, дизентерии, стрептококковых и стафилококковых заболеваний, рожистого воспаления, пневмонии и т.д. [3, с. 233]. Но получение такой полезной информации стоила жизни огромного количества людей. Данные о смертях в ходе экспериментов разнятся, минимальное количество смертей достигает примерно 3000.

Так, некоторые участники отряда 731 после войны добились большого успеха. Например, Найто Рёичи, как и Исии, получил иммунитет в обмен на предоставление информации об их открытиях и экспериментах. Позже он основал известную фармацевтическую компанию «Зеленый крест» в Японии. Найто стал известен своей благотвори-

тельностью, но его связь с отрядом 731 никогда не упоминалась публично. Компания имела большой успех, ее филиалы существовали даже за границей. Масаджи Китано возглавил токийское отделение организации. В самой компании работало около 30 бывших участников отряда 731 [5].

Исии Сиро должен был предстать перед судом, но ему удалось избежать его благодаря генералу Макарту: американец добился иммунитета для Исии и его подчиненных ради обмена ценными данными; все его злодеяния и неоспоримые доказательства вины были проигнорированы. Существуют разные слухи о деятельности Исии Сиро после войны, но самое главное, что Исии тоже не ответил перед законом за свои преступления и спокойно прожил до 67 лет.

Большинству участников отряда 731 удалось избежать наказания, столкнулись с ним только те, кто был пойман СССР. При значительном количестве смертей вызывает удивление факт коротких сроков заключения и продолжения ведения медицинской деятельности членов отряда: они преподавали в университетах, вели работу в клиниках и родильных домах. Мнение общественности и самих членов по поводу работы отряда 731 не менялось - они делали все ради императора и своей победы, лишь немногие испытывают чувство стыда. Такие люди как Хидео Симидзу и Иваса Кэн предпочитают публично оглашать свои преступления, чтобы показать на своем примере гражданам Японии, что такое насилие не дозволено в современном мире. Отсутствие осуждения японским обществом злодеяний отряда 731 позволило его участникам благополучно вписаться в послевоенный мир.

Литература и источники

1. Материалы судебного процесса по делу бывших военнoслужаших японской армии, обвиняемых в подготовке и применению бактериологического оружия. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 538 с.
2. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. 2: Чума бактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 696 с.
3. Сэйити Моримура. Кухня дьявола. М.: Прогресс, 1983. 545 с.
4. Decades later, Japanese veteran returns China to repent, apologize. URL: <https://english.news.cn/20240814/757e68a60a1242b7ac7f3f6b30bef4e3/c.html> (дата обращения 03.11. 2024).
5. Sheldon H. Harris. Japanese biomedical experimentation during the world-war-II era. URL: JAPANESE BIOMEDICAL EXPERIMENTATION DURING THE WORLD-WAR-II ERA : Sheldon H. Harris : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive(дата обращения 10.11.2024)
6. Vivisectionist recalls his day of reckoning. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2007/10/24/reference/special-presentations/vivisectionist-recalls-his-day-of-reckoning/> (дата обращения 03.11. 2024)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ
МЕНТАЛЬНОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА В КОНТЕКСТЕ
МАРКСИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

*On some features of the perception of the mentality of the proletariat in
the context of Marxist social philosophy*

Аннотация. В статье рассматривается формирование ментальности пролетариата под воздействием ключевых идей марксистской социальной философии. Указывается, что в рамках индустриальной цивилизации происходит девальвация социальных структур и институтов, органически сформировавшихся в процессе эволюции доиндустриальных архаичных социумов аграрного типа. Переход к механической (технической) организации общества приводит к кризису и частичному исчезновению иерархии базовых форм воспроизводства населения, таких как семья, род, племя, народность, нация, что влечет за собой перманентную депопуляцию соответствующих индустриальных сообществ, для трудящейся части представителей которых продолжение рода утрачивает всякий экономический смысл.

Ключевые слова: марксизм, пролетариат, *гештальт* рабочего, Юнгер, ментальность рабочего, работа как смысл жизни, капитализм, депопуляция, миграция.

Abstract. The article examines the formation of the mentality of the proletariat under the influence of the key ideas of Marxist social philosophy. It is pointed out that within the framework of industrial civilization, there is a devaluation of social structures and institutions that were organically formed during the evolution of pre-industrial archaic societies of the agrarian type. The transition to the mechanical (technical) organization of society leads to a crisis and the partial disappearance of the hierarchy of basic forms of reproduction of the population, such as family, clan, tribe, nationality, nation, which entails permanent depopulation of the corresponding industrial communities, for the working part of whose continuation of the family line loses all economic meaning.

Keywords: Marxism, proletariat, worker's gestalt, Junger, worker's mentality, work as the meaning of life, capitalism, depopulation, migration.

Начало двадцатого столетия в истории человечества было связано с величайшими надеждами, порожденными Великой Российской революцией 1917 года, которым не суждено было сбыться. В этом смысле начало нынешнего, двадцать первого столетия можно рассматривать как *работу над ошибками*, допущенными выдающимися мыслителями прошлого и позапрошлого веков, так что в перспективе уже вырисовывается понимание стратегической обреченности того пути, на который в эпоху Возрождения вступила Западная цивилизация.

В данной связи целесообразно обратиться к рассмотрению пони-

мания ментальности пролетариата в марксистской социальной философии, относительно которой в философской литературе можно столкнуться с диаметрально противоположными позициями – от отрицания самого факта существования соответствующей социальной общности путем низведения ее до уровня очередного идеологического мифа Раймоном Ароном [1] до попыток переосмысления ее роли в свете реалий современной глобальной постиндустриальной цивилизации [2, 3].

Впечатление о демоническом масштабе надежд мыслителей начала двадцатого века, связанных с поднимающимся во весь свой исполтинский рост пролетариатом, можно получить, например, из сочинения Эрнста Юнгера «Рабочий. Господство и гештальт» [4]. Он указывает, что «по сути своего бытия рабочий способен на совершенно иную свободу, нежели свобода бюргерская, и [...] притязания, которые он готов заявить, намного более обширны, более значительны, более *ужасающи* [курсив мой – Т.Ф.], чем притязания какого бы то ни было сословия» [4, с. 69]. Развивая далее представление о гештальтах, Юнгер замечает, что «с того мгновения, как переживание облекается в форму гештальтов, гештальтом становится всё. Поэтому гештальт — это не новая величина, которую следовало бы открыть в дополнение к уже известным, но с того момента, когда глаза раскрываются по-новому, мир является как арена действия гештальтов и их связей» [4, с. 87]. При этом делается вывод, что «в эпоху, в которую мы вступаем, очертания пространства, времени и человека сводятся к одному-единственному гештальту, а именно: к гештальту рабочего» [4, с. 86].

Научно-технический прогресс, впервые в истории наделивший человечество поистине демоническими силами, ассоциируется у Юнгера не с инженерами и изобретателями, а прежде всего с рабочими. «Все, что мы ощущаем в наше время как чудо и благодаря чему мы еще явимся в сагах отдаленнейших столетий как *поколение могущественных волшебников* [курсив мой – Т.Ф.], принадлежит этой субстанции, принадлежит гештальту рабочего» [4, с. 103].

Рассмотрим, однако, ситуацию с другой, непарадной стороны. Человеческий социум в течение долгих веков своей органической эволюции развертывался в некое целое подобно великой реке, которая начинается с ручейка, а потом вбирает в себя малые речки и большие притоки. В социуме все начинается с *семьи*, которая затем разрастается в *род*, символом которого становится деревня, где практически все – родственники. Затем родственные роды объединяются в *племена*, племена – в *народы*, которые затем вырастают в *нации*. Подобного рода органическое развитие, очевидно, соответствует ментальности

крестьянина как представителя доиндустриального общества, но никак не ментальности рабочего, естественной формой социальной организации которого становится *масса*, состоящая из лишенных существенных индивидуальных различий атомизированных индивидов, классический символ которой в раннюю индустриальную эпоху – идущая на завод серая безликая толпа. Последнее позволяет сделать вывод, что «масса и единичный человек суть одно» [4, с. 74].

Индустриальная цивилизация, еще одним элементом символического поля которой становится *мотор* [4, с. 90] – это цивилизация механизма, и рабочий – не более чем составная часть подобного механизма. Отсюда Юнгер делает вывод, что «высшее притязание, какое только способен выдвинуть рабочий, состоит не в том, чтобы быть опорой нового общества, а в том, чтобы стать опорой нового государства. [...] Тогда единичный человек, который по сути своей есть всего лишь служащий, превращается в воина, *масса превращается в войско* [курсив мой – Т.Ф.], а установление нового порядка повелений заменяет собой внесение поправок в общественный договор» [4, с. 79].

Чтобы понять, что в этом видении гештальта рабочего не так, на наш взгляд, следует обратиться непосредственно к первоисточнику, оказавшему определяющее воздействие на формирование пролетарской ментальности – к «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [5]. По мнению основоположников марксизма, капитализм в ходе своего исторического развития естественным образом *девальвирует* практически все социальные институты предшествующего доиндустриального (аграрного) общества. Например, частная собственность сосредотачивается в руках одной десятой части граждан и почти полностью отсутствует у всех остальных девяти десятых [5, с. 41], образование попросту трансформирует громадное большинство населения «в придаток машины» [5, с. 42], семья для неимущих классов превращается в институт эксплуатации детей своими родителями [5, с. 43], а для женщин всех классов – в форму официальной проституции, культивируемой в буржуазном обществе наряду с неофициальной [5, с. 44]. Соответственно, «рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» [5, с. 44]. Что же касается религии и освящаемых ею моральных ограничений, то они постепенно отомрут вместе с социальными условиями, их породившими [5, с. 45-46].

С другой стороны, «у пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [5, с. 37]. Таким образом, рабочие вовсе не должны *реставрировать* социальные ин-

ституты доиндустриального общества, перманентно девальвируемые в капиталистическом обществе массового потребления. Последнее означало бы для них возвращение в первоначальное состояние *крестьянства*, родоплеменной организации жизни, что с точки зрения диалектики заведомо невозможно, а с точки зрения просвещенческого прогрессизма марксистов реакционно. Напротив, усилиями пролетариев, которым нечего терять, эти институты должны быть окончательно *разрушены*, устранены за ненужностью.

При этом не учитывается одно простое обстоятельство, Рождение и воспитание детей – достаточно трудоемкий и сложный процесс, существенно отвлекающий человека от других видов социальной активности, прежде всего, от работы, активное участие в которой и делает его рабочим, придавая его жизни какой-то реальный смысл. И если данный процесс, в конце концов, будет окончательно лишен всякого экономического смысла в виде эксплуатации детей их родителями, зачем же тогда вообще рожать детей? Из чистой любви к искусству?

Современному представителю промышленно развитой цивилизации легко сложить «два плюс два». Именно поэтому в промышленно развитых странах как на Западе, так и на Востоке, включая находящуюся между ними Россию [6], сегодня наблюдается лютая депопуляция, частично компенсируемая только за счет миграции [6, с. 21-24] из регионов, где все еще преобладает органическая (родоплеменная) модель воспроизводства населения. Иначе говоря, породивший пролетария индустриальный мир вымирает сегодня по тому же сценарию, что и Древний Рим в прошлом.

Как показывает опыт экономического стимулирования рождаемости в России (и не только её), подобные меры не эффективны в плане кардинального изменения демографической ситуации, поскольку они не способны восстановить органическую структуру воспроизводства населения. «В эпоху рабочего, – указывал Юнгер, – не может быть ничего, что не было бы постигнуто как работа» [4, с. 128]. Соответственно и процесс воспроизводства в условиях промышленно развитой цивилизации уже не может осуществляться органически, а только *механически*.

Подобно тому, как в 1874 году в России была введена всеобщая воинская повинность, ныне именуемая воинской обязанностью, нечто подобное должно произойти и в сфере воспроизводства населения, при этом государству придется взять на себя все тяготы, связанные с последующим содержанием и воспитанием подрастающего поколения.

Очевидно, что в условиях доминирования на планете капитализма

подобное заведомо невозможно, в связи с чем при сохранении данного строя человечество ожидает эпоха глобальной неустойчивости, поскольку замещение вымирающего коренного населения мигрантами приобретёт системный характер, когда пролетаризировавшиеся предшествующие поколения мигрантов будут permanently замещаться последующими поколениями, прибывающими из доиндустриальных регионов планеты с традиционным (органическим) воспроизводством населения.

Литература и источники

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов. – М.: АСТ, 2015. – 480 с.
2. Секацкий А. Миссия пролетариата: Очерки. – СПб.: Лимбус Пресс, 2016. – 496 с.
3. Филатов Т.В. К экономике жертвы: новая миссия пролетариата // Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам. Материалы всероссийской конференции с иностранным участием. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 160-169.
4. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. - 539 с. (Сер. «Слово О сущем»).
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1974. – 63 с.
6. Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Депопуляция в России: итоги за 1992-2022 гг., компоненты, компенсация миграцией на региональном уровне // Социально-трудовые исследования, 2023, № 2(51). С. 16-26.

№Е. В. Кучумова
E.V. Kuchumova

ИДЕОЛОГИЯ КАК «ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

Ideology as an “attitude to reality”

Аннотация. Статья предлагает для рассмотрения широко и длительно обсуждаемый как в литературе, так и в истории мысли в целом вопрос об идеологии. В качестве примеров предложены наиболее авторитетные историко-философские концепции и теории идеологии, включая марксизм и постмарксизм.

Ключевые слова: идеология, система ценностей, действительность, марксизм, А. Дестют де Траси, К. Маркс, К. Маннгейм, Л. Альтюссер, К. Гирц.

Abstract. The article proposes for consideration the question of ideology, which

has been widely and long discussed both in literature and in the history of thought in general. The most authoritative historical and philosophical concepts and theories of ideology, including Marxism and post-Marxism, are offered as examples

Keywords: *ideology, value system, reality, Marxism, A. Destutt de Tracy, K. Marx, K. Mannheim, L. Althusser, K. Geertz.*

В нашей медиасфере все чаще стало звучать слово «идеология». Устоявшееся понимание идеологии как системы идей и воззрений, которые выражают отношение людей к окружающей действительности, цели и интересы акторов власти и политики различных исторических эпох, не отменяет переосмысления роли и значения идеологии в культуре, общественной жизни. Приобретает актуальность вопрос: как идеология относится к действительности?

«Идеология» как понятие стало применимо в философии и вошло в научный оборот благодаря сочинению «Начала идеологии» А. Дестюта де Траси. Будучи приверженцем школы «идеологов», оставившей заметный след в европейской философии Нового времени, он ввел этот термин для определения науки о законах происхождения и формирования идей из чувственного опыта. Этот французский философ и общественный деятель стремился придать политике, морали, экономике гносеологическое обоснование. Выстраиваемая мыслителем система предлагала позитивное отношение к идеологии.

Идеология рассматривалась де Траси как «последовательное, взаимосвязанное изложение заключенных в ней истин, при котором легко видеть их соотношение друг с другом» [1, С. 42]. Такое понимание его учения об идеях позволило утвердить мнение о положительном отношении к идеологии, на принципы которой и должны опираться все важнейшие сферы общественной жизни: политика, этика и т.д.

Нельзя не учитывать и внесенного в теорию идеологии вклада философии марксизма, где выработался и утвердился иной взгляд (отрицательный) в отношении идеологии. У Карла Маркса термин «идеология» соотносится с понятием «иллюзия». Идеология есть иллюзорное представление о действительности, проявленное в ней. Анализируя тексты Маркса, можно обнаружить, что «иллюзия» как термин имеет «контрагентом слово «реальность» или «действительность», причем в постоянном и определенном отношении – реальность, порождающая иллюзию о себе самой» [2, С. 62]. Итак, по Марксу, идеология – это такая форма сознания, где действительность искажается.

Традиция, отождествляющая идеологию с искаженным, «ложным» сознанием, где в замаскированном виде доминируют или главенствуют интересы господствующего класса, была продолжена философом и социологом К. Маннгеймом. В своем труде «Идеология и

утопия» он предложил рассматривать и объяснять идеологию наряду с понятием «утопия». Критически оценивая воззрения Маркса, Маннгейм (в отличие от него) настаивал на определении идеологии в контексте «социологии знания», подчеркивая необходимость идеологии в обществе. Основное содержание идеологии – формирование мировоззрения человека и его представлений о действительности и «состоит из совокупности знаний, норм, ценностей и традиций, направляющие вектор развития внутри сообщества для обеспечения социального контроля и порядка в нем» [3, С. 69].

Отметим, что Маннгейм принимал марксистскую концепцию идеологии, универсализируя ее и направляя против самого марксизма. Маркс не считал свою концепцию идеологией. По мнению Маннгейма, представленная Марксом теория является идеологией. Он считал, что дело не только в том, что идеологии искажают социальную реальность или даже непримиримы с ней, тенденциозны и нагружены смыслами, выражающими партикулярные, частные, классовые или сословные интересы. Это изначально «трансцендентные идеи», уводящие от действительности в мир грез и парализующие реальную деятельность человека. Даже когда в них формулируются вполне благонамеренные мотивы субъективной деятельности человека, их реализация всегда приобретает извращенный характер.

К началу XX в. термин «идеология» освобождается от отрицательных коннотаций и приобретает нейтральное значение. Так он рассматривается и в марксистской литературе рубежа XIX–XX вв. (Плеханов, Ленин) и всего прошлого столетия. Но это не распространяется на содержание, которое вкладывается в это понятие. Идеология – это система идей, имеющих ценностное значение у той или другой группы общества и далеких от действительности как таковой. Существует множество идеологий, и ни одна из них не адекватна действительности с ее многообразием и зачастую несовместимостью интересов и ценностей. Не может быть всеобщей идеологии, даже если какая-нибудь и претендует на всеобщность. В марксистской литературе в связи с необходимостью оправдания ее теории возникает проблема партийности и объективности: объективное значение имеют идеи прогрессивного класса, поскольку именно он заинтересован в полноте знаний о действительности. Обозначенная Маннгеймом тема кризиса идеологии как кризиса общества и культуры в XX в. стала ведущей в европейской мысли.

Влияние позитивистской установки на строгое знание и требование освобождения знания от ценностей еще более укрепило точку зрения отказа от идеологии, но привело к доминированию идеи де-

идеологизации культуры и общества (Д. Белл, Р. Арон), к отказу от идеологии: ни одна из идеологий не может быть программой позитивного развития общества. В современной литературе эта установка все больше подвергается сомнению.

Теория идеологии французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера, базирующаяся на понятиях субъективации и интерполяции (отклика), убеждала в том, что идеология будет существовать всегда. С помощью идеологии человек бессознательно формируется в действительности (мире) как «спонтанный». Спонтанность выступает идеологической иллюзией, необходимой для оформления социального порядка – субъекта социальных практик, которые соответствуют запросам господствующих классов. По Альтюссеру, именно идеология способствует пониманию человеком осмысленности своих действий в мире, обретению чувства идентичности, мотивации к деятельности, в результате чего человек формируется как субъект. «Понятие субъекта есть понятие идеологическое» [4, С. 120]. Рассматриваемая в качестве способа взаимодействия людей в обществе (их взаимоотношений), идеология есть часть исторической действительности, а значит, культуры.

Отметим внимание мыслителей к рассмотрению идеологии как ключевой проблемы культуры. Американский антрополог и социолог К. Гирц предложил трактовку данного феномена как культурной (символической) системы. В его понимании идеология – «один из конститутивных моментов политической культуры общества» [5, С. 116]. По мнению Гирца, идеология принадлежит тому пространству культуры, где сосредоточен и доминирует интерес в упрочнении и защите убеждений и ценностей, а в условиях общественной нестабильности необходимость в ней возрастает. «И образность языка идеологий, и горячность, с какой, однажды принятые, они берутся под защиту, вызваны тем, что идеология пытается придать смысл непостижимым без нее социальным ситуациям, выстроить их так, чтобы внутри них стало возможно целесообразное действие» [6, С. 24]. Отметим, что вопрос идеологии концептуально стал рассматриваться применительно к культуре, подчеркивая важность ее для человека и общества.

Итак, марксистская и последующие интерпретации идеологии как «искаженного отражения действительности» и выражающей те или иные позиции классов и интересы властных социальных групп, укрепили постулат отрицания смысла идеологии в действительном бытии социума. Утвердившиеся взгляды выявили проблему деидеологизации культуры. На протяжении всего прошлого века споры на тему идеологии не утихали. Часто используемое понятие идеологии и

многообразие концепций – свидетельство того, что данный феномен до сих пор представляется важным в аналитике социально-гуманитарного знания. А вопрос об идеологии по-прежнему остается дискуссионным.

Литература и источники

1. Кротов А.А. «Идеология» как система: Дестют де Траси // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2020. № 3.
2. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. – 1998. № 3.
3. Мишенков Я.А. Трактровка идеологии и утопии в политической философии К. Маннгейма // Гуманитарный акцент. – 2023. № 1.
4. Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005.
5. Демин И.В. Культурная антропология Клиффорда Гирца в контексте современной теории идеологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. № 63.
6. Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. – 1998. № 29.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ В ИДЕОЛОГИИ И МЕНТАЛИТЕТЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Conservative value system in the ideology and mentality of the Soviet people

Аннотация. В статье предлагается обратить внимание на ментальные и идеологические установки, которые лежали в основе формирования русского, российского и советского менталитета. Автор полагает, что при имеющихся принципиальных различиях в ценностных установках поколений, существовал и объединяющий компонент. В качестве такого автор усматривает особое отношение в душе, которое проявлялось в специфических формах поведенческого выбора.

Ключевые слова: ментальность, идеология, поколения, душа, советское общество.

Abstract. The article proposes to pay attention to the mental and ideological attitudes that underlay the formation of the Russian and Soviet mentality. The author believes that despite the existing fundamental differences in the value attitudes of generations, there was also a unifying component. The author sees as such a special attitude in the soul, which manifested itself in specific forms of behavioral choice.

Keywords: mentality, ideology, generations, soul, soviet society.

*Ведь совсем неважно, От чего помрешь,
Ведь куда важнее,
Для чего родился.
Александр Башлачев*

Традиционные российские духовно-нравственные ценности, сохранение и укрепление которых государство официально взяло на себя с 9 ноября 2022 г. [6], становятся сегодня, по сути, предметом правового регулирования, что не только не снимает проблемы их смысловой интерпретации, но даже несколько усугубляет ее. Если аксиологическую суть общественных отношений можно выразить единством противоположностей «хорошо – плохо» и «нравиться – не нравиться», то деятельностный концепт социально-бытовой и, по-видимому, политической активности можно выразить поиском ответа на вопрос «зачем?». С нашей точки зрения это и может считаться смысловым содержанием традиционных элементов российского менталитета. Мы рассматриваем ментальность как исторически сложившееся психическое основание реактивного поведения индивида (группы),

мотивационную основу отношения к окружающей действительности, которая находит свое воплощение в поведении [4, с.1036].

Рискнем утверждать, что базовые внутренние принципы поведенческой стратегии русского (советского) человека в их ментальном и идеологическом выражении оставались исторически неизменными, несмотря на внешние противоречия, а нередко и жесткое противостояние. Трагические страницы идеологического противостояния, к сожалению, не редко определявшие переход от одного исторического этапа к другому, многим мешают сегодня обратить беспристрастный взгляд на не менее реально существовавшие императивы поведения, одинаково присущие и язычнику, и православному, и советскому человеку. Сопротивление принятию христианства в X-XII вв., церковный раскол в середине XVII в., антирелигиозная политика советской власти – главнейшие, на наш взгляд, события, искусно и искусственно разделяющие ментальную историю российского общества именно по причине их трагичности, а значит исключительно личностно-субъективного (конфессионального, партийного и пр.) восприятия. Более того, специалисты назовут еще с добрый десяток (если не с сотню) событий, фамилий, реформ, которые еще более утвердят скептика во мнении о невозможности идеологического консенсуса в рамках истории российской цивилизации и будут, по нашему мнению, в корне не правы. Именно в корне, который, как известно, скрыт от взора неприхотливого знатока.

Наша история, по большей части, и в особенности – древняя, это история государства и государственных деятелей, которые в этом качестве, в известном смысле, отдаляются от народа и перестают его социально-культурно репрезентовать. Политическая жизнь (борьба за власть) и жизнь простого народа – не есть постоянно одно и то же. Достаточно усмотреть в идеологических противостояниях проявления борьбы за влияние, свойственное, по сути, высшим эшелонам общества, как станет очевидно, что народная идеология в значительно меньшей степени подвергалась политической коррозии. Суть мотивации поведения простого русского (советского) человека в его возвышенном преломлении традиционно выражена поиском смысла жизни. Не более и не менее, как и ответ на тот же вопрос – «зачем?».

Понятно, что рассуждать об истории без упоминания об исторических источниках бессмысленно. В этом отношении говорить о древнерусском язычестве можно лишь с известной долей скептицизма, поскольку письменных источников, достаточно полно отражающих языческое мировоззрение крайне мало, а их современная интерпретация далека от уязвимости критиков. Православная этика и советская

система идей и символов представлена не в пример более широко и разнообразно. Но не в этом суть!

Главная мысль данного текста: идеологические (реально существовавшие и отраженные в текстах источников) противоречия нужно мысленно «снять» для того, чтобы усмотреть ту духовную основу, которая этим противоречиям не позволила развиться в цивилизационный кризис, переходящий в самоуничтожение народа и государства! Само существование России доказывает историческую реальность сверх идеологического компонента, объединявшего народы в нашем государстве единством ответа на главный вопрос – «зачем?»

Действительно, народ, исторически осваивавший весьма нелегкую для обеспечения жизни обширную российскую территорию, выработал свой (нередко отличный от представителей «элиты») взгляд на способ выживания и сопротивления внешней среде, будь то климат или нашествие супостата. В условиях этого, исторически обусловленного, социально-политического аскетизма родились также образы будущего, которые и легли в основу исторической поведенческой мотивации русского (советского) человека, наиболее ярко проявившиеся в годы Великой Отечественной войны. Аскетизм (диктуемый природными условиями) приводил к пониманию ценности коллективного действия, которое одно могло обеспечить выживание. Отсюда – жертвенность («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (От Иоанна 15:13)»), сочувствие и сопереживание, отсюда – понимание того, что «Не в силе Бог, а в Правде», поскольку социально ориентированный человек – явление в большей степени духовное, нежели физическое, имеющее душу.

Именно категория «души» является, на наш взгляд, одним из священных компонентов русско-славянской-православно-советской ментальности. Да простят автора за подобные языковые эксперименты. Даже в самое «кондовое» советское время понятие «души» не исчезало из народного лексикона, хотя «наверху» официально и не признавалось [1, с.36]. Душа, как бессмертная сущность человека, определяла категорию справедливости в смысле соразмерного воздаяния за земные дела. Что же считать справедливым? Например, советский философ А.А. Зиновьев (сам себя называвший верующим атеистом) говорил, что никакой справедливости нет, есть лишь ее сознание [2, с.23] и, как нам кажется, был намного ближе к истине, чем полчища современных политологов, социологов и других интерпретаторов действительности. Ведь что справедливо, а что нет у русского человека «решала» именно душа. Сколько русских пословиц, поговорок и выражений, включающих это слово! «Душевно посидели», «жили

душа в душу», «душевная песня», «радостно на душе», «душа не лежит», «душа на распашку», «Вовка – добрая душа» Агнии Барто!

Именно категория «души» стала краеугольным камнем в становлении советской педагогической парадигмы, которая, столкнувшись с невозможностью воспитать настоящего патриота вне эмоционального восприятия действительности («человек – машина»), вынуждено вернулась к наследию основателя отечественной педагогики – К.Д. Ушинского. Ушинский, не отрицая схожести человеческого организма с машиной, считал, что определяющим элементом в организации человеческой жизни является душа: «...отдавая телу вполне все, что ему принадлежит, мы тем свободнее можем отдать душе, что не может быть выведено ни из каких законов материи, а именно – сознание, чувство и волю» [7, с.138]. Пройдя через тернии философских исканий, советская педагогика «реабилитировала» Ушинского и в рамках материалистического официоза неизбежно столкнулась с проблемой объяснения присутствия в работах Ушинского категории «душа». Сделано это было довольно неуклюже, но сам факт заслуживает особого внимания. Так М.И. Калинин, «всесоюзный староста», на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической Академии РККА 19 сентября 1940 г. подчеркнул: «Выдающийся русский педагог Ушинский говорил, что одно дело – нести знания, а другое дело – воспитывать... Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще чистую душу. Под “душой” Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность, или то, что еще называют совестью» [3, с.383]. Думается, именно К.Д. Ушинский был ближе всего к интерпретации искомого менталитета нашего «традиционного» русского человека. Его педагогическое искусство в конце 1930-х гг. легло в основу советской педагогики и вот уже в работах В.А. Сухомлинского слово «душа» упоминается в позитивной коннотации сотни раз! Сухомлинскому же принадлежит определение человека, характеризующее традиционную российскую (советскую) духовно-нравственную основу воспитания: «Вера в святыни, вера в идеалы – это один из самых тонких и глубоких корней духовной стойкости, мужества, непоколебимости, полноты жизни, подлинного счастья. Настоящий человек начинается там, где есть святость души» [5, 41].

Итог. Категория «души» не поддается вербальной интерпретации и пониманию (даже на уровне величайших богословов) и в этом ее «загадочность» и одновременно залог неустраимости ее из русско-православно-советского ментально-идеологического преемства. Вера в ее бессмертие составляет нашу традиционную мораль, которая, в

свою очередь, определяет отношение народа к власти и ее деяниям – «по справедливости» или нет, и делает наш народ до уязвимости наивным перед лицом внешних и внутренних угроз. Отсюда вера в сильное государство и особое отношение к власти, которые одни, при условии следования традиционной идеологии, способны предотвратить наступление неблагоприятных для народа последствий. Думается, что настало время сконцентрировать внимание не на том, что нас разъединяет (этого немало и не без успеха было уже сделано), а на фундаментальных элементах идейного единства, выраженных в разное время в религиозных и, как это не покажется парадоксальным, в атеистических формах общественно-политического дискурса. Загадка восхождения души в лоно созидающей непознаваемой действительности никогда не оставляла русского (советского) человека, вела за собой сквозь тернии земного бытия, придавала своеобразие его истории, открывала будущее. Только такое духовное единство может стать залогом народно-политического консенсуса.

Литература и источники

1. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
2. Зиновьев А.А. Сталин – нашей юности полет: Социологическая повесть. М.: Эксмо, 2002. 254 с.
3. Калинин М.И. Калинин М.И. Избранные произведения: в 4 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1962. 493 с.
4. Сомов В.А. Волкова Е.С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // Новейшая история России. 2022. Т.12. №4. С. 1035-1048.
5. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О.В. Сухомлинская. М.: Педагогика 1989. 286 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Электронный ресурс: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 14.07.2023)
7. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения в 6 т. Т.5. М.: Педагогика, 1990. 526 с.

ЛАТЫШСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ БАЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Latvian Cultural Heritage as a Conceptual Basis of National Identity

Аннотация. В статье рассмотрены истоки и процесс утверждения латышской национальной идентичности с середины XIX в. до первой четверти XX вв. Отмечается важная роль Кришьяниса Баронса в развитии латышского культурного и исторического наследия. Результатом его труда стало шеститомное издание в восьми книгах сборника 218-ти тысяч латышских дайн.

Ключевые слова: Латвия, даины, диевтуриба, национальная идентичность

Abstract. The article considers the origins and the process of formation of Latvian national identity from the mid-19th century to the first quarter of the 20th century. The important role of Krišjānis Barons in the development of Latvian cultural and historical heritage is noted. The result of his work was a six-volume publication in eight books of a collection of 218 thousand Latvian dainas.

Keywords: Latvia, dainas, Dievturība, national identity

В результате победы в Северной войне 1700-1721 гг. Россия установила господство над Балтийским морем. Последовавшие за этим государственные реформы окончательно оформили административное устройство Прибалтийского (Остзейского) края Российской империи, в состав которого вошли Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии, а Латгалия вошла в состав Витебской губернии. На этих землях восточного побережья Балтийского моря испокон веков проживали древние балтийские этносы (курши, латгалы, селы и земгалы) и один балто-финский этнос (ливы), получившие в XVI-XVII вв. общее название «латыши».

Несмотря на присоединение региона к Российской империи, прибалтийские или остзейские немцы сохранили исторически сложившуюся политическую власть на местах благодаря влиянию немецких купцов и их гильдий в городах, а в сельской местности – немецких землевладельцев. Многие балтийские немцы поступили на российскую государственную и военную службу, где они добились больших успехов. Прибалтийские немцы, чей язык и культура были немецкими, именовали себя балтами (Balten), при этом они пренебрежительно причисляли местных крестьян к ненемецким народам (Undeutsch), а их язык – к «крестьянскому» (Bauernsprachen). В середине XIX века

«онемечивание» повседневной жизни приводило к тому, что латыши, стремившиеся сделать карьеру, переходили с латышского на немецкий язык и принимали немецкий образ жизни.

В свою очередь центральная власть Российской империи предприняла попытку нейтрализовать влияние немцев путем введения русского языка во всех латышских школах и в государственных учреждениях. Началась предпринятая генерал-губернатором М.Н. Муравьевым государственная политика русификации общественной и административной жизни. Так, в Латгалии, входившей в состав Витебской губернии, «до 1904 г., например, латышам-латгальцам, исповедующим католическую религию, было запрещено печатание на родном языке не только светских книг, но даже молитвенников. Культурно-просветительные нужды края совершенно игнорировались: в местных школах не допускалось не только преподавание родного языка, хотя бы как предмета, но и учителя-латыши, местные уроженцы, как католики» [1]. При этом русское население Латгалии, состоявшее из старообрядцев, находившихся в оппозиции к официальной Русской православной церкви, идентифицировало себя с русским языком, но культурные и образовательные потребности региона полностью игнорировались центральной властью. Более того, в начале XX века стали более заметными языковые разногласия между немецкой и русской элитой и коренным населением – латышами, латгальцами и другими этническими меньшинствами. Элита говорила на немецком, русский язык использовался в официальных документах, а местное население в повседневной жизни использовало латышский, латгальский и другие языки меньшинств, в том числе эстонский, литовский, польский, цыганский и идиш.

Таким образом, предпринятая политика онемечивания и русификации дала непреднамеренный импульс возрождению национального самосознания в Латвии и усилила национальные устремления среди латышей. Действительно, единственной гарантией выживания в Российской империи латышей, как нации, явилось утверждение национальной идентичности.

Первые признаки подъема национального латышского самосознания и национального пробуждения отмечались уже в середине XIX века. Использование латышского языка больше не считалось признаком неграмотности или бескультурья, а напротив, среди латышей культивировалась гордость за свой язык. В поисках национальной идентичности интеллигенция обращалась к латышской народной культуре, особенно к дайнам (*daina*) – народной поэзии эпохи позднего Средневековья.

Огромную роль в восстановлении латышского культурного и исторического наследия сыграл Кришьянис Баронс (1835-1923), который посвятил свою жизнь сбору и систематизации текстов народных песен. Результатом его труда стало шеститомное издание в восьми книгах сборника 218-ти тысяч латышских дайн («Latvju dainas»), увидевшее свет в период с 1894 по 1915 гг. Деятельность Баронса положила начало национальному пробуждению латышской идентичности, что изменило коллективное сознание носителей латышского языка в балтийских провинциях. Баронс также известен тем, что выпускал в Санкт-Петербурге газету «Pēterburgas Avīzes» (1862-1965), которая была одним из немногих периодических изданий на латышском языке, бросавшем вызов культурной и политической гегемонии балтийских немцев.

Обычно дайна – это четырехстрочное рифмованное стихотворение, которое либо поется, либо декламируется. Дайны посвящены описанию жизни человека, обожествлению природы, отношению к религии, к праздникам:

«Все это были травы Яна [Иванова дня] [летнего солнцестояния],
Которые собирают в канун Иванова дня [летнего солнцестояния];
Все они были детьми святого Яна и
Пели песнь святому Яну» [2].

Дайны, как элемент латышского фольклора, послужили основой национальной самоидентификации, частью которой стало движение «Диевтуриба» (Dievturība). В отличие от авраамических религий, это неязыческое движение «почитателей Диевса» – латышского Бога, «уникальное этнокультурное достояние латышей, содержащее большой пласт архаических индоевропейских мифопоэтических представлений» [3, С. 12].

В этой связи интересно привести в качестве примера образ дерева в латышской мифологии. С точки зрения латышской мифологии дерево растет как над землей, так и под ней, и выступает в роли связующего звена между двумя царствами. Об этом свидетельствует и дайна:

Розы цветут в реке,
Пастернак обрывает цветы.
Тянусь к цветам,
Падает венок из желудей;
После того, как венок упал в реку [...]
Река бросила венок в гору.
Там выросла липа
С девятью ветвями.

Прилетела птичка,
Чтобы вырезать дудочку из ветки липы.
Мальчик сказал:
Красив звук дудочки из липы!
А мать плачет:
Это не просто липа,
Это душа моей сестры,
Это она пришла за водой [4].

Смысл этой даины в том, что липа растет на месте упокоения человеческих останков, а звук вырезанной из ветки этого дерева дудочки напоминает скорбящим об умершем. Традиционно в латышском фольклоре деревья указывают пол человека (мужской род: дуб, береза, ясень, ива, осина; женский род: липа, сосна, ель, черемуха, яблоня). После рождения ребенка во дворе сажают соответствующее дерево, которое становится его ровесником и постепенно осуществляется персонифицированная связь с предком, покоящимся под ним. Таковы особенности латышского менталитета, уходящего корнями в древность, к культу поклонения предкам.

В ходе Первой мировой войны латышский патриотизм проявился с новой силой, когда были немецкие войска оккупировали территорию нынешней Латвии. Это было умело использовано русскими властями при создании в русской армии латышских батальонов в 1915 г. [5, С. 7]. Широкую популярность получили даины, посвященные войне и защите отечества от внешних врагов, разлуке с близкими и родиной, борьбе с врагом. К примеру:

«О, белые люди, белые люди,
Возьмите меч в руки,
Идите к прусской границе,
Защитите землю своих отцов!» [6].

Действительно, единственной гарантией выживания латышской нации в 1920-е годы стало возрождение культурного наследия древнего балтийского народа, что отразилось и в лозунге правительства К. Ульманиса «Латвия для латышей». Латышские национальные элиты всячески поддерживали утверждение самобытной культуры своего народа в противовес пролетарскому интернационализму, провозглашенному другой частью латышской интеллектуальной элиты, мечтавшей об интернационализме и порицавшей понятия «национальность», «родина». В этой связи глава французской военной миссии в Риге отмечал, что «латыши – большие националисты, они выражают явную

неприязнь к национальным меньшинствам» [7]. «Латыши доводят национализм до фанатизма», отсюда их многочисленные конфликты с русскими, с одной стороны, и ненависть к немцам – с другой. «Губернатор Либавы сказал, что его рука невольно тянется к револьверу, как только он видит немца» [8]. Однако, опасения, что латышские стрелки, принимавшие участие в гражданской войне в Советской России, вернуться в Латвию с коммунистическими идеями, оказались напрасны: «Как только националистические устремления латышей реализуются, большевизм не будет представлять никакой опасности» [9].

Таким образом, столкнувшись с угрозой этнической, языковой и культурной дезинтеграции, латышские национальные элиты нашли выход в возрождении культурных традиций, основанных на эксклюзивной латышской этничности и первобытной «этнической» религии, которые оказались сильнее интернационализма.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 4. Л. 5.
2. Dainuskapis Latviešu Folkloras krātuvē. URL: <https://dainuskapis.lv/daina/32650-0-Janu-bernus-laipni-sanem-un-aicina-istaba> (дата обращения: 11.11.2024).
3. Рыжакова С.И. Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма // Исследования по прикладной и неоложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999, - №121. С.3-35.
4. Dainuskapis. URL: <https://dainuskapis.lv/meklet/J%C5%ABra-vi%C5%86u%20peranesa> (дата обращения: 11.11.2024).
5. Seskis J. Maximalisme et tirailleurs lettons: étude sociale et politique. Петроград: Изд. Временного Латвийского национального Совета, 1918. 35 с.
6. Dainu skapja veidotāji. URL: <https://dainuskapis.lv/katalogs/5.-Starptautiskais-stavoklis-tevzemes-un-valsts-apsargasana-un-aizstavesana-pret-arejiem-ienaidniekiem-Kars-un-kara-virs-skirsanas-no-savejiem-no-dzimtenes-kara-aizejot> (дата обращения: 11.11.2024).
7. Историческая служба Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense - SHD): SHD/TERRE, Фонд Генерального штаба, военные атташе (1920-1940), 7 N 2779, папка 3.
8. SHD/TERRE, Фонд Генерального штаба. Военные атташе (1872-1919), 7 N 833.
9. SHD/TERRE, Фонд Клемансо, 6 N 125.

«ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ»: БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

“To everything there is a season”: Biblical motifs in the popular music of the second half of the 20th century

Аннотация. Начиная с 60-х, одной из важных характеристик популярной музыки конца XX века стало вплетение библейских мотивов в новом жанре фолк-рок. Авторы-исполнители обратились к таким источникам, чтобы выразить свое отношение к современным общественным и личностным реалиям, отражая сложное взаимодействие духовной и светской культуры, обогащая музыкальный ландшафт и влияя на мировое сознание, в том числе и в Советском Союзе.

Ключевые слова: Библейские мотивы, популярная музыка, рок-н-ролл, фолк-рок, духовные темы, музыка 20 века, музыка XX века, культурное влияние, межконфессиональное влияние, светское и священное, анализ песни, музыка и духовность, Боб Дилан, The Byrds, Леонард Коэн, Булат Окуджава, Борис Гребенщиков, Майк Науменко.

Abstract. Starting in the 1960s, the popular music of the late 20th century included an interweaving of biblical motifs in the new folk-rock genre. Singer-songwriters turned to such sources to express their attitudes toward contemporary social and personal realities, reflecting complex interactions between spiritual and secular culture, enriching the musical landscape and influencing world consciousness, including in the Soviet Union.

Keywords: Biblical motifs, popular music, rock 'n' roll, folk rock, spiritual themes, 20th century music, cultural influence, interfaith influence, secular and sacred, song analysis, music and spirituality, Bob Dylan, The Byrds, Leonard Cohen, Bulat Okudzhava, Boris Grebenshchikov, Mike Naumenko.

Популярная музыка подразумевает отличие как от классической, так и от церковной музыки, но способна включить в себя часть их характеристик как носитель традиции и духовности. При этом популярная музыка остается неакадемическим, светским явлением, хотя между ней и классической и церковной культурой происходит взаимодействие. Подобная динамика прослеживается в том числе и во второй половине XX века в популярном музыкальном жанре фолк-рок и его оперировании библейскими мотивами.

В популярной музыке того времени одним из заметных явлений стало появление рок-н-ролла в 50-х годах и фолк-рока в 60-х годах. Первый из этих жанров, впитавший в себя ряд стилей, которые развивались в Соединенных Штатах Америки в течение первой половины века, таких, как блюз, джаз и кантри, изначально был связан с танца-

ми, но предоставил важный выход для глубоких чувств и стремлений населения. Вскоре родились новые параллельные формы, отчасти за счет естественной культурной эволюции, но и как выражение социальной диалектики. Одним из факторов служила попытка протеста против погрешностей капиталистического мира. Исполнители традиционной и авторской фолк-музыки, солидарные с американским правозащитным движением и представляющие культурную элиту, взаимодействовали с новыми поколениями. От этого взаимодействия возник фолк-рок, основанный на синтезе жанров и вмещающий широкий диапазон лирического содержания, в том числе духовного.

Духовные темы присутствовали и раньше в мире рок-н-ролла, но обычно в особо отведенной роли — например, в альбомах в стиле госпел Литл Ричарда, Элвиса Пресли и Джонни Кэша. В фолк-роке духовный элемент имел менее четкие границы, но он привлекал внимание и влиял на общественное сознание не только в США, но и во всем мире, включая Советский Союз. Развитие фолк-рока началось в странах, имевших библейские культурные корни и в которых творческое выражение духовных тем часто опиралось на библейские мотивы. Следы восточных религий и философии также присутствовали, наряду со всяким мистицизмом, как приметы синкретических поисков момента, но для многих авторов знакомые духовные ориентиры остались частично библейскими.

Эти духовные течения бывали не одинаково удачными, но открылись новые эстетические территории, способствуя интересу ко древним Писаниям и желанию воплотить соответствующее мировоззрение. Изучение основополагающих произведений поможет оценить суть этого музыкального явления.

Одним из ярких моментов, доказавших значимость Библии для популярной музыки фолк-рока, стало появление песни группы The Byrds «Turn! Turn! Turn!» («Обратитесь! Обратитесь! Обратитесь!») [1]. Песня, ставшая международным хитом, была написана межконфессиональным деятелем фолк-протеста Питом Сигером [2], который положил на музыку стихи из третьей главы ветхозаветной книги Экклезиаста, начиная со знаменитой фразы «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Творческому замыслу самого Сигера принадлежат повторение «Обратитесь! Обратитесь! Обратитесь!» и заявление «клянусь, что еще не поздно» после заключительной библейской фразы «время миру». В рок-н-рольной версии The Byrds в частности впечатляет «время уклоняться от объятий» — новаторская идея для массовой среды, склонной к постоянному перевозбуждению. Сочетание передовых и консервативных ходов в песне воспринима-

лось как свежее и смелое, предполагающее, что все в свое время может соединиться общей нитью истины. Как пишет один музыкальный комментатор, отмечавший песню за год до ее шестидесятилетия [3], «Трудно представить себе сегодня группу, которая бы устроила карьеру на основе хит-песни, которая буквально является просто библейским стихом, положенным на музыку. Казалось бы, каким бы безобидным ни был библейский стих, это должно быть высокополитическим актом. Но The Byrds вывели писания из Книги Экклезиаста на вершину хит-парадов в 1965 году, и все это было круто. 60-е действительно были другим временем, да? Или, может быть, они не были такими уж и другими во многих отношениях, но люди просто пускали пену изо рта о немного других вещах. На том же альбоме The Byrds также сделали кавер «Oh! Susannah», наряду с обязательными каверами Дилана. В этой игре все было справедливо, все было одинаково оправдано. Мир не был таким уж открытым, но рок-музыканты были».

Вышеупомянутый Боб Дилан является еще одним крупным инициатором нового внедрения библейского мышления в популярную музыку. Его обращение с библейскими источниками отличается многообразием, при котором иногда он прибегает к архаичному языку, характерному как для классических английских переводов Библии, так и для традиционных баллад из схожей среды. В таких песнях, как «Blowin' in the Wind» («В дуновении ветра») и «A Hard Rain's A-Gonna Fall» («Суровый ливень грядет») [4], вдохновленный Библией литературный язык Дилана служит для передачи богатства мысли, ранее отсутствовавшей в популярной музыке. «Highway 61 Revisited» («Возвращение на шоссе 61») Дилана [5], открывающаяся непосредственным изложением библейского сюжета, показывает не менее богатые возможности вольной, сатирической отсылки к тем же библейским источникам:

Бог сказал Аврааму: «Убей для меня сына».

Эйб сказал: «Чувак, ты, наверное, меня разыгрываешь».

Бог сказал: «Нет», Эйб сказал: «Что?»

Бог сказал: «Ты можешь делать то, что захочешь, Эйб,

Но в следующий раз, когда увидишь, что я иду, тебе лучше бежать».

Что ж, Эйб сказал: «Где ты хочешь, чтобы совершилось это убийство?»

Бог ответил: «На шоссе 61».

Радикальное переосмысление раскрывает старый сюжет по-новому, напоминая подход Кьеркегора к той же истории в его «Страхе

и трепете». Далеко не все песни Дилана содержат явные библейские мотивы, но многие приняли форму проповеди настолько убедительно, что они легко включаются в песенники, предназначенные для церковной молодежи [6].

Еще один автор-исполнитель того времени, Леонард Коэн, также обращался к библейским мотивам, в том числе в песне «The Story of Isaac» («История Исаака»), предлагая собственную версию «Страха и трепета» от лица Авраамова сына, осуждающего современность [7]. В творчестве Коэна библейские мотивы органично сочетаются с темами борьбы с сомнениями и критики конфликтов, угрожающих невинности. В метафизической любовной песне «Suzanne» («Сюзанна») средний из трех куплетов отдан размышлениям, подсказанным новозаветным сюжетом искупительной победы над миром, враждебным высшему познанию [8]:

И Иисус был моряком,
Когда он ходил по воде.
И он долгое время смотрел
Со своей одинокой деревянной башни,
И когда он знал точно,
Что только утопленники могли видеть его,
Он сказал: «Пусть тогда все люди будут моряками,
Пока море не освободит их».
Но сам он был сломлен
Задолго до того, как разверзлись небеса.
Будучи заброшенным и почти человеком,
Он потонул под твоей мудростью, подобно камню.
И ты хочешь путешествовать с ним,
И ты хочешь путешествовать вслепую,
И ты думаешь, что ты, может быть, даже доверишь ему,
Ведь он коснулся твоего совершенного тела своим разумом.

Среди других песен, у которых корни лежат в англоязычном фолк-роке и которые применяют библейские мотивы — «Hey Jude» и «Let It Be» The Beatles (1968, 1970), «The Sound of Silence» Пола Саймона (1965; Саймон же поднял духовную линию на новый уровень на альбоме 2023 «Seven Psalms»), «Jesus» The Velvet Underground (1969), “Miles From Nowhere” и исполнение гимна «Morning Has Broken» Cat Stevens (1970, 1971), «Stairway to Heaven» Led Zeppelin (1971) и «Psalm» Roxу Music (1973). Такие песни иллюстрируют актуальность библейских источников для популярной музыки, часто через неожиданный подход в совокупности с душевностью и художественной си-

лой. Они возникли из культурного фона, подготовленного библейскими темами, даже если общество отчасти отходило от таких основ.

Песни раннего рок-н-ролла и фолк-рока оставили глубокий след в сознании слушателей, в том числе и в таких странах, как Советский Союз, где традиционная духовная культура подвергалось давлению. В Советский Союз эта музыка сначала извилистыми путями пробивалась к определенным слоям культуры, в которых впоследствии появились авторы не менее выразительных песенных текстов с библейскими мотивами. Несмотря на попытки удержать подобные влияния, духовные отголоски сохранились и в итоге разрослись. Звучание памяти о религиозных нормах в песнях, например, Булата Окуджавы дало важный отечественный урок Борису Гребеншикову [9] и другим русскоязычным авторам уже эпохи фолк-рока. Насыщенность среды достойной трактовкой библейских мотивов была такова, что даже атеист Майк Науменко решился написать «Марию» [10] — оду, которая сравнивает возлюбленную с Богородицей, хотя и опровергает ее святость — но и песню «Свет», в которой припев «Да святится имя твое!», обращенный тоже к возлюбленной, свидетельствует хотя бы об условном рассмотрении феномена канонической молитвы.

В одной из глав книги Дилана 2022 года «Философия популярной музыки», перечисляя примеры песен, в которых авторы опираются на образы молитвенной практики, автор отдает дань определенным сочинениям, но подытоживает: «они лишь поп-песни. Лучшая из молитвенных песен — это «The Lord's Prayer» («Молитва Господня»). Никакая из этих песен даже не попадает близко.» [11] При этом сама деятельность этого музыкального патриарха показывает, вместе с другими примерами фолк-рока и прочих жанров, что даже если музыкально-поэтическому обращению к духовному канону суждено бледнеть по сравнению с источником, осмысленная преданность такого рода способна по-своему помочь направить культурные векторы в благотворное русло.

Литература и источники

1. The Byrds. Turn! Turn! Turn! Columbia Records, 1965.
2. Seeger, Pete. The Bitter and the Sweet. Columbia Records, 1962.
3. "Turn! Turn! Turn!" Lady Garfunkel's Song of the Day. 06.11.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ladygarfunkel.wordpress.com/2024/11/06/turn-turn-turn/> (дата обращения: 06.11.2024).
4. Dylan, Bob. The Freewheelin' Bob Dylan. Columbia Records, 1963.
5. Dylan, Bob. Highway 61 Revisited. Columbia Records, 1965.
6. Anderson, Yohann (составитель). SONGS. An Eclectic Lyric Collection of More Than 800 Songs for Most Situations. Lakeport, CA, USA: Songs and

Creations, 1982.

7. Cohen, Leonard. Songs from a Room. Columbia Records, 1969.

8. Cohen, Leonard. Songs of Leonard Cohen. Columbia Records, 1967.

9. Гребеничиков, Борис. *Борис Гребеничиков поёт песни Булата Окуджавы*. СПб: SoLyd Records, 1999.

10. Группа «Зоопарк». *Музыка для фильма*. СПб: Петербургская Студия Грамзаписи, 1991.

11. Dylan, Bob. *The Philosophy of Modern Song*. New York: Simon & Schuster, 2022. С. 184.

А. П. Козлов

A. P. Kozlov

ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Contradictions of the formation of historical consciousness
in the post-Soviet space*

Аннотация. В статье раскрываются противоречия формирования исторического сознания на постсоветском пространстве, связанные с попытками этнизации истории, ведущие к деформации исторической правды и формированию ложной ментальности.

Ключевые слова: мировоззрение, ментальность, культурный архетип, историческое сознание, историческая память, фальсификация истории, этнизация.

Abstract. *The article reveals the contradictions of the formation of historical consciousness in the post-Soviet space associated with attempts to ethnize history, leading to the deformation of historical truth and the formation of a false mentality.*

Keywords: *worldview, mentality, cultural archetype, historical consciousness, historical memory, falsification of history, ethnization.*

Формирование дефиниции «ментальность» имеет более чем столетнюю историю. Это понятие, впервые появилось в трудах французских исследователей, изучавших в начала XX в. ментальность средневекового общества, и означало мировидение (мировоззрение).

Действительно не сложно обнаружить определенную взаимосвязь между понятиями ментальность и мировоззрение, хотя между ними существуют огромные различия. Мировоззрение, как представление человека о мире, о своем месте в мире и о самом себе, являет-

ся высшим уровнем общественного сознания – идеологией, которая складывается целенаправленно, с целью формирования ценностей и убеждений в обществе, обеспечивающих необходимые условия для осуществления власти определенной политической группе [1, с. 325].

Ментальность представляет собой тип массового сознания характерный для конкретной исторической эпохи или большой социальной группы. Она формируется на базе повседневного жизненного опыта и отличается повышенной эмоциональностью и инерционностью. Способом выражения ментальности является общественная психология. Ментальность, таким образом, проявляется на подсознательном уровне и представляет собой сложный культурный архетип, который является очень устойчивым и трудно поддающимся внешним воздействиям [2, с. 181].

Значительную роль в формировании ментальности играет историческое сознание, представляющее собой совокупное знание всего общества или отдельных социальных групп о своем прошлом, о прошлом всего человечества. В современном мире история выступает своеобразным идеологическим оружием и часто используется в угоду сеименутным конъюнктурным политическим интересам правящей элиты.

Примером такого отношения к истории является постсоветское пространство, где выражение о том, что всякое поколение пишет свою историю, или, по крайней мере, свою версию истории, стало объективной реальностью.

К сожалению, данное высказывание можно отнести не только к историкам из т. н. «недружественных стран», известных своей русофобской позицией, но и к ученым из, казалось бы, вполне лояльных нам государственных образований, входящих в общие с нами военно-политические организации и экономические союзы. Примером такого рода является Казахстан – член ОДКБ и ЕАЭС.

Как известно одним из приемов фальсификации истории, которыми активно пользуются фальсификаторы, является прием частичной правды или полуправды. К сожалению, этими приемами активно пользуется и современная казахстанская историография, вольно или не вольно искажающая историческую действительность, и формирующая извращенное историческое сознание, прежде всего, у молодого поколения, не имеющего собственного исторического опыта и знаний о советском прошлом.

Примером такого отношения к истории может служить освещение истории коллективизации, которая, как известно, обернулась массовыми бедствиями и страданиями для всего крестьянского населения

СССР, но в наибольшей степени коснулась отдельных этносов, в том числе, казахского, который понес существенные потери.

При этом необходимость изучения проблемы не вызывает сомнения. Наша общая история не представляет собой череду постоянных успехов и достижений. В ней, разумеется, были и свои черные страницы и «белые пятна», которые обязательно должны быть раскрыты и заслуживают объективной оценки.

Вместе с тем, следует отметить ярко выраженную тенденциозность в позиции некоторых казахстанских авторов, наиболее ярко проявляющуюся на уровне персонификации истории. В современной казахстанской историографии виновниками социалистической реконструкции казахского аула и переселенческой деревни Казахстана традиционно объявляются представители центра, главным из которых являлся секретарь Казкрайкома Ф. И. Голощекин, якобы мечтавший осуществить в Казахстане «Малый Октябрь». При этом представителей национального истеблишмента, которые не в меньшей степени были повинны в осуществлении социального эксперимента по переводу «отсталых народов» от феодализма к социализму минуя капитализм, изображают последовательными защитниками «своего народа» и борцами с генеральной линией партии и правительства.

Сказанное касается не только представителей национальной интеллигенции (А. Букейханов, А. Байтурсинов, Д. Садвокасов, С. Хаджанов и др.), обвиненных в «буржуазном национализме», но и выходцев из советской национальной элиты, (Т. Рыскулов, У. Исаев, У. Джандосов, И. Курамысов и др.), ставших жертвами политических репрессий 1930–1940 гг.

Действительно в современной казахстанской историографии председателя СНК КАССР У. Д. Исаева и зампреда СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова, авторов знаменитых писем Сталину, в которых они сообщали о «извращениях» и «перегибах» коллективизации, о страданиях казахского народа, об откочевках, голоде, эпидемиях и вызванных ими массовых жертвах среди казахского этноса, принято изображать как последовательных борцов со «сталинизмом» [3]. Но при этом совершенно не упоминается, или говорится вскользь, о том, что именно они были одними из инициаторов проведения сплошной коллективизации в Казахстане и перевода кочевых жителей республики на оседлость.

Так, например, заместитель председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулов являлся одним из организаторов и идеологов сплошной коллективизации не только в Казахстане, но и в стране в целом. Именно он возглавил в ноябре 1929 г. специальную комиссию для выработки мер по

проведению сплошной коллективизации в ряде «пилотных регионов», которыми стали Нижне-Волжский край и АССР немцев Поволжья [4, л. 182–182 об.].

Впоследствии мероприятия, разработанные комиссией Рыскулова, будут распространены и на другие регионы страны. Для этих целей при СНК СССР создадут специальную комиссию, которую возглавит нарком земледелия Я. А. Яковлев. В процессе работы комиссии сформируется два подхода – радикальный и умеренный. Сторонники радикального подхода, во главе с Рыскуловым, настаивали на быстрых темпах сплошной коллективизации. Сторонники умеренного подхода, к которым, к примеру, относился Ф. И. Голощекин, включенный как руководитель региона в комиссию Яковлева, занимали более взвешенную позицию. Голощекин считал, что проведение сплошной коллективизации в Казахстане возможно лишь «при условии предоставления кредита в размере 180 млн. рублей, тысячи тракторов и т. д.» [5, л. 313].

Изначально победу одерживали сторонники умеренного направления, подготовившие к 22 декабря 1929 г. проект постановления, который не понравился Сталину из-за своей мягкости [6, л. 56–68]. Сталин поддержал сторонников радикального подхода, отметив в письме, адресованном В. М. Молотову, что его замечания «целиком совпали с критическими замечаниями наших друзей» [6, л. 74], идеи которых и вошли в пресловутое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Рыскулов, которого Сталин назвал своим другом, принимал активное участие в разработке постановления. Хотя и не все его предложения в него вошли. Так, например, в 1 пункт Рыскулов предлагал добавить абзац, касающийся «районов специальных культур и скотоводства», где, по его мнению, колхозное строительство отстает «и по этим районам требуется усиление работы по коллективизации и оказания, в этих целях, специального содействия и помощи» [6, л. 78]. Рыскулов был сторонником поголовного обобществления скота, заявляя, что «обобществлять «товарный скот» (понятие растяжимое) – это значит вообще заморозить обобществление скота, давать категоричное указание «сохранять в частной собственности мелкий инвентарь, мелкий скот, молочных коровы и т. д.» – значит тянуть события назад и дать явно неправильный лозунг» [6, л. 79]. Кроме того, Рыскулов выступал за огосударствление колхозов, добиваясь того, чтобы поступавшие от государства материальные средства оставались в государственной собственности и государство «имело бы контрольный пакет

в своих руках и влияло бы на руководство колхозами» [6, л. 80 об. – 81].

Таким образом, Рыскулов, являясь представителем центральной политического власти, никогда не забывал о своей малой родине, и именно его позиция, в конечном счете, предопределила стратегию и тактику проведения коллективизации в Казахстане и Средней Азии.

Приведенный пример, основанный на архивных материалах, разоблачает утверждения некоторых казахстанских исследователей о том, что якобы Т. Р. Рыскулов был убежденным и последовательным противником сталинской революции сверху. Факты свидетельствуют об обратном – Рыскулов был одним из инициаторов форсированной сплошной коллективизации. Он настаивал на жестких, насильственных методах ее осуществления не только в центральных регионах страны, но в том числе и в т. н. «национальных регионах», к которым относился Казахстан.

Возможно, Т. Рыскулов искренне желал блага своему народу, но, как известно, благими намерениями дорога в ад вымощена. А то, что Рыскулов и Исаев стали жертвами политических репрессий, то это тоже факт. Как фактом является также то, что жертвами сталинских репрессий стали и секретарь Казкрайкома Ф. И. Голощекин, и сменивший его на это посту Л. И. Мирзоян, и руководитель Карагандинской области Казахстана, а позже первый секретарь Компартии Киргизской ССР М. К. Амосов, и многие, многие другие известные политические и исторические деятели нашей страны, независимо от их национальной принадлежности. И в этом нет ничего нового. Следуя словам, приписываемым Пьеру Верньо: «Революция, как бог Сатурн пожирает своих детей». И это тоже исторический факт. Или это закон?

Что же касается попыток этнизации нашего общего как далекого, так и сравнительно недалекого прошлого, в какой бы форме они не проявлялись и с какой бы целью не предпринимались, то это не только не способствует восстановлению исторической правды, а, напротив, ведет к искажению исторического сознания и формированию ложной ментальности.

Литература и источники

1. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: Энциклопедический словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. М.: Гардарики, 1999. 520 с.
2. Вяткин Б. А. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика / Б. А. Вяткин. Пермь: Кн. мир, 2005. 390 с.
3. Устинов В. М. Турар Рыскулов: очерки политической биографии / В. М. Устинов. Алматы: Казахстан, 1996. 464 с.

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 7. Д. 251.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 2542.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 30. Д. 144.

И.А. Шевчук
Л.В. Арутюнян
Протоиерей Сергей Фёдоров
I.A. Shevchuk
L.V. Harutyunyan
Archpriest Sergius Fedorov

ОСТАЛСЯ ВЕРЕН СВЯЩЕННОМУ ДОЛГУ

He remained faithful to his sacred duty

Аннотация. Статья посвящена одной из малоизвестных страниц Российского Черноморского флота периода Первой мировой войны. Кратко описана история гибели минного заградителя «Прут», повторившего подвиг крейсера «Варяг». Освещен самоотверженный поступок корабельного иеромонаха о. Антония, единственного из священнослужителей, награжденного в Первую Мировую войну орденом Святого Георгия 4-й степени, посмертно. Священник пожертвовал своей жизнью, отказавшись покинуть корабль ради спасения жизни матроса. Статья актуальна, т. к. история Первой Мировой войны в России освещена недостаточно, показывает поступки людей, на примере которых должно воспитываться подрастающее поколение нашей страны.

Ключевые слова: война, флот, минный заградитель, «Прут», священник, о. Антоний, монастырь, экипаж.

Abstract. The article is devoted to one of the little-known pages of the Russian Black Sea Naval Fleet that occurred during World War I. The story of the death of the minelayer "Pрут", which repeated the feat of the cruiser Varyag, is briefly described. The selfless act of the ship's hieromonk Fr. Anthony, the only clergyman awarded the Order of St. George of the 4th degree in World War I, posthumously. The priest sacrificed his life by refusing to leave the ship to save the life of a sailor; is highlighted. The article is relevant because the history of World War I in Russia is not sufficiently covered, it shows the actions of people, by the example of whom the younger generation of our country should be educated.

Keywords: war, fleet, minelayer, "Rod", priest, Fr. Anthony, shepherd, crew.

В своей многовековой истории Россия участвовала во многих военных конфликтах для отстаивания интересов государства. В этих войнах, в тяжелое для страны время, как никогда проявлялся патриотизм и самопожертвование русского народа, появлялись выдающиеся личности, герои, чьи имена у всех на слуху. Но были люди малоизвестные, ничем не выделяющиеся, о которых мало кто знает, но их подвиги являются образцом для подражания и достойны того, чтобы о них говорили и писали, на их примерах воспитывалось подрастающее поколение, чтобы имена этих людей сохранились в памяти поколений. Одним из таких людей был семидесятилетний иеромонах отец Антоний (Смирнов) – единственный из священнослужителей, награжденный в Первой Мировой войне орденом Святого Георгия 4-й степени, посмертно.

Отец Антоний (Василий Смирнов) родился в 1843 г. в Самарской губернии в семье священнослужителя, что, вероятно, обусловило выбор его дальнейшего рода деятельности. После окончания в 1862 г. Самарского духовного училища, 19-летний Василий отправился в Мойский Свято-Троицкий монастырь, где нес службу, готовясь к постригу.

В 1865 г. Василий Смирнов стал послушником Мойского монастыря, что указывало, на его выбор в пользу монашества [1].

В 1879 г. Василий обратился с прошением о переводе в Казанскую епархию, чтобы служить в Седмиозёрной богородицкой пустыни. По прошествии двух лет 38-летний Василий, принял монашеский постриг под именем Антония. «Много лет отец Антоний нес службу в монастырях Поволжья» [2, с. 40].

В 1909 г. 65-летний иеромонах Бугульминского Александро-Невского монастыря Самарской губернии о. Антоний был призван на 5 лет, служить военным священником на Черноморский флот. В петровские времена был создан институт морского духовенства. Священнослужители на кораблях были необходимы для поддержания морального духа и религиозных чувств моряков. Служить на военных кораблях отправляли священников, не имеющих семью – иеромонахов. Обязательное присутствие священников на военных кораблях было закреплено в императорском морском уставе 1720 г. «В корабельном флоте на каждом корабле иметь по одному иеромонаху» [3]. В марте 1721 г. в «Инструкции флотским иеромонахам» были сформулированы обязанности корабельных священников, которых все флотские священнослужители должны были неукоснительно соблюдать. Эти требования не изменились и к началу XX века. По традиции на флот отбирали самых лучших иеромонахов. «На такое дело только самых достойных избирают», — сказал, благословляя его, настоятель монастыря [4].

Иеромонах о. Антоний стоически воспринял назначение, приняв как уготованное Богом испытание. Он прибыл в Севастополь служить корабельным священником на минном заградителе «Прут», который, в отличие от остальных, переоснащенных для этих целей пароходов Черноморского флота мог одновременно принимать на борт до 900 мин.

Построенный в 1879 году в Англии, пароход планировался как торговый. В 1884 году судно купило российское судоходное общество «Добровольный флот». Переименованный в «Москву», он 11 лет использовался в качестве почтово-пассажирского парохода. В 1895 году пароход был выкуплен Морским министерством и 24 июня 1895 года введен в состав Черноморского флота. Под именем «Прут», корабль стал учебным судном Черноморского флота.

19 июля 1905 года на «Пруте» вспыхнул мятеж. Корабль отправился в Одессу с целью примкнуть к броненосцу «Потемкин». Не застав его, направился в Севастополь, но в море был перехвачен миноносцами. 42 моряка вместе с руководителем матросом-большевиком А. Петровым были арестованы, а затем расстреляны. После подавления восстания, судно использовалось как плавучая тюрьма. На нем содержались некоторые арестованные потёмкинцы.

В октябре 1905 года «Прут» поддержал восставший крейсер «Очаков». Однако восстание снова было подавлено. «В трюмы «Прута» заточили арестованных потемкинцев, моряков крейсера Очаков и других бунтовавших кораблей. На «Пруте» в Очаков был доставлен на суд один из руководителей Севастопольского восстания лейтенант П. П. Шмидт» [5].

В 1909 году «Прут» переоборудовали в минный заградитель. Тогда же на корабль прибыл служить о. Антоний. Экипаж минного заградителя состоял из 9 офицеров, врача, иеромонаха о. Антония и 296-ти человек команды. Командовал кораблем капитан 2-го ранга Г. А. Быков.

Согласно морскому уставу, в обязанности корабельного иеромонаха входило совершение ежедневных богослужений в походной церкви, поддержание боевого духа моряков. По боевому расписанию священник поступал в распоряжение судового врача для оказания помощи раненым. Для выполнения функций медбрата, священнослужители посещали на флоте десятидневные курсы. Корабельный иеромонах обучал матросов грамоте, следил за корабельной библиотекой, посещал больных, причащал умирающих, извещал близких умерших матросов о смерти, организовывал материальную помощь семьям моряков.

На корабле о. Антонию была отведена отдельная каюта. Для схода на берег была предоставлена специальная шлюпка. Сходить на берег корабельному священнику можно было раз в неделю, в четверг после утренней молитвы. Но жёсткая морская дисциплина и строгие правила отца Антония не испугали. «Это почти как в монастыре», — улыбаясь, говорил он капитану [6, с. 764].

Таким образом, в жизнь о. Антония вместо привычного монастырского быта вошли суровые флотские правила. «Поначалу пожилому священнику нелегко было, но постепенно он втянулся, о чем свидетельствует положительная характеристика, данная командиром» [7].

В 1914 года началась Первая мировая война, направленная на передел мира. Россия, как член военно-политического блока Антанта также была втянута в эту военную кампанию, преследуя свои интересы. Основные ее задачи состояли в защите собственной территории, упрочение своих позиций на Балканах и в зоне средиземноморских проливов.

Одним из театров военных действий в этой войне являлось Черное море, где базировался российский Черноморский флот. Противостоял ему объединенный германско-турецкий флот.

К началу войны, о. Антонию был 71 год, приближался срок окончания службы. Однако, разразившаяся война внесла свои коррективы.

В соответствии с планом развёртывания Черноморского флота при угрозе нападения противника, первостепенной задачей являлась постановка минного заграждения на подступах к Севастополю. При выполнении этой задачи основную роль должен был сыграть минный заградитель «Прут», на борту которого находилась большая часть запаса мин Черноморского флота. Однако 15 октября 1914 года «Пруту» была поставлена задача, не свойственная ему в условиях военного времени — осуществить переброску батальона пехоты из Ялты в Севастополь.

«На момент выполнения задания, Турция официально не объявляла войну России, однако уже было известно, что немецкий крейсер «Гебен» с двумя турецкими миноносцами направляется к российскому побережью. Была угроза встретиться с ними в море» [8]. Перед выходом в море отец Антоний отслужил на корабле молебен, и в 17 часов 15 октября «Прут» взял курс на Ялту. Через полчаса, в штаб флота пришла телеграмма из МИДа о намерении Турции объявить войну. «Прут» находился в семи милях от Севастополя, но приказа возвращаться от командования не получил. Около 21.00 на «Пруте» была принята радиограмма: «Положение весьма серьёзное. «Гебена» видели около Амастры. С рассветом быть готовым к съёмке с якоря».

После полуночи на подходе к Ялте, из штаба флота пришла радиограмма: «Ночь держаться в море. После рассвета возвращайтесь в Севастополь, вскрыв, если появится неприятель, пакет 4-Ш», содержащий сведения на случай начала войны с Османской империей. Через некоторое время на «Пруте» получили радиограмму: «Завтра приготовиться ставить мины». Такая трансформация решений штаба флота была обусловлена возросшей угрозой нападения противника.

Одновременно с «Прутом» в море находились три российских миноносца. В 2 часа ночи 16 октября 1914 года на флагманском миноносце «Лейтенант Пущин» 1-го дивизиона Черноморского флота была получена шифрованная радиограмма о нападении турецкого флота на наши порты и о начале войны. Предписывалось в случае необходимости оказать поддержку минному заградителю «Прут» [8].

С рассветом 16 октября «Прут» направился в Севастополь. В 5 часов на корабль по радио сообщили – война началась. Был получен приказ о постановке минных заграждений у Севастополя. Однако «Прут» не успел выполнить поставленную задачу, т. к. уже через полтора часа главную базу Черноморского флота обстреливала корабельная артиллерия противника.

«Командующий флотом адмирал Эбергард, опасаясь, что при возвращении в Севастополь «Прут» с большим запасом мин в трюмах, может оказаться в районе крепостного минного заграждения, отдал приказ «на всякий случай» отсоединить его». Это дало возможность германскому крейсеру беспрепятственно подойти к Севастополю, не нарвавшись на минное заграждение, обстрелять город и уйти.

В половине седьмого утра со стороны Севастополя сигнальщики «Прута» увидели всполохи и услышали канонаду. Это неприятель напал на Севастополь. Во избежание столкновения с вражескими кораблями, капитан 2 ранга Быков приказал взять курс на Балаклаву. Через некоторое время с Прута увидели силуэты трех кораблей. Это были миноносцы «Лейтенант Пущин», «Живучий» и «Жаркий». На подходе к Севастополю они обнаружили крейсер «Гебен», который обстреливал город. Командир 1-го дивизиона Черноморской минной дивизии капитан 1-го ранга князь В. В. Трубецкой понимая, что его миноносцы не смогут противодействовать линейному крейсеру и двум турецким эсминцам, отдал приказ атаковать вражеские корабли. Дав возможность миноносцам подойти ближе, «Гебен» открыл огонь. «В результате очередного залпа флагманский миноносец «Лейтенант Пущин» загорелся, получил пробоину и, потеряв 7 человек убитыми и 11 ранеными, вышел из боя» [9].

Сильным заградительным огнем «Гебен» не позволил русским

миноносцам выйти на дистанцию торпедной атаки. В результате два других российских миноносца также вынуждены были выйти из боя.

«Прут» наблюдал за сражением, стараясь остаться незамеченным. Но не удалось. «Гебен» и турецкие эсминцы пошли наперехват. Стало ясно, что уйти от обладающих более высокой скоростью кораблей противника не получится.

В восьмом часу утра 16-го октября на подходе к траверзу мыса Фиолент минный заградитель «Прут» был настигнут крейсером «Гебен», обстрелявшим Севастополь и ушедшим от атаки российских миноносцев. Понимая, что до Балаклавы не успеть, капитан 2 ранга Быков приказал затопить корабль, чтобы мины и корабль не достались врагу. Были открыты кингстоны – «Прут» начал тонуть». На корабле объявили «водяную тревогу». Началась погрузка в шлюпки.

На сигналы с «Гебена» — «Во избежание напрасного кровопролития... «предлагаю сдаться»», на «Пруте» были подняты стеньговые Андреевские флаги, возвещая – «Погибаю, но не сдаюсь» [10].

«После объявления «водяной тревоги» на корабле должны были остаться только командир, и несколько специалистов» [11]. По морскому уставу при объявлении «водяной тревоги» корабельный иеромонах не обязан находиться на борту до конца. За ним на корабле была закреплена шлюпка. Однако он не воспользовался своим правом, зная, что в спасательных средствах всему экипажу места не хватит. Вопреки правилам, иеромонах о. Антоний остался на палубе тонущего корабля. Он предпочёл поступить не по уставу, а – из гуманности побуждений, как наставляла церковь, пожертвовал своей жизнью ради спасения тех, кого он несколько лет исповедовал и причащал, делал всё от него зависящее, чтобы они спаслись. С крестом в руках он благословлял матросов, покидающих корабль. По свидетельству очевидцев, он осенял крестом и корабли противника с целью отвести их огонь от своего корабля.

«Гебен» начал обстреливать «Прут» и поджег его. Появились раненые и убитые. Командира корабля, раненного, взрывной волной отбросило в море. Оставшиеся в живых моряки продолжали эвакуацию в шлюпки. Кому не хватило места в шлюпках, бросались в воду со спасательными кругами и пробковыми матрасами. Находившиеся в трюме мины могли взорваться и число жертв было бы значительно больше.

После начала «водяной тревоги» отец Антоний надел рясу и продолжал благословлять матросов. Когда последняя шлюпка отошла от корабля, выяснилось, что священника среди спасшихся нет. Он остался на тонущем корабле. Моряки уговаривали отца Антония покинуть

корабль: ««Прут» сейчас затонет! Прыгайте, батюшка, мы Вас подберём!» Но вокруг, в ледяной воде, плавали десятки матросов. А шлюпки и без того были переполнены. «Вы – молодые, Спасайтесь сами! - прозвучал над морем голос священника. - Мест в шлюпках на всех не хватит, а я уже пожил!»[12, с. 447].

Около 8.40 минный заградитель «Прут» с развевающимся на сломанной мачте Андреевским флагом скрылся под водой. Вместе с ним ушел под воду и корабельный иеромонах о. Антоний, с крестом в руках и с молитвой во спасение ближних своих». До последней минуты своей жизни он находился со своей паствой, разделяя с моряками выпавшую на них тяжёлую долю. Уступив свое место в шлюпке, он спас еще одну душу.

Вплоть до полного погружения «Прута» под воду о. Антоний благословлял покинувших корабль моряков. Символично, что до последней минуты своей жизни он был с ранеными моряками, которых остались на борту, как бы исповедуя и причащая умирающих. Отец Антоний до конца оставался верен своему долгу священнослужителя.

4 ноября 1914 года о. Антоний был награжден орденом святого Георгия 4-й степени, посмертно, став первым русским военным и единственным флотским священником, удостоенным за годы Первой мировой войны этой высокой воинской награды.

Святейший Синод Русской православной церкви запрещал священнослужителям брать в руки оружие, но о. Антоний своим примером показал, что можно проявлять мужество и героизм с крестом в руках. Его имя вписано в историю военно-морского духовенства.

Литература и источники

1. Отец Антоний (Смирнов): Подвиг с крестом в руках. URL: <https://biography.wikireading.ru/160191> (дата обращения 26.10.2024)
2. Бондаренко И. А. / И.А. Бондаренко, А.В. Бондаренко, О.Л. Шлыкова – Текст: непосредственный// Юный ученый. – 2016. - № 5(8). – С.38-41. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/8/521/> (дата обращения 28.10.2024)
3. Он был первым из тринадцати морполит. URL: <https://journal.morpolit.ru/on-byt-pervym-iz-trinadcati/> (дата обращения 26.10.2024)
4. Иеромонах Антоний (Смирнов) (<https://radiovera.ru/ieromonah-antonij-smirnov.html>) (дата обращения 26.10.2024)
5. Франчук И. Флаг не спустивший. URL: <https://proza.ru/2012/12/08/1362>(дата обращения 26.10.2024)
6. Вестник Военного и морского духовенства. Год издания XXV №22, 15 ноября 1914 г., С.764.
7. Пастырь, исполнивший долг до конца. URL: <https://histrf.ru/read/articles/pastyr-ispolnivshiy-dolg-do-konca> (дата обращения 26.10.2024)
8. Козлов Д. «Странная война» в Черном море (август-октябрь 1914 года) –

URL: <https://iknigi.net/avtor-denis-kozlov/102745-strannaya-voyna-v-chernom-more-avgust-oktyabr-1914-goda-denis-kozlov/read/page-7.html> (дата обращения 26.10.2024)

9. Иванов А. А. С крестом в руке и именем Бога на устах. К 100-летию подвига иеромонаха Антония (Смирнова) URL: https://ruskline.ru/history/2014/10/29/s_krestom_v_ruke_i_imenem_boga_na_ustah/ (дата обращения 28.10.2024)

10. А волны и стонут, и плачут (Подвиг судового священника о.Антония (Смирнова)) . URL: <https://hramramenki.ru/59-Hram-Arhistratiga-Boghiya-Mihaila-pri-Voennoy-akademii/1363-a-volny-i-stonut-i-plachut-podvig-sudovogo-svyashtennika-o-antoniya-smirnova> (дата обращения 28.10.2024)

11. О нападении немецкого крейсера «Гебен» на заградитель «Прут» и затопление его по приказу командира кап. 2 р. Г.А. Быкова. Фонд 609, опись 1, Ед.Хр. 384

12. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости. Воскресенье 19 апреля 1915 года, № 16, С. 447.

А.В. Баканов

A.V. Bakanov

КАВКАЗ: КУЛЬТУРА, ПСИХОЛОГИЯ, МЕНТАЛЬНОСТЬ

Caucasus: culture, psychology, mentality

Аннотация. На всем протяжении своей обозримой истории Кавказ представлял собой сложносоставную мозаику, которую формировало множество различных элементов. Каждый из них имел и имеет свои отличительные особенности, традиции и обычаи, свой характер, психологию, ментальность.

Ключевые слова: Кавказ, Евразия, этнос, культура, психология, ментальность.

Abstract. Throughout its observable history, the Caucasus has been a complex mosaic formed by many different elements. Each of them had and has its own distinctive features, traditions and customs, its own character, psychology, mentality.

Keywords: Caucasus, Eurasia, ethnicity, culture, psychology, mentality.

В силу того, что территориально-географическая система координат да как собственно и сама природно-климатическая среда, в которой находится и формируется то или иное государство или же общество, да как собственно и тот или иной условный регион выступают наиважнейшими факторами их развития, то можно говорить о том, что Кавказ всегда являлся и является особой цивилизационной зоной. Это становится самоочевидным, т.к. последний исторически занимал

и занимает исключительное место на политической и экономической карте Евразии [1]. С периода глубокой античности по территории Кавказа проходили и по сегодняшние дни проходят наиважнейшие транс-евразийские торгово-транспортные коммуникаций, а сам он выступает ни чем иным как срединным – пограничным рубежом между Европой и Азией [2-3]. В его периметрах всегда сходились и переплеталось множество цивилизаций. При политическом воздействии, культурное влияние на регион оказывали и оказывают тюркский, иранский, иудейский, христианский, византийский, арабо-мусульманский, русский, европейский мир [4]. Однако, несмотря на масштабное и многовековое влияние и инфильтрацию некоторых культурных компонентов, народы Кавказа всегда имели и имеют свое собственное мироощущение и богатую – имманентную культуру.

Начиная с эпохи античности, а, возможно, что и гораздо раньше единое геополитическое пространство Кавказа представляло собой сложносоставную мозаику, которую формировали множественные политические и этнические элементы [4-6]. Особенностью Кавказа было то, что на его территории всегда проживало и поныне проживает такое количество разноразличных народов, которое, пожалуй, никогда больше не встречалось и по сегодняшний день не встречается ни в одной точке современного мира. К тому же, если так можно выразиться, то в политическом отношении Кавказ исторически представлял собой самую что ни на есть, настоящую «матрешку». При едином геополитическом целом, данный регион всегда формировали множественные, небольшие в территориальном отношении суверенные или полусуверенные государства; зачастую стратифицирующиеся на еще более мелкие также, в свою очередь, обладающие определенной автономией владения [4-6]. Помимо этого, в силу горного ландшафта и труднопроходимости внутренних коммуникаций Кавказ как и любая другая горная территория всегда подразделялся и подразделяется на множественные обособленные зоны [2; 4]. Обозначенная градация и этническая эклектика, а также стратификация на макро и микро зоны исторически превращали кавказские периметры в крайне пестрый, многогранный мир. Мир, имеющий общие и частные закономерности развития.

Следует отметить, что при стратификации на множество государств и владений, а также макро и микро зон, Кавказ всегда имел как общие для всего региона, так и частные для каждого отдельно взятого территориально-политического образования и народа механизмы и принципы, закономерности, тенденции развития. Таким образом, имея в культурном плане множество сходств, кавказские государ-

ственные образования и компактно проживающие в его периметрах этносы, также имели и отличительные особенности. Наряду с только что озвученным это также обуславливается тем, что в пределах горных территорий более остро, чем в других естественно-географических, стихиях ощущается понятие границ. В них также более живучи традиции и обычаи и в целом историческая память. Как показывает мировая практика, любые горные территории и в том числе Кавказ всегда представляли и представляют собой особый эклектичный мир [4]. Территорию, где свои отличительные особенности, традиции и обычаи, свой характер и психологию, сознание имеет абсолютно каждая отдельно взятая константа.

Важно подчеркнуть, что этническая и территориально-административная пестрота Кавказа находят отражение и в ментальности кавказских горцев [7]. Хотя в наработках отечественного кавказоведения пока еще и отсутствует должное освещение данной проблематики, тем не менее, исходя из общепринятого в научной практике опыта, можно смело говорить о том, что ментальность всех местных этносов, да как собственно и вообще их культурная составляющая, так как они развивались в едином историко-культурном пространстве, имели и имеют очень много общих черт. В то же время, основываясь на общей канве, они просто не могут не иметь и некоторые специфические отличия. Это становится самоочевидным, т.к. абсолютно каждое отдельно взятое политическое образование Кавказа, абсолютно каждый этнос, данного региона исторически развивались и формировались, исходя из своей собственной прецедентной базы, и сами определяли то, в какой пропорции воспринять и адаптировать к своим условиям «внешний» опыт. Таким образом, при общей канве: духе свободологии, консервативности сознания, импульсивности, неимоверной привязанности к месту своего происхождения, каждый этнос, (а зачастую и просто этническая общность) на Кавказе еще имеют и частные особенности, характеризующие именно их ментальность и менталитет. Такие детали и нюансы, которых нет и не будет у другого.

Его Величество Кавказ

Его Величество Кавказ,
Красивый, гордый, величавый,
Овеян, преисполнен славой,
Седой он, умудрен веками,
Мы смотрим на него, а он на нас,
И вот уже в который раз,
Друг друга мы понять не можем.

Да, правда, чувствовать и понимать другого сложно,
 Но коли это очень нужно, все возможно...
 А, может, просто не хотим?
 Кавказ особый многоликий мир,
 Кавказ красив и многогранен,
 Наполнен множеством оттенков красок,
 Он собран множеством мозаик,
 Где каждая отлична от другой,
 Во многом, если не во всем,
 И каждая из них имеет душу,
 Сознание, психологию, культуру,
 На перекрестке Севера и Юга,
 Здесь также сходятся и Запад и Восток,
 И это проявляется во всем,
 И в языках, и в людях, лицах,
 Здесь каждый преисполнен собственных традиций,
 У каждого свои особые обычаи,
 Его Величество Кавказ.
 Но все-таки и ты не хочешь вникнуть в нас,
 Не хочешь нас понять и слушать,
 Ты думаешь так будет лучше?
 Так может думать лишь безумец!

Терпения и понимания нам.
 (Слова авторские – Баканов Александр)

Литература и источники

1. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь-Москва: Леан, Арграф, 2000. – 448 с.
2. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Киевской Руси и Золотой Орды // Клио. 2019. № 12(156). С. 122–132.
3. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М., Эмирова М.Н. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть первая) // Клио. 2020. № 1(157). С. 74–87.
4. Баканов А.В., Магомедханов М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть 1, раздел 1) // Клио. 2020. № 8 (164). С. 73-83.
5. Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период раннего средневековья и ордынской и пост ордынской эпохи // Клио. 2022. № 1 (181). С. 111-127.
6. Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022. № 2(182). С. 82-96.
7. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 691 с.

МЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

The mental portrait of an entrepreneur: past and present

Аннотация. В статье сделан небольшой обзор понятий «ментальность», «менталитет», кратко раскрывается вопрос составления ментальных портретов. Предпринята попытка составить, насколько это возможно, ментальные портреты предпринимателя прошлых лет (на примере уникального человека Н.И. Путилова – предпринимателя XIX века) и современного предпринимателя (предпринимателя XXI века).

Ключевые слова: ментальность, предпринимательство, менталитет, предприниматели, образ мыслей, предпринимательские качества.

Abstract. The article provides a brief overview of the concepts of «mentality», «mindset», briefly reveals the issue of making mental portraits. An attempt has been made to compile, as far as possible, mental portraits of an entrepreneur of previous years (using the example of a unique person N.I. Putilov, an entrepreneur of the XIX century) and a modern entrepreneur (entrepreneur of the XXI century).

Keywords: mentality, entrepreneurship, mindset, entrepreneurs, way of thinking, entrepreneurial qualities.

Во многих научных областях нет универсального единого определения разных понятий. К тому же часто встречаются и междисциплинарные понятия, которые толкуются в разных науках по-разному. Не является и исключением такое понятие как «ментальность». Изучению данного понятия и его толкованию посвящено множество разнообразных исследований, поэтому здесь рассмотрим лишь некоторые определения из разных словарей (таблица 1).

Таблица 1 – Определение понятий «ментальность», «ментальный», «менталитет»

Понятие	Определение/толкование	Источник
Ментальный	Относящийся к мышлению, сознанию, умственной деятельности.	Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений /Под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. С. 526.
Менталитет	Способ мышления, склад ума, мировосприятия; умонастроение народа, общественной группы, личности.	

Ментальность, менталитет	(< лат. <i>mentalis</i> – умственный, духовный < <i>mens</i> – разум) – внутренний, интеллектуальный мир индивида (индивид), его духовность; характерный для личности или общественной группы способ мышления; склад ума; мировосприятие.	Комлев Н.Г. Иностранные слова и выражения. Москва: Современник, 1997. С. 95.
	От лат. <i>mens</i> – ум, мышление, образ мыслей душевный склад) – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; совокупность готовностей, установок, и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом.	Современная западная философия: словарь / [сост. Малахов В. С., Филатов В. П.]. Москва: Политиздат, 1991. С. 176.
Ментальность	Mentality < лат. <i>mens, mentis</i> «разум, ум, интеллект» — термин американского философа Р. Эмерсона (Ralph Waldo Emerson, 1856); в научный оборот введен французским этнологом и социоантропологом Л. Леви-Брюлем (Lucien Lévy-Brühl, 1922). 1) Мировосприятие, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания; совокупность психологических, поведенческих установок в недрах определенной культуры под воздействием традиций, социальных институтов, среды обитания. 2) Интеллектуально-эмоциональные особенности индивида, мысли и эмоции которого обусловлены культурой; способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций.	Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзюфович; под ред. М.Г. Лебедева и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 244.

Менталитет	Способность духа, совокупность основополагающих верований индивида или коллектива.	Дидье Ж. Философский словарь: Пер с франц. М. Международные отношения, 2000. С. 242.
------------	--	--

Для составления кратких ментальных портретов предпринимателей XIX и XXI веков, в рамках этой работы, есть возможность рассмотреть только некоторые случаи в прошлом (на конкретном примере Николая Ивановича Путилова) и в настоящем периоде времени (на собирательном образе российского современного предпринимателя). Конечно же, для более полноценного анализа и составления более углубленных, подробных портретов предпринимателей разных эпох, необходимо рассмотреть разные годы, разных предпринимателей, в том числе, российских и зарубежных и др., провести сравнения, проследить изменения в их образе мыслей, поведении и пр., что указывает на необходимость изучить огромный объем различных исторических материалов (авторских научных работ, интервью, описаний жизни и деятельности и т.д.).

Насколько это возможно по сохранившимся немногочисленным материалам попробуем составить краткий ментальный портрет одного из выдающихся предпринимателей конца XIX века Николая Ивановича Путилова. Под ментальным портретом здесь будем понимать совокупность установок, чувств и действий, мыслей, которыми руководствуется человек в своем поведении (для ментального портрета предпринимателя – при осуществлении предпринимательской деятельности). Таким образом, основными элементами такого портрета, исходя из определений понятий «ментальность» и «менталитет», будут: определенный склад мышления/образ мыслей (сейчас выделяется предпринимательское мышление), ценностные установки и ориентации, чувства и особенности/стереотипы поведения.

Отчасти образ мыслей и определенные чувства Николая Ивановича (как и любого человека) для составления портрета можно проследить/отследить по его действиям и выявить при изучении его научных работ и очерков, где он излагает свои мысли [1; 2].

На основе рассмотрения разных исторических материалов, посвященных жизни и деятельности Н.И. Путилова, его заводам, получился следующий ментальный портрет [3; 4; 5; 6]: Николай Иванович как предприниматель трудился на благо своей родины и народа (был патриотом), уделял внимание заботе о своих работниках, показывал уважительное отношение к любому труду, следовал принципам по-

стоянного улучшения, понимал свое дело как непрерывную работу над качеством изделий, продукцией заводов. Н.И. Путилову были свойственны такие качества, как определенная «введливость» в суть проблемы, по возможности доскональное ее изучение для принятия правильных/продуктивных решений, новаторство и изобретательство – привносил/предлагал разнообразные нововведения с целью повышения не только качества продукции, но и направленные на ее соответствие современным достижениям науки и техники, проводил много исследований: «в техническом производстве Путилов сделал несколько достопримечательных изобретений по рафинированию и обезуглероживанию металлов, по их сращиванию и по штамповке артиллерийских снарядов; ему же принадлежит способ постройки зданий из старых рельс» [7, с. 153].

Все его мысли были сосредоточены на любимом деле: в частности, на непрекращающемся обустройстве заводов (как техническом, так и социальном), создании и воплощении различных проектов для обустройства своего города, например, сооружение порта: «с 1869 года Н.И. Путилов отдался мысли соорудить в Петербурге коммерческий порт» [5, с. 9].

Таким образом, Николай Иванович является замечательным примером человека, который посвятил свою жизнь служению любимому делу, не зря отмечается, что «история возникновения Путиловского завода поучительна как доказательство того – чего могут достичь люди с предприимчивостью и энергией» [5, с. 86 - 87].

В настоящее время опыт общения с современными предпринимателями и наблюдения за их деятельностью позволяют сделать некоторые, скорее всего, частные выводы для составления ментального портрета современного отечественного предпринимателя: также остается приверженность меценатской деятельности (очень хорошим примером для подтверждения может служить пример выкупа советских мультфильмов Алишером Усмановым [8]), но выделяется и ряд других качеств, свойственных настоящему времени [9]: импульсивность в принятии решений, склонность к риску (и не всегда оправданному), надежда на поддержку общества и склонность к оптимизму.

Сегодня, предпринимательство – это нацеленность на то, чтобы больше заработать (причем в основном ничего не производя, в просто перепродавая с определенной наценкой за так называемое посредничество), и заработать как можно быстрее, а также жить сегодняшним днем. А с учетом требований экономики потребления и нестабильности, свойственной современному миру, стараться не уделять особого внимания качеству продукции для того, чтобы она быстрее приходила

в негодность и люди больше покупали.

В целом, можно сказать, что портрет современного предпринимателя получился несколько однобоким и скорее всего, со временем, а также на основе, как было сказано ранее, изучения большего количества разных документов, можно будет составить более подробный вариант такого портрета.

Литература и источники

1. Путилов Н.И. Отрывки из лекции академика Остроградского // Маяк современного просвещения и образованности. Санкт-Петербург. Ч.4. 1840. С. 59 – 63.
2. Путилов Н.И. Краткое описание сооружения канонерской флотилии вообще и преимущественно изготовления тридцати двух винтовых машин на частных заводах // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. Т. XXII. № 7. Санкт-Петербург, 1856. С. 185 – 209.
3. Каптерев Н.А. Обуховский сталелитейный завод: [Очерк] Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 76 с.
4. К столетию Путиловского завода. 1801-1901 гг.: [Ист. очерк и описание з-да]. Санкт-Петербург: Путил. з-д, 1902. 120 с.
5. Левицкий М.Г. Путиловский сталелитейный, железнодорожный и механический завод / Очерк сост. полк. М. Левицкий. Кронштадт: типо-лит. Д.М. Комарова, 1898. 89 с.
6. Путиловский завод: [Общие сведения]. Санкт-Петербург, 1892. 20 с.
7. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т.15. Санкт-Петербург: Импер. Рус. ист. о-во, 1910. 560 с.
8. А. Усманов вернул советские мультфильмы в Россию // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/09/2007/5703c8e49a79470eaf766cd6?ysclid=m391ca3zn2499618071> (дата обращения: 08.11.2024).
9. Рудич К. Как мыслят предприниматели: 7 выводов ученых // Журнал Т—Ж. URL: <https://journal.tinkoff.ru/about/> (дата обращения: 08.11.2024).

ПАМЯТНИКИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ КАК ХРАНИТЕЛИ
НАРОДНОЙ ПАМЯТИ И ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА

*Monuments of intangible cultural heritage as guardians
folk memory and the basis for the formation of the mentality of the people*

Аннотация. В работе на примере отечественных фольклорных памятников, включенных ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества, анализируется влияние историко-психологического фактора на формирование ментальности создавших их народов.

Ключевые слова: ментальность, историко-психологические основы, нематериальное культурное наследие, фольклорные памятники.

Abstract. In this work, using the example of domestic folklore monuments, included by UNESCO in the list of intangible cultural heritage of humanity, the influence of the historical and psychological factor on the formation of the mentality of the peoples, who created them, is analyzed.

Keywords: mentality, historical and psychological foundations, intangible cultural heritage, folklore monuments.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «менталитет» определяется как «мировосприятие, умонастроение», а «умонастроение» - как «направленность ума, интересов» [1, с.358, 863]. В свою очередь мировосприятие является этапом на пути формирования мировоззрения. Мировоззрение же влияет на идентификацию человека. В современных условиях формирования нового многополярного миропорядка чрезвычайную важность приобретают этнокультурная идентичность и традиционные ценности, определяющие и защищающие суверенитет народов и стран.

Что же воздействует на мировосприятие народа, направляет его ум, интересы и предпочтения? Несомненно, что на это в значительной степени влияют ценности, прошедшие испытания временем. «Что дольше всего живет на Земле? История говорит: народная память и родное ее дитя – сказки», – заметил известный ученый А.В. Ващенко [2, с.3]. Понимание важности устного народного творчества для формирования ментальности и культурной идентичности народов мира, необходимости его сохранения и популяризации побудило мировое сообщество в лице ЮНЕСКО принять в 1997 году программу «Шедевры устного и нематериального наследия», а в 2003 году Конвен-

цию об охране нематериального культурного наследия.

Россия – полиэтническая страна. В устном народном творчестве народов России в полной мере запечатлены многочисленные исторические события и сформированные ими ценностные ориентиры. В первую очередь обращает на себя внимание, что среди них приоритет отдается духовным, а не материальным ценностям.

«Олонхо» — древний якутский эпос. 25 ноября 2005 года ЮНЕСКО провозгласил его шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. В переводе с якутского языка «Олонхо» означает «То, что было.» В «Олонхо» описывается весь древний мир народа Саха. Само содержание эпоса отражает период разложения родового строя. Считается, что зачатки олонхо возникли еще в период территориальной близости предков якутов к тюрко-монгольским племенам (не позднее VI–VII вв.). П. А. Ойунский, создатель одного из крупных по объему и художественному воплощению текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», отмечал: «Время появления олонхо в виде отдельных повествований о войне должно быть отнесено ко времени татарского и монгольского нашествия на Китай. Древние якуты, ушедшие из Средней Азии, застали эти войны на территории древнекитайской империи» [3]. «Устойчивость сюжетов олонхо работала систему персонажей. Главный герой — это богатырь или богатырка из племени божеств Айыы (или людей, айыы-аймага). Как правило, главный герой с самого рождения наделён множеством необыкновенных качеств (силой, умом, красотой). Основная его цель — выполнение предназначенного судьбой: борьба за создание семьи, защита интересов рода, племени или всех людей» [4]. Олонхо, как отмечает старший научный сотрудник сектора якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибири СО РАН А.Е. Захарова, «... в периоды своего наивысшего живого бытования всегда поддерживалось исключительно самим народом, который во все времена стремился культивировать его как свое главное духовное богатство. В различных жанрах устного фольклора якуты как бесписьменный народ прежде всего стремились сохранить свой язык, фольклор, культуру и историю» [3].

Более 250 лет назад в Забайкалье появились первые группы старообрядцев. Благодаря замкнутому образу жизни они смогли сохранить самобытные музыкальную и песенную традиции, а также прикладное искусство. Культурное пространство и устное народное творчество семейских, как называют издавна в Забайкалье эту этноконфессиональную группу, в 2008 году попали в список шедевров устного и нематериального наследия человечества ЮНЕСКО. В их основе

— культура средневековой Руси, дополненная особенностями, полученными во времена проживания в польских пределах. Затем в это разнообразие влились детали с востока России, заимствованные у бурят. Главным богатством семейских Забайкалья является уникальный распев или крюковое пение. Основой его стал церковный распев, принятый до раскола. Со временем в той же манере стали исполнять и бытовые песни. Большой интерес представляют также духовные, исторические, поучительные и лирические стихи семейских, которые заучивались со слуха и исполнялись старообрядцами с большим мастерством. В духовных стихах часто цитировалось Евангелие, в нравоучительной форме напоминалось о покаянии, о вечных мучениях за грехи людские.

В фольклоре семейских присутствуют и другие жанры — обрядовая и календарно-обрядовая поэзия, лирические песни, сказочная проза, заговоры, похоронная причеть, загадки, поговорки, пословицы, частушки [5].

Современная сказочная фольклорная проза старообрядческой деревни Забайкалья сохраняет в себе религиозно-этические установки, которые на протяжении многих столетий оставались системой ценностей и норм поведения этой этнической группы населения [6, с.14]. В произведениях сказочной прозы, нашли свое отражение и христианство, и элементы мифологического мировосприятия, рудименты языческих верований. Основным жанрообразующим признаком для произведений сказочной прозы является «фактическое», то есть установка на достоверность. Повествователь рассказывает о том, что было на самом деле [6, с.16]. На сюжетно-мотивный состав всего устного народного творчества семейских Забайкалья оказала влияние, прежде всего, история их переселения, которая повлекла за собой процессы единения и уклад жизни семейских, который, в свою очередь, был определен идеологией старообрядчества, подчиненной вере «отцов и дедов», обособленность семейских от другого населения. Старообрядческая идеология повлияла на весь семейный быт и уклад жизни семейских. Замкнутость староверов, их отрицательное отношение ко всякого рода «бесовским увеселениям», неукоснительное выполнение всех заветов старообрядчества наложили свой отпечаток на фольклорную традицию семейских, на их общественный досуг [6, с.18]. Религиозный аспект в мировоззрении семейских играл роль социальной ориентации, составляя модель поведения и образ жизни старообрядцев. Даже их необычайное трудолюбие и способность физически работать «от зари до зари», как отмечает в своих исследованиях Е. В. Петрова, находят объяснение именно в религиозной этике, являвшей-

ся основным ориентиром во взаимоотношениях с государством, церковью, окружающим населением, а также критерием межличностных внутренних взаимодействий в общине и семье [6, с.19].

Современные публикации текстов мифологических рассказов, христианских легенд и произведений апокрифического происхождения, находящихся в живом бытовании у старообрядцев на рубеже XX-XXI вв., свидетельствуют о сохранении у них до настоящего времени определённой системы ценностей и отражении религиозно-этических представлений, составляющих мировоззрение и христианскую идеологию староверов [7].

Литература и источники

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
2. Сказки народов Америки /Сост. и автор вступит. ст. А.В. Ващенко. М.: Дет. лит., 1992. 654 с.
3. Захарова А.Е. Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального культурного наследия человечества. URL: https://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/2009/zaharova_olonho.pdf (дата обращения: 11.10.2024 г.).
4. Олонхо. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D1%85%D0%BE> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Семейские Забайкалья. Уникальный сплав культурных традиций. URL: <https://unesco.ru/news/51-semeiskie/> (дата обращения: 11.10.2024)
6. Кушнарева Л.Л. Христианские легенды и мифологические рассказы в фольклоре старообрядцев: к историографии проблемы // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры: научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. 2022. № 3(23). С.13-27.
7. Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI в.) / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ РУСОФОБИИ: ПОНИМАНИЕ КОРНЕЙ АНТИРОССИЙСКИХ НАСТРОЕНИЙ

*The Historical Psychology of «Russophobia»: understanding the roots of
Anti-Russian sentiments*

Аннотация. В статье рассматриваются основные исторические и психологические аспекты русофобии. Автором кратко проанализированы основные исторические этапы возникновения и развития западной русофобии, а также объяснены психологические причины ее возникновения.

Ключевые слова: фобия, Европа, запад, пропаганда, Россия, стереотипы, страхи.

Annotation. The article examines the main historical and psychological aspects of Russophobia. The author briefly analyzes the main historical stages of the emergence and development of Western Russophobia, as well as explains the psychological causes of its occurrence.

Keywords: phobia, Europe, the west, propaganda, Russia, stereotypes, fear.

Антируссизм и русофобия – явление комплексное, имеющее политическую, социальную и психологическую составляющую. Русофобии подвержены не единицы, а большее количество людей, это позволяет говорить об этом как о массовых психологических явлениях [1].

Фобия возникает вследствие совместного влияния трех факторов: биологического, психологического и социального, – которые еще и взаимодействуют между собой, усиливая или ослабляя вклад каждого в отдельности.

Психологические причины фобий объясняют когнитивные теории («когнитивный» - связанный с мыслительными процессами). В этих теориях фобия рассматривается как следствие искаженных оценок последствий воздействия объекта страха, например, так называемой «катастрофизации»: «я этого не вынесу, это убьет меня».

Социальные причины, как правило, связаны с пережитыми на протяжении психотравмирующими и стрессовыми ситуациями, которые могут выступить пусковыми стимулами для развития фобий. Поражение Запада во многих войнах с Россией является почвой для таких фобий.

К биологической группе относятся те страхи, которые непосредственно связаны с угрозой жизни человека.

На фоне политических событий, разворачивающихся на Украине и вокруг этой ситуации, наблюдается общая тенденция всплеска русофобии в странах «коллективного Запада». Примером реализации русофобии являются практики применения к российским гражданам санкций, ограничения их прав и возможностей людей, имеющих прямое отношение к России. Например, массовое увольнение россиян, связанное с их национальной принадлежностью; ограничения россиян на участие в спортивных мероприятиях; активная публикация в западных СМИ материалов, направленных на формирование предвзятого, негативного отношения к Российской Федерации и т.д. [2].

Исторические аспекты русофобии

Русофобия, как явление, стало широко распространяться еще при польском короле Сигизмунде I. Именно тогда, в 1514 году пропагандисты распространяли в Европе провокационные материалы, в которых утверждалось, что Польша представляет собой оборонительный рубеж Европы, защищая ее от угрозы со стороны «московских варваров».

Наибольшую силу русофобия набрала в 19-20 вв. Так, участие России в конкуренции между Британией в Центральной Азии, так называемая «Большая игра», и в войнах против Наполеона привело к усилению антироссийских настроений в Европе. Русские воспринимались как угроза для Франции, Британии и другим европейским странам. Для этого Запад использовал любые методы с целью обезчеловечения и дегуманизации русских, в том числе активно использовались различные пропагандистские карикатуры и литература.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. позволила усилить русофобскую пропаганду, прибавив к ней эксплуатацию страха западных обывателей перед нашествием большевиков и деятельностью Коминтерна. Усиление революционных идей в Европе и распространение коммунистической идеологии на ее территории вызывало ужас у англосаксов. Страх перед большевизмом был настолько велик, что англичане и французы готовы были сотрудничать с Гитлером и Муссолини, лишь бы противостоять «красной угрозе». Именно так случится «Мюнхенский сговор» в 1938, развязавший руки Гитлеру для начала новой, более кровавой мировой войны, унесшей шестьдесят миллионов людских жизней [3].

Русофобия в нацистской Германии была важной частью идеологической основы и политики Третьего Рейха. Ненависть к славянам, включая русских, была одним из элементов нацистской расовой теории, которая утверждала превосходство арийской расы над другими народами. Славяне, включая русских, рассматривались как «расово

неполноценные» народы [4].

После окончания Второй мировой войны русофобская истерия вышла на новый, более агрессивный уровень. Началась холодная война. Западные страны испугались усиления, как военного, так и политического влияния СССР на мировой арене, в частности в восточной Европе.

С распадом СССР возник новый мировой порядок с доминированием США и их союзников. Многие западные страны начали рассматривать Россию как потенциальную угрозу, несмотря на переход страны к рыночной экономике и демократическим реформам. Наведение конституционного строя в Чечне (1994–1996 и 1999–2009 годы) и грузино-осетинский конфликт (2008 г.), стали источником новых волн русофобии. Западные страны использовали это для подтверждения своей позиции, что Россия представляет угрозу для мирного сосуществования и безопасности соседних стран. К сожалению, даже в 2024 году наблюдается негативная риторика русофобии. Так, на одной из своих конференций президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин констатировал факт: «Русофобия является одним из направлений борьбы с Россией в мире» [5].

Психологический основы русофобии

Русофобию, (также, как и антисемитизм) можно рассматривать как частный случай ксенофобии. Ксенофобия, от греч. *xenos* - чужой + *phobos* - страх - «боязнь чужого» - характеризующегося наличием, с одной стороны страха, с другой - неприятия к иной культуре, этносу, расе и т.д. В основе, данной фобии лежит разделение социальной реальности на «своих» и «чужих», и проявляющейся в эмоциональном, иррациональном негативном отношении к «чужому», в наличии предубеждений и предвзятостей в отношении представителей инаковой группы.

История становления человека в социальном плане проходит через эволюцию стай его ближайших предков в родоплеменные общности, которые вынуждали противостоять друг другу за доступ к природным благам. Находящиеся за пределами племени люди воспринимались либо как реальные и потенциальные враги, соперники, либо как нейтральные чужие.

Общество ушло далеко вперед от примитивной стадии развития, но противопоставление «свой-чужой» по-прежнему определяет содержание межличностных и межгрупповых отношений. Так психика человека считает, что «свой» защитит, а «чужой» – нет. «Свой» для нас всегда «хороший», а «чужой» – если не враг, то, по крайней мере, внушающий опасения. Со «своим» мы вместе и дружим, от «чужого»

мы держимся на расстоянии. Действия «своих», обычно понимаются и оправдываются (виноваты «чужие»), ответные действия «чужих» вызывают только возмущение, оправдания им нет [6].

Как человек воспринимает, что рядом с ними «свой» или «чужой»? Через сознание это решение проходит в малой степени, чаще это складывается из неясных ощущений, но обычно непохожий для нас, непривычный, «другой» человек воспринимается нами как «чужой», а похожий, «как мы» кажется нами «своим». «Своего» психика человека определяет банально через стереотипы - внешние и общность взглядов [7].

Русофобия - специально культивируемое явление

Можно уверенно утверждать, что русофобия – это специально культивируемое культурное воздействие, под влиянием которого у населения коллективного запада формируется предубеждение к представителям русского народа.

Базисом русофобии являются интересы лиц, государств, национальных и наднациональных элит, выступающих стратегическим конкурентом России. Здесь не остается места объективности, достоверности и моральной ответственности. Могущественные вершители судеб, которые мечтают оседлать глобализацию, давно желают ослабить Россию. В период существования СССР западный капиталистический мир представлял нашу страну в невыгодном свете, считая нашу страну «империей зла». Но в конце разрушения СССР, соответствующий нарратив «цивилизованного» мира утих. Ослабленная и погруженная в бедность и индустриализацию страна перестала представляться конкурентам в качестве империи зла. Когда наша страна проявляет лояльность и терпит смертельные для себя интервенции со стороны противника, он забывает о русофобии и мировые СМИ тиражируют сообщения о правильном и верном выборе России. Но как только наша страна противоречит своими действиями интересам мирового гегемона, проект «русифобия» снова приобретает жизнь [8].

По мнению философа Александра Дугина, на Западе доминируют идеи, которые подменяют власть большинства подчинением меньшинствам. В свою очередь, Владимир Путин взял основой своей политики традиционные ценности: защиту семьи, суверенитета государства и обороноспособности страны. В то время как Запад, разделяющий глобальную прогрессивную повестку, не принимает взгляды Путина. А значит, их взгляды не соотносятся с тем, что продвигает Владимир Путин. Отсюда возникает базис для русофобии и отвращения, в том числе лично к главе государства [9]. Исходя из этого напрашивается вывод, когда интересы Европы и нашей страны расходились, возника-

ли различные войны, кризисы - усиливалась и русофобия. Русофобия является идеальным инструментом, чтобы показать собственному населению, кто «плохой», а кто «хороший».

Для наибольшей стереотипизации мышления обычного обывателя западные СМИ активно формируют негативный имидж России в новостных сводках. С этой целью используются «кликбейты», «вбросы» или сообщения с заголовками, провоцирующими страх и гнев, например, о причастности Кремля к отправлению Скрипалей или же теракту против малайзийского Боинга, фальсификации результатов выборов в США. Все это говорит об отсутствии у западных лидеров моральной ответственности и отхода от элементарных принципов дипломатии.

Русофобский нарратив отражает экспансионистские интересы западных элит. Искусственная культивация русофобии основывается на манипулировании сознанием населения Западных стран, формирования страха и ненависти к России. Как правило, страх является сильной эмоцией, которую зачастую используют политики для достижения своих интересов, таких как преодоление экономических и социальных проблем. В условиях кризиса необходимо найти объяснение всем проблемам, найти «козла отпущения» и русские являются для этого идеальной мишенью.

Литература и источники

1. Афаунов А.З., Урумов А. В., Гапоненко О. Ю., Русофобия как разновидность ксенофобии: социокультурный и правовой аспект /Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022 год, с. 22-26. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-kak-raznovidnost-ksenofobii-sotsiokulturnyy-i-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения – 29.09.2024).
2. Дугин: Запад отвергает Путина из-за его ценностей. Интервью Александра Дугина журналисту Такеру Карлосону. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679357> (дата обращения – 29.09.2024).
3. Ильин А.Н. Русофобия Запада: сущность и причины / Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика т.14, №2, 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-zapada-suschnost-i-prichiny/viewer> (дата обращения – 29.09.2024).
4. Марчуков А. Проверка Украиной: социально-политические и психические корни и причины российской русофобии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://russkie.org/articles/proverka-ukrainoy-sotsialno-politicheskije-i-psikhicheskie-korni-i-prichiny-rossiyskoj-rusofobii/> (дата обращения – 29.09.2024).
5. Мюнхенский договор: жертва, ставшая прологом страшной войны. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZRUo6qSAWCLQ03C1> (дата обращения – 29.09.2024).
6. Нацистская расовая идеология. [Электронный ресурс]. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/victims-of-the-nazi-era-nazi-racial-ideology> (дата обращения – 29.09.2024).

7. Ненависть к Путину на Западе неслучайна. О чем говорил Дугин в интервью Карлсону. 30.04.2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rtvi.com/news/nenavist-k-putinu-na-zapade-nesluchajna-o-chem-govoril-dugin-v-intervyu-karlsonu/> (дата обращения – 29.09.2024).
8. Определение: Свой или Чужой [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychologos.ru/articles/view/opredelenie-dvoe-zn--svoiy-ili-chuzhoj> (дата обращения – 29.09.2024).
9. Путин назвал русофобию одним из векторов борьбы с Россией. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass-ru/politika/19537455> (дата обращения – 29.09.2024).

М.В. Кузенкова

M.V. Kuzenkova

ОБЪЕКТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ РОССИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

*An objective understanding of Russia's historical path as the most
important factor in ensuring the consolidation of society*

Аннотация. В статье рассматривается роль изучения истории для возрождения наших традиционных ценностей, понимания особенностей развития России. Автор приводит примеры пагубного влияния антинаучного подхода к изучению истории, что приводит к самым серьезным последствиям для развития страны, к разложению и размыванию ценностей, присущих России на протяжении всей ее истории. Это представляет угрозу российскому менталитету, потере идентичности российского общества, которая, в конечном счете, ослабляет стабильность государства. В статье обращается особое внимание на новый вид гибридных войн, частью которых является фальсификация истории, подрывающая ориентиры и устои общества. Это особенно опасно в эпоху новых технологических возможностей.

Ключевые слова: концепция исторического развития, историческое знание, объективное освещение истории, антинаучный подход, огульная критика истории, негативная трактовка, деидеологизация, фальсификация истории, нравственность, исторические традиции, консолидация общества, новый тип войн.

Abstract. The article is devoted the role of studying history in reviving our traditional values and understanding the peculiarities of Russia's development. The author gives examples of the harmful influence of an anti-scientific approach to studying history, which leads to the most serious consequences for the country's development, to the decomposition and erosion of the values inherent in Russia

throughout its history. This poses a threat to the Russian mentality, the loss of identity of Russian society, which ultimately weakens the stability of the state. The article draws special attention to a new type of hybrid wars, part of which is the falsification of history, undermining the guidelines and foundations of society. This is especially dangerous in the era of new technological opportunities.

Keywords: *concept of historical development, historical knowledge, objective coverage of history, anti-scientific approach, sweeping criticism of history, negative interpretation, de-ideologization, falsification of history, morality, historical traditions, consolidation of society, new type of wars.*

Перед нынешним поколением отечественных историков стоит важнейшая задача разработки новой концепции истории, которая бы смогла стать базой для возрождения наших исконных ценностей. Она призвана помочь обновлению самосознания российского народа, особенно в период решения важнейших государственных задач.

Функции истории многообразны. Это и связь поколений, это формирование сознания, основанного на понимании нашего самобытного исторического пути. Знание истории помогает отделить случайное от закономерного в процессе развития страны. Это и дорога к достижению стабильности через достижение консенсуса в обществе.

Российская история органично связана с всемирной историей. Она мост между культурой Запада и Востока и внесла огромный вклад в мировую цивилизацию. При этом изучение истории России способствует пониманию наших особенностей развития, что дает ориентиры для научного руководства жизнью страны.

Н.М. Карамзин дал четкое определение места истории для человека: «История ... есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности: скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [1].

История нашей страны содержит много трудных и спорных вопросов. Она порой парадоксальна, в ней множество поворотов и несостоявшихся возможностей. С этим связан ряд не до конца осмысленных сюжетов, незавершенных поисков исторической истины, влекущие за собой соответственно различные оценки.

История не догма. Человечество стремится к абсолютной истине, состоящей из относительных истин. При этом они в первую очередь связаны с объективностью, которая накладывается на субъективное мнение конкретного человека и влечет различные трактовки. В связи с этим и не может существовать единственно верный ответ на многообразные процессы нашей истории.

История – фундаментальная наука. Она изучает человеческое общество, используя научные методы, т.е. события в развитии и измене-

нии. Историки открывают новые источники, изменяются подходы к анализу исторических событий. Пожалуй, история сложнее математических формул, в ней постоянно присутствуют новые величины.

Однако это не означает, что автор статьи стоит на позициях релятивизма. Следование фактам, поиск разумного баланса – необходимы. Из опыта собственной истории мы могли наблюдать пагубность антинаучного подхода. С началом перестройки открылись большие возможности для переосмысления нашего прошлого. В 1988 г. началась идеологическая кампания, вдохновленная Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и бывшим заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, а с 1986 г. членом и секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлевым. Для отвлечения людей от неудач в экономике, они решили перейти к информационной перестройке. На XIX Всесоюзной конференции КПСС А.Н. Яковлев возглавил комиссию, подготовившую к 1 июля 1998 г. резолюцию «О гласности» [2]. Он открыто заявил: «Надо было с ней (системой) как-то кончать. Есть разные пути, например, диссидентство. Но оно бесперспективно. Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы своё дело сделали» [3]. Гуманитарным и общественным наукам отводилась особая роль в подрыве так называемого «тоталитарного режима». По сути, она свелась к однозначно негативной размытой трактовке прошлого, лишенной четкой общественно-политической позиции, приводящей к разложению нашей системы ценностей.

Гласность оказалась джином, выпущенным из бутылки. Она стала не рассмотрением определенных ошибок в нашей истории, а обернулась огульной критикой большевизма. С первых же этапов «политики гласности» основной целью вторжения власти в трактовку исторического прошлого стало решение своих политических задач под лозунгом пересмотра исторического пути советского государства. Было поставлено под сомнение понимание и право на существование социализма как системы, дан толчок к разгулу мощной антикоммунистической кампании. Под эгидой борьбы с «белыми пятнами истории» и «преодолением прошлого» публиковались не подкрепленные источниковой базой тенденциозные псевдонаучные публикации. Безусловно, это подвело и почву для выводов о не легитимности СССР, что, по сути, и явилось одной из причин самоликвидации Советского Союза.

Проведенная в 90-е годы XX века «деидеологизация» просто окрилатурила и облила грязью саму историю российского народа.

Подобные технологии применяют и современные либералы в России и за рубежом.

Взгляд, критерии оценок собственной истории должен соответствовать нашим российским интересам, способствовать развитию гордости за свою страну, отстаиванию ее интересов, формированию высоконравственной позиции личности, особенно нашей молодежи.

История – основа консолидации общества. Через нее мы объединяемся, находим свои смыслы жизни, связанные с осознанием единства своей исторической судьбы, памятью о прошлом, его оценкой. Исторические знания рождают «родство по истории», влияют на выбор поведенческих представлений. Это, прежде всего, важно в условиях начавшейся новой «холодной войны».

Если до «перестройки» Запад боролся с коммунистической идеологией, то на нынешнем этапе он начал борьбу с нашей историей. Она стала мишенью для нападок и своих, и западных либералов. В настоящее время фокус нападок, искажений исторических событий, смыслов нацелен, прежде всего, в сторону фальсификации нашего прошлого.

Говоря о фальсификации истории, мы имеем в виду сознательное искажение или утаивание фактов, уход от объективности ради определенных идеологических установок, способствующих разрушению памяти об исторических событиях, которыми мы гордились.

О важности противостояния попыткам фальсификации истории заявил президент России Владимир Путин в приветственной телеграмме по случаю 110-летия Российского военно-исторического общества (РВИО), в ноябре 2017 г.: «...важно уделять неустанный внимание серьезной научной деятельности, твердо противостоять всем попыткам фальсификации истории [4]. По мнению президента, фальсификация истории ведет к разобщению в мире и чревата огромными рисками.

Фальсификация истории – это новый вид войн, которые действительно подрывают ориентиры, устои общества, уводят людей от участия в жизни страны, ее защите и всестороннем совершенствовании и развитии. Обычные войны ведутся с целью уничтожения военных сил противника. Войны за души и умы народа имеют целью изменить ценности общества, его культурный код.

Война с историей является одним из важнейших видов войн неклассического типа. Воздействие в рамках этой войны способно подорвать ориентиры, устои общества, способствовать нежеланию члена общества как-то соотноситься с этим обществом, страной, защищать и развивать их. Подрыв представлений о том, что историческое знание объективно, безусловно, связан с геополитическим противоборством в современном мире. Как справедливо отмечает российский историк И.Н. Смоленский, что продуктом исторического исследова-

ния «на первом плане стоит общество, историческое сознание» [5].

Для противостояния лжи и фальсификациям истории необходим объективный, всесторонний анализ событий, фактов, объективное познание истории.

Поэтому очень важно формировать объективное мнение молодежи в процессе преподавания дисциплины «История России» в вузе. Функции у истории гораздо глубже, чем просто научные и учебные. Она формирует личность, ее гражданскую позицию, без которой невозможна жизнеспособность страны. Без патриотической позиции и чувств, понимания российских национальных интересов, невозможно противостояние новой морали «коллективного Запада». Эту мораль Запад называет «общечеловеческими ценностями», которые нам стремятся навязать и которые считаются единственно верными, а по сути влекущими за собой свое доминирование в мире. Принятие подобной позиции приведет к размыванию нашего менталитета, т.е. социальной общности нации, утрате динамичности в развитии страны.

Особо остро сейчас звучит эта проблема в связи с возможностями компьютеризации. Сети интернета пользуются характерной для молодежи оппозиционностью, нетерпимостью. Рьяное очернительство советского, да и российского прошлого, приводит молодое поколение к разочарованию, растерянности и даже чувству вины, которые выливаются в цинизм и нигилизм их поведения. Завезенная нам в 90-е годы XX столетия концепция деидеологизации гуманитарных наук оказалась вредоносным Троянским конем. Она является идеологией наслаждения, гламура, потребительства, индивидуализма, эгоизма. Она подрывает наши базовые устои, превращая человека в озлобленного волка.

Например, в марте 2023 года в Саратове девушка со своей подругой устроили пьяные танцы на мемориале, посвященном памяти жертвам Великой Отечественной войны, даже плевали в Вечный огонь. Подобные выходки были далеко не единичными – так, Вечный огонь в 2022 г. был осквернен в Ставропольском крае, Бурятии, Улан-Удэ. Без сомнения, надо задуматься о более глубоком, серьезном нравственном воспитании подрастающего поколения. Перед нашим обществом стоит острая проблема – не допустить разрушения личности. В последние годы мы видим невероятные случаи распространения подростковой жестокости. Так, в Москве произошел резонансный случай: две школьницы 14 и 15 лет напали и избили бездомного, который просто спал в торговом центре. В октябре в Курганской области 12-летняя девочка подожгла бомжа, который спал на улице [6]. В искоренении подобной безнравственности огромная роль отводится образованию,

особенно историческому. Культурные ценности, которые несет в себе исторический опыт предков – составная часть нравственного развития личности, ее моральных и духовных ориентиров.

В своей деятельности педагоги всей системы российского образования должны обращать особое внимание на примеры проявления таких человеческих качеств, как добродетель и милосердие, честь. Осознание своей истории, своей православной традиции поможет нашей молодежи выстраивать свой высокоморальный жизненный путь. Исторический материал формирует нравственность, наша история богата примерами героев, продемонстрировавших свои лучшие человеческие качества.

Руководство страны делает огромные шаги к возрождению почти утраченной суверенности РФ и возрождению наших истинных традиционных ценностей, нашего менталитета. Изучение истории поможет нам объединиться вокруг государственной идеи возрождения нашего национального духа.

Литература и источники

1. Карамзин М.Н. Предания веков и История государства Российского в 12-ти томах, т.1., 1816.
2. Резолюции XIX Всесоюзнойконференции КПСС. URL: <https://constitutions.ru/?p=16167&ysclid=m27rau748290160> (дата обращения 07 октября 2024 г.)
3. Яковлев А. Н. Российских фашистов породил КГБ. // Известия. 1998, 17 июня. № 108.
4. В. Путин отметил важность противостояния попыткам фальсифицировать историю. <http://www.finmarket.ru/news/4658324?ysclid=m1v16037yi729829976>. (Дата обращения 04.10.2024)
5. Смоленский И.Н. Проблемы объективности научного познания (Круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С.113.
6. В Шумихе дети сожгли бомжа. URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/08/bomsh/> (Дата обращения 06 октября 2024 г.).

СТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦИИ, СМЕНА ПАРАДИГМЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (1860-1914)

*Becoming France, Paradigm Shift: the Emergence and Creation of a
national Narrative*

Аннотация. Статья посвящена воссозданию в годы Второй империи истории галлов и ее распространению во французских школах (1860-1914). Возвращение интереса к галльскому периоду Франции дали возможность республиканцам -наследникам Леона Гамбетта, утверждать, что Галлия более древнее образование, чем Германия. В результате, перед Первой мировой войной во Франции утвердился национальный нарратив, характерными чертами которого стало возвращение исторической памяти о прежних галльских героях.

Ключевые слова: Франция, создание национального нарратива, преподавание национальной истории в школе

Abstract. This article deals with the construction of the French national novel through the dissemination of the history of the Gauls in the French schools from 1860 to 1914. The renewed interest in France's Gallic period gave the Republicans, the heirs of Leon Gambetta, the opportunity to claim that Gaul was a more ancient formation than Germany. As a result, before the First World War, a national narrative was established in France, the characteristic features of which were the return of historical memory of the former Gallic heroes.

Keywords: France, creating a national narrative, teaching national history at school

Историки французского королевского двора начинали отсчёт рождения французского государства с крещения первого из королей династии Меровингов, короля франков Хлодвиг в 496 г. и последовавшей вслед за этим христианизации страны. Это восприятие истории разделяли Людовик XI и Людовик XIV, благодаря которым в национальной истории Франции важное место занял император Карл Великий (742? -814) и династия Каролингов.

Однако, в середине XIX века стало очевидно, что главный недостаток подобной трактовки истории страны был связан с тем, что зарождение Франции увязывалось с персоналиями явно германского происхождения, в то время как Германская империя, усилиями канцлера Бисмарка, начала объединяться вокруг Пруссии.

В этих условиях неоспорима роль Наполеона III [1] в создании национального повествования. В период его нахождения у власти были

определены политические цели Второй империи: придать истории зримый характер с помощью географических карт, закрепить власть на всей территории страны и «создать нацию». Это стало частью более широкой тенденции, существовавшей в Европе XIX века: создание национальной идентичности путем восстановления исчезнувших коренных культур, в данном случае галлов, для дальнейшей реконструкции истории.

Топографическая комиссия, созданная по распоряжению Наполеона III в 1858 г., начала раскопки с тем, чтобы выявить древние места поселений, упоминаемых в трудах Юлия Цезаря, а также восстановить историю галлов. В результате раскопок была обнаружена обширная сеть дорог, мостов и укреплений, которые были построены галлами для защиты от римских вторжений, не говоря уже о многочисленных предметах повседневной жизни, включая монеты, керамику и оружие.

В создании национального повествования большую роль сыграл пересмотр роли галлов в истории Франции и «вновь открытая» в XIX веке фигура вождя кельтского племени арвернов в центральной Галлии по имени Верцингеторикс, войска которого противостояли Юлию Цезарю.

Верцингеторикс родился около 82 г. до н.э. на территории Арвернии (ныне французская Овернь) и умер в римской тюрьме в 46 г. до н.э. Его заслуга перед страной состояла в том, что он заключил союз с другими галльскими народами, принял командование, объединил все силы и возглавил их в самом важном восстании галлов против римского владычества. В результате победы над войском Юлия Цезаря во время битвы в Герговии римские легионы отступили. Однако позже в битве при Алезии римляне разгромили войска галлов. Чтобы спасти как можно больше своих людей, Верцингеторикс сдался римлянам, попал в плен и, вероятно, был казнен спустя пять лет.

«Открытие» этой мифической фигуры явилось первым шагом в создании нового национального нарратива.

Сам Наполеон III не только сам написал большой труд, посвященный жизни Юлия Цезаря [2], но и способствовал популяризации истории галльских народов. Он поручил скульптору Э. Милле в 1866 г. воздвигнуть семиметровую статую Верцингеторикса на предполагаемом месте осады Алезии (Ализ-Сент-Рен), на постаменте которой указано: *«Объединенная Галлия, сформировавшая единую нацию, движимая тем же духом, может бросить вызов Вселенной»*.

Таким образом, в период расцвета европейского национализма фигура Верцингеторикса сыграла ключевую роль в формировании национальных стереотипов Франции. Следует отметить, что подобная

мифологизация героев происходила в этот период и в Германии, как это было с вождем древнегерманского племени херусков Арминием, войска которого нанесли поражение римлянам в 9-м году н.э.

Несколько лет спустя Франция потерпела поражение во франко-прусской войне 1870 г., что заставило французов осознать внутреннюю слабость своей страны, которая, в отличие от Германского рейха, была связана не глубоко укоренившимся языковым единством, а исключительно общими политическими идеалами, вытекающими из Революции 1789 г. и общей борьбы с внешним врагом в 1792-1793 гг. При этом важно отметить, что Франция и французы - это историко-политическая конструкция, а вовсе не этническое объединение. Франция, если можно так выразиться, это многонациональное государство, в состав которого входят бретонцы, баски, фламандцы, провансальцы, эльзасцы, лотарингцы и многие другие национальности, чей родной язык не является французским. В отличие от Германии, территорию которой населяют в основном немцы, объединенные одним языком, и в которой насчитывается всего 6 % лиц, чей родной язык не является немецким.

В годы Третьей республики, начиная с 1875 г., изучение истории страны стало неотъемлемой частью гражданского и нравственного воспитания [3]. В учебниках для начальной школы Верцингеторикс уже был представлен как основатель Франции, олицетворяющий Родину. Однако Галлия часто изображалась как малоразвитая страна, для которой поражение в войне было благом, принесшим прогресс и цивилизацию.

В начале XX века, при каждом упоминании Галлии в книгах по истории, проводилась параллель с отошедшим в ходе франко-прусской войны к Германии Эльзасом. При этом мужество и самопожертвование Верцингеторикса всегда были в центре дискуссий при обсуждении причин поражения в войне. При анализе библиографии 1878-1900 гг., относящейся к популяризации французской истории того периода, интерес представляют книги, предназначенные для подростков и их семей, в частности, школьный учебник «Путешествие двух детей по Франции» Огюстена Фуйе-Тюильери, опубликованный под псевдонимом Г. Брунон в 1877 г. [4]. Первоначально учебник использовался для обучения чтению в начальных классах школ Третьей республики. В 1914 г. его тираж достиг 7,4 миллиона экземпляров, и он использовался в школах вплоть до 1950-х гг. В учебнике рассказывается о жизни двух мальчиков-сирот, которые, после аннексии Эльзас-Лотарингии прусскими войсками (1871-1919) и смерти отца, отправились на поиски дяди, побывав во всех французских провинциях. В учебнике ка-

тастрофа франко-прусской войны вызывает прямую ассоциацию с поражением Верцингеторикса с разницей в несколько столетий. Причем показывается, что причины поражения вызваны одними и теми же недостатками, присущими галлам и их далеким потомкам: пристрастием к славе, хронической недисциплинированностью, неспособностью считаться с реальностью. В выводах подчеркивается, что подобные недостатки можно исправить с помощью народного образования, открытого для всех французских детей. Прямое сопоставление этих двух поражений также служит для того, чтобы выделить героев, которые в обоих случаях спасли честь Франции, и которые будут служить для будущих солдат образцами патриотизма и гражданственности: Верцингеторикс против Цезаря и Леон Гамбетта против Бисмарка [5].

Интересно отметить основные причины, по которым Верцингеторикс и галлы получили место в светской французской истории. Это произошло не только благодаря французским учителям средней школы, так называемым «черным гусарам Республики» [6; с. 93-102], созданным Жюлем Ферри для формирования мировоззрения подрастающего поколения сельской Франции, но и благодаря ведущим политикам, проводившим параллели с героями прошлого.

Прежде всего, как отмечалось в дискурсе французских политиков того времени, Верцингеторикс и его воины являются образцом патриотизма и первыми среди национальных героев французской истории. Подняв всю Галлию против Цезаря, он предвосхитил действия Дантона летом 1792 г., когда пала монархия, и на стороне Дантона массово выступили добровольцы. Самоотверженное поведение Верцингеторикса после сдачи Алезии напоминало о другой мученице – Жанне д'Арк. Наконец, жестокое заключение на чужбине Верцингеторикса навело ассоциацию с Наполеоном, затворником острова Святой Елены.

В целом, возвращение интереса к галльскому периоду Франции дали возможность республиканцам-наследникам Леона Гамбетта, утверждать, что Галлия более древнее образование, чем Германия.

В результате, перед Первой мировой войной во Франции утвердился национальный нарратив, характерными четами которого стало возвращение исторической памяти о прежних галльских героях. При этом в светских учебниках и книгах по истории неустанно проводилась мысль о том, что если Рим смог превратить дикий народ в современную нацию, то и Французская республика преобразует отсталую сельскую местность в цивилизованную территорию благодаря проведению железных дорог и открытию государственных школ. Таким образом, галлы выдвигались на роль гарантов защиты родины и побе-

ды, а обращение к мифическому прошлому Франции иллюстрировало неизменность национальной идеи.

Литература и источники

1. Anceau E. Napoléon III. Paris: Tallandier, 2012. - 752 p.
2. Charles-Louis-Napoléon Bonaparte (Napoléon III), Histoire de Jules César. Paris: Books On Demand, 2021. - 532 p.
3. Dancel B. Enseigner l 'histoire à l 'école primaire de la IIIe République. Paris: PUF, 1996. - 243 p.
4. Bruno G. Le tour de la France par deux enfants : devoir et patrie : livre de lecture courante avec 212 engravures instructives pour les leçons de choses et 19 cartes géographiques : cours moyen. Paris: France Loisirs, 2007. - 322 p.
5. Barral P. Léon Gambetta. Tribun et stratégie de la République (1838-1882). Toulouse: Éd. Privat, 2008. - 314 p.
6. Муллер Г.Ж. «Чёрные гусары Республики». Роль французских школьных учителей в воспитании молодого поколения накануне Первой мировой войны / А.А. Иерусалимский. Российское учительство в XIX–XX вв.: символы национальной памяти, ценностные практики и исторические нарративы. Сб. научн. ст. Ярославль: Изд.Шукаева и семья, 2024. - 173 с.

В.В. Скурлов
V.V. Skurlov

ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ЮВЕЛИРОВ. НА ПРИМЕРЕ СТОЛИЧНЫХ ЮВЕЛИРОВ САНКТ–ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Genesis and features of the formation of the mentality of a professional group of jewelers. On the example of the capital jewelers of St. Petersburg and Moscow in the 19th – early 20th centuries

Аннотация. В статье анализируются особенности ментальности ювелиров различных городов и фирм. Автор приходит к выводу, что мощная воля лидера фирмы Карла Фаберже позволяла организовать ювелиров разных национальностей в монолитный коллектив, решавший самые сложные творческие задачи. Именно этот коллектив прославил русское ювелирное искусство на многие годы вперед и заложил традиции ювелирного искусства.

Ключевые слова. Ювелирное искусство, Карл Фаберже, ментальность ювелиров.

Abstract. The article analyzes the mentality of jewelers from different cities and

companies. The author comes to the conclusion that the powerful will of the firm's leader, Karl Faberge, allowed him to organize jewelers of different nationalities into a monolithic team that solved the most complex creative tasks. It was this team that glorified Russian jewelry art for many years to come and laid the foundation for the traditions of jewelry art.

Keywords. Jewelry art, Carl Faberge, mentality of jewelers.

Приступая к раскрытию главной темы конференции «Историко-психологические основы формирования ментальности», напомним энциклопедические понятия менталитета, сложившиеся к настоящему времени. Напомним, что как всякая категория, понятие исторически меняется и уточняется.

Менталитет — это склад ума, совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности.

Понятие менталитета включает в себя взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу людей.

Виды менталитета

К типу групповых менталитетов отнесены философский, политический, классовый, экономический, религиозный, эстетический, национальный, этнический, профессиональный, региональный, партийный, исторический (античный и др.), криминальный типы менталитета. Еще одно определение: «Менталитет простыми словами — это «склад ума» или «национальный характер», присущий представителям определённой культуры или народа. То, как люди привыкли думать и действовать, часто не осознавая этого».

Это совокупность умственных, эмоциональных и культурных особенностей, а также ценностей человека или группы, чаще — целого народа.

Мы рассматриваем такую специфическую профессиональную группу, как ювелиры, на примере истории всемирно известного ювелира Фаберже. Фирма существовала с 1842 по 1918 гг., в том числе с 1872 г. — под руководством Карла Густавовича Фаберже (1846 – 1920).

Национальный состав сотрудников фирмы менялся каждые четверть века. Вначале это были немцы и балтийские немцы, с их протестантской этикой. Затем, после отмены крепостного права (1861 г.) в столицы хлынули толпы крестьян. Некоторым из них удалось записаться в Ремесленные цеха. Доля русских сотрудников увеличилась. Напримр, в 1877 г. в Санкт-Петербург прибыл крестьянин из Петро-

заводского уезда Олонецкой губернии Михаил Перхин (1860–1903 г.), с 1884 г. – важнейших сотрудник фирмы Фаберже, исполнивший до 1903 г. 28 императорских пасхальных яиц и обессмертивший свое имя и славу Фаберже. Как отмечал в своих «Записках по истории фирмы» главный мастер Франц Петрович Бирбаум «...Михаил Перхин прибыл в Петербург еще мальчиком без всякого образования, по всей вероятности, даже безграмотным; упорным трудом и сметливостью сумел выбиться из подмастерьев в мастера, организовать с помощью фирмы мастерскую и привлечь к себе способных работников по всем специальностям производства. Соединяя в себе громадную трудоспособность, знание дела и настойчивость в преследовании определенных технических задач, он высоко ценился фирмой и пользовался редким авторитетом среди подмастерьев».

Ювелиры составляли привилегированную часть рабочего класса, его верхнюю прослойку. Журнал «Голос золотосеребряника» (СПб) в своем программной статье в начале 1906 г. отмечал ситуацию встречи ювелира и портного: «Ты портняжка, руку ювелиру не тяни. Мы, ювелиры, при Елизавете Петровне ходили в «мундирах со шпагой». Другие исследователи отмечают креативность русских ювелиров – ремесленников (вспомним знаменитого «Левшу», персонажа писателя Лескова). Поскольку, на рубеже 40-50-х гг. прошлого века слава фирмы Фаберже стала уже бесспорной, то первые биографы фирмы, англичане Г.Ч. Бэйнбридж и К. Э. Сноуман задавали вопросы Евгению Фаберже о национальности мастеров и художников фирмы, стараясь подчеркнуть, что выдающиеся художественные навыки привнесены разными национальностями, но в меньшей степени русскими. Действительно, фирма Фаберже, была интернациональной по составу, однако около 90% московских сотрудников фирмы были российского происхождения. Финская исследовательница Улла Тилландер утверждает, что 70% петербургских ювелиров фирмы были финляндского происхождения. На самом деле, по нашим подсчетам, не более 30%. Не случайно, вернувшиеся после 1917-1920 гг. на родину в Финляндию, финские ремесленники не смогли создать таких шедевров, над которыми они трудились в Петербурге – Петрограде.

Тот же биограф фирмы Г.Ч. Бэйнбридж отмечает такую разницу между русским и английским ювелиром. В Англии разоряющиеся аристократы несли ювелирам свои фамильные драгоценности, отдавали их в залог (режим ломбарда), получали 25% стоимости и не выкупали. Таким образом, ювелир становился обладателем драгоценностей, не прилагая усилий для разработки и изготовления новых фасонов. Карл Фаберже, замечает Бэйнбридж, мог бы идти тем же путем, однако, он

все время искал что-то новое. Хотя мог бы остановиться на трех – четырех фасонах и многократно тиражировать их. Итог исторический известен. Где сейчас изделия английских ювелиров – современников Фаберже? В то время как слава российской фирмы захватила весь мир.

В 1887 г. Карл Фаберже открыл ювелирное отделение в Москве, под руководством петербургского финна Оскара Пиля, а с 1890 г. в Москве стала действовать Серебряная фабрика, численность работающих в которой, к 1895 г. достигла 250 чел. Это было преимущественно русские ремесленники с их менталитетом. Однако в руководстве московского отделения были англичане и итальянцы. Такой симбиоз не мог не привести к конфликту. В 1906 г. англичанин Аллан Боу, которого в 1887 г. Карл Фаберже привлек к руководству, фактически «изменил» Карлу, продав совместный магазин фирмы в Лондоне. Продажу Аллан Боу объяснял отсутствием поставок товара из Московской фабрики из-за революции 1905–1906 гг. в России. Характерно, что Карл Фаберже не стал предъявлять юридических претензий, поскольку, по русской купеческой традиции, полагался на «честное купеческое слово». Но словесная договоренность не входила в понятия английского менталитета.

Следует, однако, отметить, что многолетнее нахождение сотрудников иных национальностей в русском кругу исторически способствовало изменениям в национальном характере и менталитете. Так образовались группа «петербургских немцев» и «московских итальянцев», которые верой и правдой служили Карлу Фаберже.

Несмотря на то, что Москва и Санкт-Петербург были столичными городами, существовали существенные различия в менталитете клиентов ювелирных фирм. Ориентация на клиентов: Санкт-Петербург – это аристократия, Москва – буржуазия и купцы, и только потом – отставные чиновники.

После 1860 г. произошло на фоне бурного развития капитализма становление крупных российских фирм: Сазикова, Хлебникова, Овчинникова, Немирова-Колодкина, Курлюкова, Постникова и др. Однако, по-прежнему, еще с петровских времен, в обеих столицах функционировали Русский и Иностранный ремесленные Серебряные цеха (до 1915 гг.), которые давали аттестаты и дипломы подмастерья и мастеров. Крупные фирмы: Фаберже и Болин работали в обеих столицах. В Москве жалование ювелиров было меньше на 20 %, продукция дешевле.

Франц Бирбаум, главный мастер фирмы в главе «Ремесленная среда, мастера, владельцы и подмастерья» своих Записок по истории фирмы (1919) пишет: «....Встречаются отдельные талантливые ма-

стера, но нет кадра, нет той армии хороших ремесленников, которою держится производство. Создание этого кадра образованных ремесленников есть первое и главное условие дальнейшего развития производства и залог успешной борьбы с иностранной конкуренцией.

Я позволю себе остановиться на характеристике русского ремесленника, с которым я работал в течение более 25 лет. По способностям он, безусловно, превосходит своих европейских коллег, но чего ему недостает — это сознательности, вытекающей из образования и общего развития. Ремесленник, любящий свое ремесло, гордящийся им, редкое у нас явление, а отсюда халатность, недобросовестное отношение к работе, отсутствие выдержки и прилежания. Я видел мастеров, способных в экстренных случаях работать по 60 часов в течение трех суток, но не подстрекаемые нуждою или повышенным заработком они редко работали 8 часов в день. Отсутствие системы в процессе работы также сильно снижает продуктивность нашего ремесленника. В то время как западный ремесленник, методичный во всех приемах работы, избегает благодаря этому многих неожиданностей и дефектов, русский ремесленник беспорядочен, непоследователен в приемах и теряет бесполезно много времени.

Потомственные ремесленники — редкое еще явление в России; большая часть ремесленников сделалась ими случайно. Это элемент, пришедший из деревни с минимумом образования, если не совсем его лишенный. Дети этих осевших в городе ремесленников, получив некоторое образование, никогда не продолжали дело отцов, а находили для себя выгоднее и почетнее другое занятие. При таком положении дела становится невозможным образование кадра традиционных ремесленников, а так как традиции играют важную культурную роль в развитии художественных ремесел, то отсутствие их снижает общий художественный уровень работ.

Опыт революционного времени должен в корне изменить это положение; интеллигенция и полуинтеллигенция могла за это время убедиться, что знание какого-нибудь ремесла служит лучшим обеспечением, чем чиновничья или всякая другая карьера; это капитал, который нельзя ни конфисковать, ни аннулировать. Продукт ремесленного труда всегда будет нужен, это верно даже по отношению к ремеслу, изготавливавшему предметы роскоши, например, ювелирному; даже в настоящий момент, если бы налицо были условия и материалы, необходимые производству, то ювелирные и золотые изделия имели бы сбыт, никогда не виданный ранее.

Я наблюдал работу на одинаковых станках нашего русского ремесленника и австрийца; последний, благодаря методичности своих

приемов и своему прилежанию, выпустил в три раза больше предметов, чем русский за тот же промежуток времени. Если это перевести в часы рабочего времени, то окажется, что австрийский ремесленник может, не опасаясь нашей конкуренции, установить себе трехчасовой рабочий день. Я всегда утверждал, что можно бы установить не только восьмичасовой, но даже шестичасовой рабочий день, если бы эти шесть часов были действительно интенсивной работой. В подтверждение могу привести примеры, когда при сдельной работе продуктивность одного десятичасового рабочего дня равнялась продуктивности трех дней при поденной оплате. Допустим, что такая напряженность работы вредна и не может повторяться изо дня в день, но если мы ее ослабим даже наполовину, то получим в итоге шестичасовой рабочий день. Ремесленной среде недостает знания и света, ведущих за собой сознательность и моральную дисциплину.

Как я уже писал, мастера-владельцы мастерских были автономны в ведении хозяйства своих мастерских, и фирма редко вмешивалась в отношения между мастерами и подмастерьями. Обычно тип мастера был хозяин-эксплуататор, но были исключения < Раппопорт, Перхин, Петров>... Характерно, что эти три мастера были лучшими работниками своих собственных мастерских, то есть лично работали за верстакими и любили свое ремесло; это были художественные натуры. Зато мы видели, как первый из них вынужден был бросить мастерскую из-за нервного переутомления, второй из-за того же переутомления умер, а все три не сумели нажиться, в то время как мастера другого типа в короткое время составляли себе кругленькие состояния. Особенно характерно выступили отношения мастеров к своим рабочим и к фирме, когда в силу революционного времени и Декрета о 36-й пробе пришлось закрывать мастерские. Все расходы по удовлетворению претензий подмастерьев, трехмесячный заработок и т. д. мастера взвалили на фирму, нисколько не считаясь с тем, что они, мастера, получали изряднейший доход от труда своих рабочих. Так как большинство рабочих работало для фирмы, хотя и косвенно, то фирма долгое время удовлетворяла все их требования, и мастерские закрывались с согласия рабочих и без инцидентов. Масса мастеров-владельцев во всем, что не касалось наживы, была инертна, неорганизована, и солидарность совершенно отсутствовала даже в вопросах защиты своих интересов. Существовавшее общество ювелиров мало способствовало их сплочению. Когда к какому-нибудь мастеру бывали предъявляемы требования со стороны его подмастерьев, постановления общества не соблюдались, а он уступал или отказывался удовлетворить рабочих, считаясь лишь со своей собственной выгодой. Общественные просве-

тельные задачи не встречали поддержки и сочувствия большинства; основанный маленькой группой ювелиров, преимущественно торговцев, журнал «Ювелир» должен был прекратить свое существование. Общество содействия художественно-промышленному образованию также. В таком положении находилась производственная среда перед 1914 годом».

Таким образом, можно констатировать, что помимо положительных черт, характеризующих ментальность российского мастера – ювелира, сохранялись еще черты неупорядоченности и хаотичности, а иногда и лени. Вспоминаются персонажи романа Ивана Гончарова «Обломов»: Илюша Обломов и Штольц. Такие персонажи были и в рядах российских ювелиров. И только мощная воля лидера фирмы Карла Фаберже позволяла организовать тружеников в монолитный коллектив, решавший самые сложные творческие задачи, прославивший русское ювелирное искусство на многие годы вперед и заложившие традиции, которые надо изучать.

Е. Э. Овчарова
E. E. Ovcharova

РÉTITION И ЕЁ ПРОИЗВОДНЫЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛЬНОСТИ ЭПОХИ

*Pétition and its derivatives as a psychological characteristic of the
mentality of its time*

Аннотация. В статье на конкретном примере из эпохи, непосредственно предшествовавшей эпохе Великой французской революции, показывается метаморфоза традиционных документальных жанров, которая вполне может свидетельствовать о грядущей эпохе коренных перемен в социальных отношениях.

Ключевые слова: жанр прошений, Вольтер, Жорж Санд, Мориц Саксонский, Мари-Аврора Саксонская, эпоха социальных трансформаций

Abstract. The article, using a specific example from the era immediately preceding the era of the Great French Revolution, shows the metamorphosis of traditional documentary genres, which may well indicate the coming era of radical changes in social relations.

Keywords: *pétition genre, Voltaire, George Sand, Maurice De Sax, Marie-Aurora De Sax, era of social transformations.*

Популярность любого документального жанра, будь то записки путешественников, отчёты о научных исследованиях, посвящения, предпосланные литературным произведениям, судебные отчёты или личные письма, всегда вызывает к жизни определенную рефлексию и подражание, а также распространение разных его модификаций в совершенно иные, отличные от изначальных, области общественной жизни. Подобные метаморфозы являются яркой характеристикой эпохи, часто свидетельствуя о наступлении эпохи перемен в общественном сознании. В данной статье рассмотрен подобный документ эпохи, непосредственно предшествовавшей Великой французской революции.

В архивах многих стран хранится множество прошений, обращённых к власти имущим особам, преимущественно к королям, царям и прочим верховным правителям. Хотя в современной исторической науке существует целый раздел, посвящённый исследованию подобных документов, и разработаны пособия для студенческих курсов по изучению подходов к исследованию данного феномена [2], исследование их корпуса нельзя назвать сколько-нибудь полным, и многие вопросы здесь только ожидают своего специалиста. Причина здесь прежде всего в очень большом количестве и разнообразии такого рода источников. Они синтезируют в себе не только особенности исторической психологии, но и специфику разговорного языка и орфографии прошедших эпох, а также мелкие исторические реалии, значение которых не всегда легко осознать. В русской традиции подобные документы часто называются челобитными, во французской часто используются термины *la pétition*, *la supplique*.

Если говорить о жанре прошений, ходатайств и челобитных, в качестве вышеупомянутого феномена переноса и переосмысления документального жанра, высвечивающего особенности наступающей эпохи перемен, можно рассмотреть опубликованное в первом томе известных воспоминаний Жорж Санд письмо её бабушки Вольтеру, написанное за 21 год до Великой Французской революции.

Бабушкой писательницы была Мари-Аврора Саксонская [Marie-Aurore De Saxe], дочь знаменитого Морица Саксонского, едва не сыгравшего значительную роль в российской истории, внебрачного сына польского короля Августа Сильного, маршала Франции и любимца Людовика XV. Мари-Аврора не пожелала считаться дочерью неизвестных родителей и в юном возрасте через парижский суд юридически подтвердила своё происхождения от своего родного отца. Это позволило ей воспользоваться покровительством Дофины, племянницы Морица Саксонского. Законная внучка короля Августа отдала свою

родственницу в школу Сен-Сир [Saint-Cyr], во многом сформировавшую мировоззрение Мари-Авроры на начальном этапе, выдала её замуж за незаконного, но также признанного сына Людовика XV и при том обеспечила новоиспечённому мужу доходную должность. Брак был крайне неудачен и очень недолго, муж вскоре погиб на дуэли, оставив в наследство молодой вдове преимущественно один только графский титул. Покровительствовавшая ей Дофина вскоре умерла, и Мари-Аврора поселилась в доме своей матери Мари Рэнто [Marie Rintau], актрисы, выступавшей в своё время под именем мадемуазель де Верьер [Mlle Verrières, dame de l'Opéra]. В этом доме бывал весь цвет тогдашней литературной и музыкальной элиты, и именно здесь Мари-Аврора завершила своё образование, не только впитав новые идеи, познакомившись с литературными и историческими трудами и некоторыми их авторами, но и развив до совершенства (о том свидетельствовала Жорж Санд) свои музыкальные и театральные навыки.

Дофина оставила Мари-Авроре небольшую пенсию, которой той при её скромных привычках вполне хватало на жизнь. Однако через некоторое время по неизвестной причине выплата пенсии прекратилась. Мать Мари-Авроры имела в своём активе лишь приятную внешность, умение поддерживать добрые отношения с окружающими, которое позволяло ей вести обеспеченную жизнь без особых средств к существованию, и способность окружать себя умными и влиятельными людьми, благодаря чему её дом стал настоящим интеллектуальным салоном. К моменту потери Мари-Авророй королевской пенсии она уже умерла, оставив после себя только огромное количество долгов. Однако при том мать сумела передать дочери такой бесценный нематериальный актив как славу её отца, маршала Морица Саксонского. Охладев к возлюбленной, рыцарственный к своим дамам сердца Мориц признал свою дочь при её рождении.

Мари-Аврора удалилась жить при монастыре, как то было принято в ту эпоху в высшем обществе, поскольку она не имела больше родственников, с которыми она могла бы жить. Но она осталась без средств к существованию.

Причины, по которым она больше не стала обращаться с прошением о помощи в королевскую семью, к сыновьям Дофины, старший из которых под именем Людовика XVI взойдёт на французский престол через четыре года, может быть темой отдельного исследования. Несколько позже, в период революции, Мари-Аврора подвергнет себя и своего сына смертельной опасности, оказав принцам, взгляды которых не разделяла, существенную материальную помощь из чисто родственных побуждений, но сама просить у них она никогда ничего

не пыталась. Зато в этот сложный момент она написала своего рода *rétition*, прошение с просьбой о даче ей рекомендательного письма к новому покровителю, и не кому-нибудь, а Вольтеру, с тем, чтобы на основе рекомендации великого философа получить затем помощь от какой-нибудь знатной особы. Хотя письмо Мари-Авроры Саксонской и выходит за рамки жанра *rétition*, да и вообще не может быть к нему отнесено, это была вполне серьёзная просьба, на которую Вольтер, вдруг оказавшийся в роли короля, в некотором замешательстве отозвался, хотя и с долей иронии, но вполне сочувственно, и даже дал совет, как действовать дальше.

Заметим, что важность адекватного обращения в такого рода документах вообще трудно переоценить. Это хорошо понимала, например, такая поднаторевшая в документальных жанрах структура, как российская бюрократия, во все времена неразлучная с любым заметным общественным явлением. В XVII в. она разразилась по этому поводу законом, согласно которому любой проситель, неверно указавший в челобитной достаточно сложный титул московского царя, мог быть заключён в тюрьму [1].

Примечательно начало письма, содержащее те титулы, которые представляются его автору важными в данном контексте: «*C'est au chantre de Fontenoi que la fille du maréchal de Saxe s'adresse pour obtenir du pain.*» 'Дочь маршала Саксонского обращается к певцу Фонтенуа в поисках хлеба насущного' [3]. <Здесь и далее: перевод мой – Е.О.> . В качестве титула просительницы, дающего ей безусловное право на помощь, выступает «дочь маршала Саксонского», в качестве титула покровителя, благодаря которому он располагает возможностью оказания помощи, выступает «Певец Фонтенуа», т. е. знаменитой битвы при Фонтенуа, успех который был обеспечен маршалом Саксонским.

Подобная формулировка свидетельствует о твёрдой вере автора прошения в существование мира, где духовное лидерство вполне эквивалентно титулу знатного человека, быть может, даже короля. Именно такой взгляд на вещи был усвоен Мари-Авророй в юности в доме её матери, где, как было указано выше, под влиянием лучших умов своего времени она сформировалась как личность. Дочь Морица Саксонского впитала дух той вольнодумной эпохи, что ниспровергла идолов прошлого и яростно отрицала произвол, утверждая в качестве приоритетов личную свободу и человеческое достоинство. Разумеется, тогда мало кто мог предположить, хотя это кажется очевидным, что тем самым неизбежно вызывается к жизни произвол уже совершенно непомерный.

Надо полагать, ирония в ответе Вольтера, вполне осознающего,

что мир ещё не достиг того уровня совершенства, при котором люди оцениваются по их дарованиям и заслугам, проявляется не только в описании его будущего разговора в потустороннем мире с маршалом Саксонским, но и в подписи: «J'ai l'honneur d'être avec respect, Madame, Votre très humble et très obéissant serviteur, VOLTAIRE, gentilhomme ord^{re} de la chambre du roy.» < Имею честь быть, Мадам, Вашим смиреннейшим и покорнейшим слугою. ВОЛЬТЕР, дворянин, камер-юнкер короля.>

Таким образом, Мари-Аврора Саксонская, обладая самым прогрессивным для своей эпохи мировоззрением, просит признанного титана духа с помощью приобретённого им за жизнь авторитета помочь ей обрести нового надёжного великосветского покровителя, который захотел бы обеспечить дочери любимого маршала Людовика XV с учётом его огромных заслуг перед Францией то вполне сносное существование, которое она утратила в связи со смертью королевской невестки. В этом сложнейшем конгломерате новых идей, сложившихся обыкновений и причудливых социальных связей как нельзя лучше отразился своеобразный менталитет человека наступающей эпохи коренных социальных трансформаций.

Литература и источники

1. Бородина Е. В. Челобитная как источник для изучения истории российского общества XVII-XVIII вв.: структура и эволюция формуляра // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 28-33. URL <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.4> (дата обращения 21.09.2022)
2. Cerutti, S. Travail, mobilité et légitimité. Suppliques au roi dans une société d'Ancien Régime (Turin, XVIIIe siècle) // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2010/3 65e année. pp. 571-611. URL <https://www.cairn.info/revue-Annales-2010-3-page-571.htm> (дата обращения 01.09.2022)
3. SAND, G. Histoire de ma vie. Paris: Leipzig, chez Wolfgang Gerhard, 1855.

МЕНТАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Mental and organizational features of Russian charity during the First
World War*

Аннотация. В статье анализируются ментальные, нравственные и организационные особенности, развития благотворительности в годы Первой мировой войны, позволившие привлечь все слои населения для осуществления помощи лицам, пострадавшим от войны. Делаются выводы о необходимости объединения усилий государства и всех слоев населения, о координации всех форм благотворительной работы для создания системы действенной социальной помощи воинам и членам их семей.

Ключевые слова. Первая мировая война. Формы и методы благотворительной помощи. Достижения и недостатки. Нравственные и организационные особенности благотворительности в военных условиях.

Abstract. The article analyzes the mental, moral and organizational features of the development of charity during the First World War, which allowed all layers of the population to be involved in providing assistance to people who suffered from the war. Conclusions are made about the need to unite the efforts of the state and all layers of the population, about the coordination of all forms of charitable work to create a system of effective social assistance to soldiers and their families.

Keywords. The First World War. Forms and methods of charitable assistance. Achievements and shortcomings. Moral and organizational features of charity in military conditions.

Традиции милосердия и благотворительности в России имеют глубокие корни и богатые традиции. Уже в период Киевской Руси существовала благотворительность, но она была делом отдельных лиц, то есть не была включена в круг государственных обязанностей. После монголо-татарского нашествия миссию милосердной деятельности взяла на себя в основном церковь, а князья-правители участвовали в этом как частные лица. В XVI в. появилась идея о развитии государственной помощи, о системе государственного призрения. Но основы этой системы заложил только Петр I, а стройность ей придала Екатерина II, создав приказы общественного I параллельно государственной. Кроме того, в начале XIX в. стала очевидна необходимость большего участия общественности в делах милосердия. Начался бурный рост самых разнообразных благотворительных обществ, учреждений и заведений, то есть частная благотворительная помощь стала более

организованной и приобрела общественный характер.

К концу XIX в. в России насчитывалось более 14 тыс. благотворительных обществ и заведений, из них 6835 принадлежали МВД [1, с. 33]. После реформ 60-70-х гг. XIX в. в результате децентрализации дела призрения в России возникла довольно сложная система социального обеспечения нуждающихся, которая характеризовалась стремлением привлечь к благотворению все слои общества. Особенности организации благотворительной деятельности и ментальных особенностей благотворителей всех уровней наиболее ярко проявились в ходе Первой мировой войны.

Развитие благотворительности в России в годы войны вступило в особую фазу развития, для которой был характерен наибольший размах и охват практически всех категорий населения. В благотворительном движении в этот период участвовали все сословия, профессиональные объединения, общественные организации, государство, церковь, частные лица. Российское общество продемонстрировало в этом вопросе единение самых различных слоев с государством, особенно в первый период войны, сопровождавшийся всеобщим патриотическим подъемом и громадной волной благотворительности.

Большой реальный вклад в дело развития благотворительности в период войны внесли представители императорского дома Романовых. Практически все члены императорского дома вели в военное время активную и многообразную благотворительную работу по оказанию конкретной целевой помощи пострадавшему от войны населению. Эта деятельность выражалась в значительных пожертвованиях, в организации складов, госпиталей, лазаретов, санитарных поездов, в руководстве специальными Комитетами и ведомствами, призванными оказывать помощь раненым и больным воинам, членам их семей, в личной милосердной работе в лазаретах и госпиталях. Мотивы этой благотворительной деятельности проистекали не только из желания укрепить авторитет и престиж династии, но из стремления подать обществу пример, мобилизовать все слои населения для участия в благотворительной работе.

Свой вклад в дело помощи пострадавшим от войны внесла и ведомственная благотворительность, распределенная между министерствами и ведомствами (Министерство внутренних дел, Министерство народного образования, путей сообщения, военное ведомство, Ведомство Учреждений Императрицы Марии, Духовное ведомство, Морское министерство, Министерство земледелия и государственного имущества, Министерство Императорского двора). Особенно большие надежды общество возлагало на Ведомство учреждений

Императрицы Марии во главе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, имевшей огромный опыт благотворительной работы и значительные организационные способности.

Российское Общество Красного Креста имело огромный опыт в организации помощи раненым и больным воинам, оно оказалось наиболее подготовленным к выполнению поставленных военными условиями задач. Но даже такая благотворительная организация, пользовавшаяся поддержкой всех слоев общества, не могла действовать без вливания средств из государственной казны, и с ноября 1914 по февраль 1917 г. для РОКК было отпущено из государственного казначейства 115 млн. руб. [2, л. л. 8-9, 20].

Во время Первой мировой войны была поставлена задача исправить главный недостаток в деле организации помощи семьям лиц, призванных на войну, - отсутствие единого органа, координирующего усилия участников данного направления благотворительной деятельности. С этой целью 11 августа 1914 г. был учрежден Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Его возглавила императрица Александра Федоровна. Верховный Совет осуществлял координационную деятельность по объединению усилий благотворительных организаций по всей стране. Он оказывал финансовую помощь благотворительному движению, направленному на оказание социального попечения и призрения семьям тех, кто воевал на фронтах первой мировой войны.

В Петрограде дело помощи семьям призванных на войну возглавил Особый Петроградский комитет ее Императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны, который опирался как на государственные субсидии, так и на широкую общественную поддержку. Ольгинский Комитет проделал немалую работу по поддержанию и развитию сети благотворительных организаций в Петрограде и Петроградской губернии, на его учете состояло 74064 семейства воинов [3, с. 192].

Уникальный опыт развертывания масштабной благотворительной работы в экстремальных условиях войны накопили такие общественные организации как Всероссийский Земский Союз (ВЗС) и Всероссийский Союз Городов (ВСГ). В Петрограде многогранную деятельность развернул Петроградский городской комитет ВСГ, образованный 10 октября 1914 г. во главе с городским головой графом И.И. Толстым [4, с.10].

Самостоятельным направлением в развитии благотворительности в России в годы войны была частная благотворительность, хотя границы между нею и благотворительностью общественной не были

четкими. Частная благотворительность в стране имела глубокие корни и традиции, она выражалась в самых различных формах – в сборе пожертвований, учреждении заведений попечительства и призрения, устройстве благотворительных обществ, союзов и т.д.

Частные благотворительные организации и общества в Петрограде накопили богатый опыт благотворительной работы по отношению к жертвам войны, показали большой запас милосердия в российском обществе. Но по мере затягивания военных действий и неудач на фронте развитие частной благотворительности наталкивалось на ряд трудностей как материального, так и морально-психологического характера. Без конца эксплуатировать народный патриотизм было невозможно, патриотический подъем сменялся апатией, безразличием, повседневной борьбой за выживание и снижением возможностей для благотворительной деятельности. Кроме того, почти все частные благотворительные организации и общества были мелкими, локальными, с неустойчивым финансовым положением, обслуживающими небольшое количество нуждающихся. Деятельность их в конечном счете сводилась к оказанию единовременной помощи отдельным лицам, что не могло существенно улучшить положение народных масс в целом.

Русская Православная Церковь накопила огромный опыт благотворительной работы накопила в самых различных формах. Во время войны благотворительная работа церкви расширилась и достигла максимума. Духовное ведомство, не получая специальных финансовых средств из государственного казначейства, смогло организовать широкую помощь раненым и больным воинам, инвалидам, членам их семей, беженцам, военнопленным. Формы и способы этой помощи были самые разнообразные, от сбора пожертвований и выдачи пособий нуждающимся, до организации специальных профессиональных курсов и мастерских для инвалидов. Церковные благотворительные организации тщательно старались сохранить свои специфические положительные особенности – тесные связи с прихожанами, точную адресность и своевременность помощи нуждающимся.

Особенно ценной являлась духовная помощь, оказываемая церковью всем категориям населения. Для верующих православных людей она представлялась не менее важной, чем материальная и физическая.

Таким образом, в период первой мировой войны благотворительная работа в России всех слоев общества и государства достигла максимума, но в то же время ярко проявился главный недостаток существующей в Российской империи схемы социальной работы – отсутствие единой организационной государственной системы по-

мощи, в том числе жертвам войны. В годы войны продолжалась междоусобица и несогласованность в действиях между представителями военно-санитарного ведомства и общественных организаций. Не было выработано положения об источниках государственных средств на благотворительную помощь жертвам войны, не был создан единый центр сбора сведений о нуждающихся в помощи, отсутствовал единый государственный орган для координации благотворительной работы по отношению ко всем категориям населения, пострадавшим от войны. По мере нарастания в стране глубоких социально-экономических и политических противоречий становилось очевидным, что необходимы не только объединение усилий государства, церкви и всех слоев общества в деле милосердия и благотворительности, но и коренные преобразования в этой области.

Литература и источники

1. Милосердие / под. ред. М. П. Мchedлова. М. 1998. – 220 с.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1167. Л. 8 – 9, 20.
3. Отчет о деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1916.
4. Известия Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам. 1914. № 1.

И. А. Блажих, И. И. Малюшин, А. С. Куркова
I.A. Blagikh, I.I. Malyushin, A. S. Kurkova

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОБРАЗА ТРАКТОРА В РОССИИ (СССР)

*The historical and psychological legacy of the tractor image in Russia
(USSR)*

Аннотация. В статье исследуется образ трактора в литературе, кино, театре, архитектуре и других направлениях отечественной культуры и искусства, порожденного эпохой индустриализации и коллективизации. Авторы доказывают, что этот образ не стал лишь достоянием истории СССР, а по-прежнему активно исследуется в научных трудах, используется в современных театральных постановках, служит одним из средств патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: индустриализация, коллективизация, образ трактора, использование образа трактора.

Abstract. The article examines the image of the tractor in literature, cinema, theater, architecture and other areas of Russian culture and art generated by the era of industrialization and collectivization. The authors prove that this image has not only become the property of the history of the USSR, but is still actively studied in scientific works, used in modern theatrical productions, and serves as one of the means of patriotic education of young people.

Keywords: industrialization, collectivization, tractor image, use of tractor image.

Символ трактора как культурно-исторического и психологического феномена был порождением успехов индустриализации и коллективизации. Он активно использовался в советском кино. В 1936 году А.З. Добровольский написал сценарий музыкально-комедийного кинофильма «Трактористы», а знаменитый кинорежиссер И.А. Пырьев завершил в 1938 г. его постановку. Сюжет фильма все время вращается вокруг образа трактора. В нем демобилизованный старшина Клим Ярко возвращается с Дальнего Востока после победы Красной Армии на озере Хасан над японскими милитаристами. Перед отъездом Клим показывает друзьям газету «Правда» с фотографией своей землячки Марьяны Бажан — бригадира женской тракторной бригады, кавалера ордена Трудового Красного Знамени. «К ней поеду!» — смеясь, говорит Клим. Члены бригады Марьяны решают устроить новому бригадиру – Климу Ярко испытание с издевкой. Клим пропускает иронию мимо ушей и в ответ пляшет лихой танец вокруг трактора. Потом Клим на слух определяет дефекты тракторного двигателя. Трактористы принимают нового бригадира. Помимо основной работы, Клим

обещает учить их вождению танка, стрельбе и работе в противогазах. Вместо положенного по инструкции плуга шириной 240 см Клим цепляет к трактору плуг шириной 330 см. Мощный трактор типа «Сталинец» успешно справляется с этой задачей!

При вспашке плуг символично выворачивает из земли каску немецкого офицера времен Первой мировой войны. Далее сцена свадьбы опять таки с неотступно следующим символом трактора – тракторист Ярко (жених) в военной форме, невеста Марьяна — в русском сарафане, трактористы — в костюмах. Жених и невеста с орденами. Провозглашается тост: «за трактористов! живите, хлопцы, размножайтесь, веселитесь. Но каждую минуту будьте готовы встретиться с врагом!». Все встают и поют «Марш советских танкистов». (Надо, при этом иметь в виду, что трактор в те годы активно использовался в качестве тягача артиллерийских орудий, а тракторист был одновременно танкистом – артиллеристом). На словах песни «когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин» все поднимают бокалы к портрету Сталина. Так образ трактора в лице трактористов-танкистов поднимается на одну высоту с вождем. Образ трактора использовали в своих фильмах С.П. Эйзенштейн, А.П. Довженко и другие кинорежиссеры [1].

В фильме Эйзенштейна Марфа Лапкина блуждает по бюрократическим лабиринтам только что построенного здания харьковского Госпрома, которое напоминает своими формами трактор. После того, как Марфе удастся получить «добро» на получение вожденного трактора, в ее сновидениях белый призренный трактор въезжает в покосившийся сарай. Далее он проезжает через импровизированную триумфальную арку с портретом Ленина под звуки духового оркестра. На тракторе восседает водитель в шлеме, напоминающем авиационный, в белоснежной манишке, с большими запонками на манжетах и перстнем на мизинце.

Однако, проехав метров десять, трактор глохнет. Крестьяне разочарованы («обманством»), а карапуз лет трех бросает оземь ушанку и плюет. Далее водитель протирает трактор со всех сторон, выполняя едва ли не акробатические номера, действия, достаточно далекие от рациональных и целесообразных, и скорее напоминающие «ворожение ворожей», которые натирают трактор специальным образом приготовленной жабой, производят шаманские вызывания дождя в эпизоде «крестный ход». В ход идут манжеты и манишка тракториста.

Но когда водитель собирается использовать для этой цели флаг, реюющий в отверстии бака для воды, Марфа решительно его останавливает. Вместо этого она начинает отрывать полоски от своих многочисленных юбок, смущаясь от вынужденного стриптиза. Сексуаль-

но-эротический характер этого эпизода современный искушенный зритель едва ли может уловить. Однако в 2007 году в университете Бер Илан в Израиле выходящем из СССР Риной Либерман была защищена докторская диссертация на тему «Трактор как секс-символ советской эпохи», где Р. Либерман пишет именно об этом стремлении С. Эйзенштейна [2].

После того, как трактор заводится, он начинает выполнять различные действия, но скорее символического, чем практического характера — сбивает межевые ограждения, тащит поезд из десятков телег, и, наконец, все завершается апофеозом — механическим балетом, когда множество тракторов ездят по полю кругами.

В фильме Довженко трактор также трактуется как образ-символ. В ожидании трактора герой фильма – Василь вглядывается в ночное окно. Ему видится трактор как скифский курган. Наконец у горизонта, появляется облако пыли над шляхом, затем появился сам трактор и ... встал. И жители села, и колхозники, сопровождавшие трактор, находятся в мучительном недоумении. Наконец колхозники обнаруживают, что кто-то стащил пробку от бака для воды, и вся вода испарилась. Они по очереди мочатся в бак и трактор вновь движется. Этот акт, как и разрывание женского белья у Эйзенштейна, конечно, привносит в напряженное повествование долю юмора, однако, прежде всего здесь идет речь о некотором интимном единении человека с трактором [3].

В г. Королеве, который до 1999 года назывался Калининградом, есть уникальное здание, построенное в начале 1930-х архитектором Павлом Клишевым. Это баня, которая имеет форму гусеничного трактора ЧТЗ. На здании нетрудно найти гусеницы, моторную часть, прицеп и кабину. Баня до сих пор действует — вход в нее и ее фойе помещены в одной из «гусениц». Внутри сохранилась старая скамейка, возможно, довоенного времени.

В Ростове-на-Дону в виде трактора построен театр. Такой необычный проект также связан с эпохой советской индустриализации. Авторы проекта решили, что трактор должен «бороздить просторы театральной нивы» и соединить таким необычным образом искусство и промышленность. В итоге драмтеатр соединил Ростов с его пригородом под названием – Нахичевань и таким образом получилась одна из главных площадей города – Театральная площадь. На открытии в 1935 году театр поразил публику масштабом постройки. В здании было 2 зала – театральный и концертный, огромное фойе, ресторан и даже место, где родители могли оставлять детей. Во время войны здание театра было разрушено. При восстановлении ему сохранили прежний внешний вид [4].

Своим обликом напоминает трактор бывшее здание ДК им. Кирова в Санкт-Петербурге и здание районной администрации на Московском проспекте. Есть, очевидно, и другие примеры, но они уже выходят за рамки данного исследования[5].

В современной России в репертуаре Большого театра «Анна Каренина» (постановка Джона Ноймайера — хореографа из числа тех, о ком принято говорить как о «живом классике») один из главных героев – Левин появляется на сцене на тракторе. Причем была использована настоящая ретро модель, некогда бывшая на ходу и приобретенная у одного из европейских коллекционеров сельскохозяйственной техники после долгих уговоров. Для спектакля трактор был отреставрирован и оснащен электронной системой управления. Судя по бурной реакции зрителей, трактор в «Анне Карениной» принял на себя почтенную роль балетно-транспортного аттракциона, которую еще в позапрошлом веке играли бутафорский слон в «Баядерке» и живые конь и осел в «Дон Кихоте». Подобного рода примеры не единичны и в современной отечественной художественной литературе. Они служат средством патриотического воспитания молодежи, проявляющей неподдельный интерес к советскому времени [6].

Литература и источники

1. Благих И. А. Кино как капитал и политика. Материалы VI Международной научной конференции Центра исследований экономической культуры СПбГУ. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. С. 14-17.
2. Aliaskarova, A., Pashkus, V. & Blagikh, I., Proactive industrial policy as the main strategy for improving Russia's competitiveness in the context of global economic processes // SHS web of conferences. Collection of Materials of the 19th International scientific conference. University of Zilina. 2020. С. 01002.
3. Богомазов Г.Г., Благих И.А. История экономики и экономической мысли России. (серия «Учебники экономического факультета Санкт-Петербургского университета»). М: Издательство «Экономика», 2010. 602 с.
4. Благих И.А. Тысячелетие Русской Правды – обретение новых смыслов. Издательство Воронежского государственного университета, 2016. С. 19-27.
5. Благих И. А., Алиев Э. А. Экономическая политика России в условиях ускоренной индустриализации 1895-1914. СПб.: АРТ-ЭКСПРЕСС, 2012. 140 с.
6. Благих И. А. Теоретико-методологические подходы к обоснованию экономической политики современной России // Проблемы современной экономики. 2020. №2. С. 67-76.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕР КАК РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В СЕРБИИ

Political marker as the development of modern mentality in Serbia

Аннотация. В центре внимания статьи - проблема развития сербской ментальности в условиях современности и исторической памяти. Особый акцент в статье сделан на событиях конца 1990 - гг. повлиявших на формирование ментальности среди сербского общества, особенно среди молодежи, как особой социальной группы.

Ключевые слова: ментальность, Сербия, Российская Федерация, Балканский регион, историческая память.

Abstract. The article focuses on the problem of development of Serbian mentality in the conditions of modernity and historical memory. Particular emphasis in the article is placed on the events of the late 1990s that influenced the formation of mentality among Serbian society, especially among young people, as a special social group.

Keywords: mentality, Serbia, Russian Federation, Balkan region, historical memory.

Трагические события конца 1990-х гг. коренным образом изменили политическую карту и состояние гражданского общества Балканского региона. В результате чего развитие политико-правовых институтов, обострение межэтнических и межконфессиональных конфликтов стали одной из главных причин раскола внутри сербского общества и как следствие изменение его ментальности.

В тоже время, архетип «человек воюющий» сыграл особую роль в становлении сербской государственности и национальной ментальности, наглядно продемонстрировав, как «психология войны» может стать явным катализатором этого неоднозначного процесса [2].

Цель статьи — рассмотреть особенности формирования и становления сербской ментальности в условиях современности.

Смещение Слободана Милошевича привело к власти Югославии представителей «европейской Сербии» во главе с президентом В. Коштуницей. Первые годы правления которого характеризовались не только экстрадией измотаны С. Милошевича, но и многочисленными разоблачениями и скандалами, среди которых можно выделить убийство лидера сербских сил самообороны в Боснии Желько Аркана Ражнатовича и либерального премьера З. Джинжича. Из страны было экстрагировано большое число сербских полевых командиров и ге-

нералов ЮНА, обвиняемых Западом в военных преступлениях. При этом Косово, отторгнутое от Сербии, оказалось под контролем бывших боевиков «Армии освобождения Косово», ставших местными политическими лидерами. Это — Хашим Тачи и Харадинай. Параллельно шел процесс постепенного отделения Черногории от Сербии, где власть устоялась в руках прозападных сил во главе с М. Джукановичем, ранее являвшимся союзником С. Милошевича. Все эти события способствовали ещё большему углублению раскола внутри сербского общества и размыванию граней сербской идентичностей. В результате чего все последующие президенты Сербии, независимо от их политической ориентации – условно прозападной или условно консервативной – были вынуждены лавировать и проводить политику компромиссов в решении внутривнутриполитических вопросов. Они старались продемонстрировать открытость к ЕС и США, одновременно пытаясь выстраивать конструктивные отношения с альтернативными мировыми игроками – Россией, Турцией, Китаем и арабскими странами.

В настоящее время значимая для Балканского полуострова проблема определения сербской ментальности основывается на исторической памяти народа о трагических событиях конца 1990-х, особенно среди молодых граждан Сербии. Подобное состояние общества предопределено многими обстоятельствами. Во-первых, нельзя утверждать, что молодёжь в возрасте от 18 до 25 лет не осведомлена и не помнит о натовских бомбардировках Югославии. Это ложное представление, поскольку эта категория граждан Сербии хорошо знает и помнит о них. В молодежной среде сформировалось представление о том, что бомбардировки были актом несправедливости и агрессии против их государства. Во-вторых, с этой возрастной группой населения никто не работает адресно. К сожалению, национальная элита не прилагает особых усилий для формирования более глубоких и систематических знаний среди молодёжи о прошлом страны, что вызывает некий разрыв между состоянием исторической памяти старшего и младшего сербского поколений.

Исследователь В.В. Кочетков справедливо отмечает, что «общность является отражением внутренней оценки национальной идентичности, она определяет уровень однородности нации, а её формирование происходит за счет мифов и представлений об истории своей страны, ее территории, языке и религии. Отличительность всегда определяет схожесть или различия одной нации от других» [1].

И в этом смысле несостоятельный призыв изменить «балканский или сербский менталитет» на «европейский», так называемый про-

цесс «европизации» — это не просто смена одного партийного билета на другой. Это глубоко укоренившиеся веками поведение людей, их взаимоотношения и психология повседневной жизни. Подобные изменения нельзя провести лишь подготовив нормативно – правовые акты или издав постановление, необходима глубокая и трудоемкая работа со всем сербским социумом. Народы, населяющие Старо-Планинский полуостров, если кого-то вдруг обременяет название «Балканский», идет «к Европе» своим путем, сохраняя черты и особенности своей национальной ментальности.

Важно, что на президентских выборах в 2017 г. действующий президент Сербии Александр Вучич озвучил уже ставшую традиционной политическую мантру: «европейский путь и дружба с Россией». Это важное положение внешне – политической доктрины составляет основу курса современной Сербии. Консолидация общих культурных традиций, похожесть языка, мелодии музыкальных произведений и многое другое достаточно сильно роднит сербский и российский национальный менталитет. Именно поэтому важно не только беречь это самобытное национальное богатство, но и способствовать тому, чтобы идея сохранения национальной ментальности заняла своё особое место в мировом культурном славянском наследии.

По словам исследователя С. Н. Трубецкого, «сила государства — в его жизненных принципах, во внутреннем единстве духа, которое обуславливает его политический и культурный строй» [3].

Таким образом, несмотря на манипуляцию современной европейской информационной среды, сербская ментальность в лице сербского народа активно развивается и совершенствуется. Поиск национальной идентичности, тенденции к консерватизму, пути развития общества должны стать маркёрами современного пути развития Балканского полуострова. Сербия — это государство, которое стремится сохранить свои вековые ценности, основанные на дружбе и взаимопонимании, терпимости и веры, исторической памяти народа, проявление которых можно найти и в принципах государственного управления.

Литература и источники

1. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник международных отношений и мировой политики. 2010. № 1. С. 5–25.
2. Пономарева Е.Г. 2005. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии // Полис. № 3. С. 34–43.
3. Трубецкой С.Н. О природе, человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1891. № 2, С. 152.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ
ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В
СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ 1756 – 1763 ГГ.**

*Psychological aspects of personalization of the officers of the Russian
artillery in the Seven Years' War of 1756-1763*

Аннотация. Представлены обобщенные сведения из архивных документов периода Семилетней войны 1756-1763 гг. о примерах действий офицеров артиллерии русской армии, чьи мужество и самоотверженность, умелое командование зачастую спасали положение, обращая практически проигранные бои в победы.

Ключевые слова: Семилетняя война, психология, военная история, офицеры, артиллерия, персонализация.

Abstract. The information from archival documents from the period of the Seven Years' War of 1756-1763 is summarized. Examples of actions of artillery officers of the Russian army, whose courage and dedication, skillful command often saved the situation, turning almost lost battles into victories.

Keywords: Seven Years' War, psychology, military history, officers, artillery, personalization.

Растет интерес российских историков к «человеческому измерению войны», которая подвергает серьезному экзамену психику человека. Вывести на сцену истории тех, кто воевал и перенес ее тяготы и лишения, рассмотреть «историю войны в антропологическом и психологическом ракурсах» [4].

Под персонализацией истории понимают показ в исторической ретроспективе подробностей или деталей, которые отражают реальную жизнь людей. Военная история сегодня наряду с эпическим описанием сражений в рамках военно-исторических исследований в изучении архивных документов середины XVIII века обращается к теме «человек на войне».

Сегодняшнее поколение сможет назвать в истории Семилетней войны вероятно только П.А. Румянцева и А.В. Суворова, чье становление как полководцев, пришлось на эти годы. Поднимая вопрос о персонализации командного состава в примерах боевого применения, следует отметить, что лишь главнокомандующие русской армией в заграничном походе С.Ф. Апраксин, В.В. Фермор, П.С. Салтыков, А.Б. Бутурлин, глава русской артиллерии П.И. Шувалов и командующий артиллерией действующей армии К.Б. Бороздин были отмечены исто-

риками [5]. Фамилии генералов М.А. Толстого, К. Нотгельфера, П.П. Гольмера, И.Ф. Глебова, командовавших на разных этапах Семилетней войны артиллерией действующей армии, артиллерией Обсервационного корпуса, Бомбардирским корпусом, мало кому известны. Фамилии и имена почти 150 артиллерийских офицеров, непосредственных участников Семилетней войны 1756 – 1763 гг., пропали в круговороте событий этого периода военной истории России.

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС) в г. Санкт-Петербурге хранятся сведения о деятельности артиллерии периода Семилетней войны, позволившие персонализировать офицерский состав артиллерийского корпуса [1].

Списки – основная форма групповых документов того времени, помогли не только вернуть из небытия фамилии тех, кто отличился в сражениях той войны, но и почувствовать психологию подвига офицера-артиллериста. Списки формулярные, аттестационные, старшинства, раненых и убитых дали возможность показать тех, чьими усилиями добыта слава русской артиллерии. На основе почти 50 изученных списков был составлен сводный список офицеров артиллерии, проходивших службу в действующей армии по состоянию на 1759 год [6, л. 212-224].

В связи с более чем 90 % охватом списками от числа всех офицеров данная выборка является репрезентативной и позволяет обобщать сведения по их происхождению, образованию, служебной деятельности, боевому опыту, ранениям и потерям командного состава. В рамках статьи нет возможности опубликовать сводный список полностью. В таблицах 1 и 2 представляются обобщенные сведения о боевом опыте и потерях офицерского состава артиллерии в сражениях Семилетней войны.

Таблица 1. Сведения о боевом опыте офицерского состава артиллерии в Семилетней войне (к 1756 г. и 1759 г.).

Категория	Количество	1756 год	1759 год
Обер-офицеры	79	7	75
Штаб-офицеры	27	14	20
Всего*	106	21	95

* - из 145 офицеров по списку в списки включены те, чьи воинские звания на 1759 год были известны.

Списки офицерского состава показывают отсутствие боевого опы-

та участия в походах и войнах у 90 % младших офицеров и даже у 52 % старших офицеров. Это и могло стать одной из причин неуверенных действий молодых офицеров в первых сражениях войны под Цорндорфом и Егерс-дорфом. «Боевая обстановка и ее опасность вызывают нарастание психического напряжения. В боевых условиях перед каждым военнослужащим стоят две задачи: выжить и выполнить боевое задание» [7, с. 310].

Восприятие войны мы видим через материалы расследования по приказу генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова, возглавлявшего артиллерию и инженерный корпус, действий офицеров-артиллеристов в разных ситуациях сражений от просчетов в командовании и управлении подразделениями до потери орудий в боях (47 орудий – в полевой артиллерии, 42 – в Обсервационном корпусе).

Психологию и драматизм ситуаций можно представить по ответам офицеров на заданные вопросы. Так, подпоручик Бомбардирского корпуса Александр Хомутов, командовавший шуваловскими «секретными» гаубицами, писал: «из орудий стрелял, сколько хватило сил и возможностей», хотя, из 18-ти человек штата гаубиц убиты - 2 и ранены - 13. Можно видеть, что «как он лично, так и прислуга при его орудиях, исполнили свой долг до конца». Поручик Михаил Хрушов сколько было возможности, стрелял из своих двух гаубиц (из одного орудия было выпущено 40 залпов, из другого – 35, после чего орудийный ствол разорвало). К этому времени у орудий осталось лишь два артиллериста, остальные были убиты, ранены или разбежались.

Подпоручик Александр Сумароцкий командовал двумя орудиями тяжелой полевой артиллерии и при наступлении прусских войск «сколько возможно» вел огонь по неприятелю и израсходовал все снаряды из ящиков, находившихся при орудиях. В команде капитана Алексея Лецкого было ранено 6 человек, одну гаубицу разорвало. Лецкий распорядился отвезти ее в тыл, а сам он остался у другого орудия и руководил огнем. Командир одной из шуваловских «секретных» гаубиц штык-юнкер Иван Полозов командовал солдатами при орудии, пока не был тяжело ранен. Впоследствии он скончался от ран.

Офицеры, уцелевшие при наступлении прусской пехоты и атаках конницы, оставались при орудиях и покидали поле боя лишь тогда, когда на позициях появилась прусская кавалерия. Генерал К.Б. Бороздин в рапорте П.И. Шувалову об офицерах: отмечал: «Оные до последнего издыхания, а прочие до излития крови и крайнего от ран изнеможения, стояли и усердно действовали, чем доказывают смерть и многие их раны». Вместе с тем, «за отлучение во время сражения с места баталии» ряд офицеров понесли наказание и в отношении их

было «велено употреблять без очереди в партии и командирования в течение полугода».

Выдающийся историк артиллерии и военный археолог, создавший и возглавлявший Артиллерийский исторический музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) Н.Е. Бранденбург привел поименные сведения об убитых, умерших от ран и раненых офицерах полевой артиллерии, Бомбардирского и Обсервационного корпусов под Цорндорфом 14 августа 1758 г. Он отметил и потери среди рядового состава. Из 529 состоявших в списках на день сражения нижних чинов артиллерии - убито, умерло от ран и пропало без вести – 152, ранено – 175 человек [3, с. 300-301].

Таблица 2. Обобщенные сведения о потерях офицерского состава артиллерии в сражениях Семилетней войны на 1759 г.

	Сражение при Цорндорфе 14 августа 1758 г.		Сражение при Пальциге 12 июля 1759 г.		Сражение при Куннерсдорфе 1 августа 1759 г.	
	Погибли	Ранены	Погибли	Ранены	Погибли	Ранены
	18	20	1	12	5	19

В сражении под Пальцигом 12 июля 1759 года российская армия, выстояв против трех неприятельских атак, обратила прусскую пехоту в бегство. 1 августа 1759 года прусская армия потерпела самое сокрушительное поражение в этой войне под Куннерсдорфом. В донесении главнокомандующий П.С. Салтыков писал: «Все и каждый, от генералов до последнего солдата, так должность свою исполняли, как только от верных подданных и храбрых людей ожидать можно, а артиллерия чрезвычайно сильно и с успехом действовала». Рапорта о действиях артиллерии в сражениях, об отличившихся генералах и офицерах, представляли их к званиям и наградам, отмечали личное мужество и героизм, умелое командование войсками.

Для русской армии «характерными чертами были патриотизм, религиозность, высокие духовные идеалы, основанные на православных традициях, гуманность, развитые чувства офицерской чести и воинского долга. Военная история России XVIII столетия показывает, что военные кадры, и прежде всего офицерский корпус, являются общегосударственным достоянием» [2]. Помнить тех, кто возглавляя русских солдат, своей самоотверженностью приближал победу на полях сражений, умножая славу Российского оружия – нет более значимой миссии сегодняшних поколений.

Литература и источники

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Дела командные (ДКМ). Д 291. Л 379 – 384.
2. Белоусов И.И. Кадровая политика Российского государства в армии и на флоте в XVIII веке: автореферат дисс. докт. ист. наук. – М., 2008. – 50 с.
3. Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны// Артиллерийский журнал. 1898. № 4. С. 277 – 310.
4. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
5. Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Выпуск I. – М., 1886. – 332 с.
6. Оточкин В.В. П.И. Шувалов и русская армия 40-х – начала 60-х годов XVIII века: дисс. канд. ист. наук. – СПб.: СПбГУ, 1999. – Прил. 7. С. 212 – 224.
7. Психология и педагогика. Военная психология / под ред. А.Г. Маклакова. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.

Т. М. Смирнова

T. M. Smirnova

БОРЬБА С РЕЛИГИОЗНЫМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)

*The struggle against the religious worldview among national minorities
Leningrad and the region (1920s – early 1930s)*

Аннотация. Рассмотрен вопрос о работе советских органов по преодолению религиозности национальных меньшинств Ленинграда и области в период перехода государственной политики от официальной безрелигиозности к активной антирелигиозной деятельности. Выявлены особенности деятельности священнослужителей разных конфессий. Названы причины неэффективности борьбы с религиозным мировоззрением в указанный период.

Ключевые слова: Ленинград, Ленинградская область, национальные меньшинства, религия, конфессии, религиозное мировоззрение

Abstract. The issue of the work of the Soviet authorities to overcome the religiosity of the national minorities of Leningrad and the region during the transition of state policy from official irreligion to active anti-religious activities is considered. The peculiarities of the activity of clergymen of different faiths are revealed. The reasons for the ineffectiveness of the fight against religious worldview in the specified period are named.

Keywords: Leningrad, Leningrad region, national minorities, religion, confessions, religious worldview

Отношения государства и церкви в СССР прошли несколько последовательных стадий. Отправным моментом стал декрет СНК от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», положения которого были закреплены Конституцией РСФСР 10 июля 1918 г., статья 13 которой гласит: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [1]. Борьба с религией признавалась необходимой, но первоначально мыслилась в рамках идеологической. Однако во время гражданской войны, когда различные конфессии выступили против советской власти, политика государства по отношению к религии ужесточилась, что выразилось в массовом закрытии культовых зданий и репрессиях против священнослужителей. Но уже в 1922 г. в документах ЦК РКП(б), посвященных борьбе с религией, указывалось на необходимость особой осторожности при принятии мер, затрагивающих религиозные чувства широких народных масс. При этом особо выделялось требование «тщательно избегать всего, что дало бы повод какой-нибудь отдельной национальности думать, что мы преследуем людей за их веру» [2, с. 93–94].

1920-е гг. – годы нэпа – в СССР были относительно «безрелигиозным», а не антирелигиозным периодом, власть прямо не вмешивалась в непосредственную конфессиональную деятельность. Несмотря на создание в 1925 г. в СССР Союза воинствующих безбожников (СВБ), выходными днями были также религиозные праздники – борьба с ними велась в рамках агитационных кампаний. Это также период так называемого безрелигиозного воспитания в школах, когда Наркомпрос в своем методическом письме официально признавал, что «никакого особенного внедрения антирелигиозности в душу ребенка совершенно не нужно», необходимо «просто проходить» учебную программу светской советской школы, используя для наглядности краеведческий материал [3, с. 43].

«Великий перелом» конца 1920-х гг. – свертывание нэпа, начало массовой коллективизации, переход к форсированной индустриализации – привели к новому обострению отношений советской власти с религией, и с 1928–1929 гг. прежняя сдержанная государственная политика сменилась открытым антирелигиозным наступлением. Снова активизировалась кампания по закрытию храмов и административные меры против священнослужителей. Но одни эти меры не могли преодолеть религиозное мировоззрение масс населения.

Особого внимания требовали дети и молодежь – ведь они нахо-

дилась еще и под влиянием своих родителей и других старших родственников, и в борьбу за новое поколение вступила школа. Началась активная антирелигиозная работа в школах под лозунгом «Борьба против религии – борьба за социализм». В 1930/31 учебном году при районных отделах народного образования была создана специальная антирелигиозная инспектура [3, с. 44–46]. Результаты обследования ленинградских школ в 1929 и 1931 гг. показали увеличение количества атеистов с 45,8 до 76 проц., однако, хотя назвавших себя верующими стало 7 проц. вместо 24,8 проц., но число колеблющихся, «атеистов со срывами» и давших неопределенные ответы все еще оставалось значительным [3, с. 49].

Антирелигиозная работа среди национальных меньшинств Ленинграда и области осложнялась не только их этническим, но и конфессиональным разнообразием, при этом конфессиональная принадлежность ощущалась ими как составная часть самоидентификации среди инонационального и иноконфессионального большинства населения. В проекте резолюции Обкома ВКП(б) «Об антирелигиозной работе среди национальных меньшинств Ленинградской области» (1928 г.) это обстоятельство подчеркивалось с упором на классовое содержание: «В своей пропаганде среди нацменьшинств духовенство пользуется смешением понятий национальности и религии, стремясь, таким образом, затмить классовое сознание трудящихся и отвлечь их от задач социалистического строительства» [4, л. 87]. В документе выделены особенности деятельности духовенства разных конфессий. Так, лютеранское духовенство, отличающееся «от православных попов большей культурностью», действовало по образцу советской политпросветработы: среди финского и эстонского населения области создавались хоровые и драматические кружки, кружки кройки и шитья, выпускались стенгазеты, проводились семейные вечера, оказывалось юридическое консультирование, устраивались воскресники по ремонту церквей. При слабой работе красных уголков и изб-читален, а то и отсутствия их во многих деревнях эта работа пасторов притягивает население, особенно женщин и молодежь. Особенно опасным признавалось влияние пасторов на детей – проводились рождественские елки, детские богослужения, создавались религиозные школы для подготовки к конфирмации.

Среди эстонцев, финнов, латышей и немцев также были распространены различные «секты» – к ним относились в то время другие (кроме лютеранства) протестантские деноминации – баптистов, адвентистов, евангелистов. Используя схожие с лютеранскими пасторами методы, руководители этих «сект» также пропагандировали паци-

физм и христианский социализм, что расценивалось уже в качестве преступлений против власти. Кроме того, эти «сектанты» создавали свою кооперацию, часто были членами сельсоветов и других советских органов, «дезорганизуя их изнутри». При этом, несмотря на соперничество за паству, лютеранские и «сектантские» церковники поддерживали друг друга против «общего врага – советской власти».

Католическое духовенство считалось особенно опасным для власти – польское население региона, традиционно верующее, большинство которого составляли рабочие, проживало преимущественно в Ленинграде, поэтому влияние костела ощущалось очень болезненно. Кроме того, костелу вменялось в вину «внедрение польского шовинизма» в массы. Еще в 1923 г. состоялся судебный процесс над пятнадцатью католическими священниками из Петрограда, итогом которого был расстрел ксёндза Константина Будкевича и тюремное заключение остальных. Методы работы ксёндзов были названы «тонким иезуитским подходом»: они занимались филантропией, помогали больным, содержали школы и мастерские для подростков, а изгнанные из советских школ и детских домов, пытались проникнуть в польские культурно-просветительные учреждения. Интерес к костелу у молодежи поддерживался также его культурной деятельностью – музыкальными, хоровыми и другими кружками на польском языке.

Еврейский клерикализм рассматривался как центр, вокруг которого группировались «разнородные антисоветские элементы» – кроме эппманов, к ним были отнесены сионисты, бундисты и «лица свободных профессий». Проводя большую благотворительную работу, а главное – держа в руках ритуальные учреждения, еврейская община оказывала большое влияние на еврейских трудящихся, занималась религиозным воспитанием детей и молодежи в нелегальных хедерах и ешивах. В документе также приводится любопытная деталь: в проповедях магиды нередко цитировали Маркса, Плеханова, Ленина [4].

Главной задачей антирелигиозной работы справедливо определялась выработка научного (материалистического) мировоззрения, на что была ориентирована образовательная, культурно-просветительная, агитационная и пропагандистская работа. Однако эффективность этой работы среди национальных меньшинств тормозилась не только традиционно высоким статусом церкви и священнослужителей, авторитетом родителей и другого референтного окружения, отождествлением национальной и конфессиональной принадлежности – но также недостаточным уровнем подготовки национального учительства, слабостью и прямолинейностью методики, отсутствием или нехваткой учебной литературы на родных языках и т.п. Очень серьезным препят-

ствием была связь религиозных обрядов с важнейшими жизненными событиями (вступление в брак, рождение детей, смерть и погребение), с национальной культурой и бытом. Так, обряд конфирмации – официальное приобщение юношей и девушек 14 – 15 лет к протестантской церкви – кроме религиозного содержания, был праздником взросления, осознанием своей субъектности среди национального сообщества. Несмотря на борьбу с этим обрядом, в том числе с использованием административных мер, его массовое проведение продолжалось.

Довольно неожиданно для привычного представления о советской антицерковной политике звучат строки из резолюции Третьего Ленинградского областного совещания по работе среди нацменьшинств (1931 г.) : наряду с «совершенно халатным отношением» к антирелигиозной работе, имеются и «левые заскоки» – «формально-административные мероприятия (закрытие церквей без надлежащей и достаточной подготовки) и поверхностная агитация» [5, с. 36].

Государственная борьба с религией, используя различные средства, к концу 1930-х гг. привела к вытеснению религиозного мировоззрения из официальной сферы, но не к его исчезновению. По итогам пятипроцентной выборки материалов Всесоюзной переписи 1937 г.* назвали себя верующими в городах Ленинградской области 43,5%, а в сельской местности – 70,5% лиц в возрасте от 16 лет и старше [6, л. 63].

*Всесоюзная перепись 1937 г. (признанная властями дефектной) была последней, в которой был вопрос об отношении к религии.

Литература и источники

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 51, 20 июля 1918 г., ст. 582 (переиздание в новой орфографии 1942 года). URL: <https://k.rsf.ru/su/1918/1/> (дата обращения 03. 09. 2024).
2. Справочник партийного работника. Вып. II. [М.]: Издательское отделение ЦК РКП, 1922. – 336 с.
3. Поль Н. Ленинградская школа за 15 лет на безбожном фронте // Антирелигиозник: научно-методический ж., орган Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. 1932. № 19–20. С. 43–49.
4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 87–88 об.
5. Резолюция по докладу Ленинградского областного совета СВБ об антирелигиозной работе среди национальных меньшинств // Решения 3-го Ленинградского областного совещания по работе среди нацменьшинств. [Л.]: Изд. Орготдела Лен. Облсполкома, 1931. С. 34–41.
6. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 459. Л. 63–72.

Список участников LVI Международной научной конференции

1. Алексеев Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: morehod800@mail.ru
2. Аленичева Яна Сергеевна — аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), E-mail: alenicheva.spb@yandex.ru
3. Апраксина Татьяна Игоревна — художник, гл. редактор журнала «Апраксин блюз» (Калифорния, США), E-mail: apraksinblues@gmail.com
4. Арутюнян Лариса Вагаршаковна — кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления, Российский экономический университет им.Г.В. Плеханова (Севастопольский филиал) (Севастополь), E-mail: larisaarutunyan@yandex.ru
5. Баканов Александр Владимирович — историк, независимый исследователь (Махачкала), E-mail: mr.bakanov85@mail.ru
6. Бенда Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Заведующий кафедрой естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Бокситогорского филиала (института) ЛГУ им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: bvn.1962@mail.ru
7. Благих Иван Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru
8. Гуркин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург), E-mail: abgur313@mail.ru
9. Гуркина Нина Константиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления (РАНХиГС) (Санкт-Петербург), E-mail: nina-gurkina@yandex.ru
10. Ерошкина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, СПбГУ, факультет Международных отношений, доцент кафедры Международных гуманитарных связей (Санкт-Петербург), E-mail: o.eroshkina@mail.ru
11. Зазерская Татьяна Георгиевна — докторант, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва), E-mail: zazerskaya.tatiana@gmail.com
12. Злобин Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет инженерных технологий (Воронеж), E-mail: dronns@yandex.ru
13. Зотова Анастасия Валерьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, академик РАЕН (Санкт-Петербург), E-mail: anastasiyazotova@mail.ru
14. Иванова Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский Юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург). E-mail: i-natalii@yandex.ru
15. Игнатьева Людмила Николаевна — доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

(Нижний Новгород), E-mail: luda_uk@mail.ru

16. Ипполитов Георгий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: Ippo1953@yandex.ru

17. Калашева Мадонна Михайловна — студент 2 курса магистратуры факультета Высшая школа государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: elladajetta@rambler.ru

18. Кандаурова Татьяна Николаевна — Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва), E-mail: tanikand@mail.ru

19. Козлов Александр Петрович — кандидат исторических наук, доцент, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: petrovich138@yandex.ru

20. Коцюбинский Даниил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), E-mail: kd1965@yandex.ru

21. Кузнецова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург), E-mail: marinahistory@yandex.ru

22. Куркова Анита Сергеевна — аспирант кафедры экономической теории и истории экономической мысли Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), E-mail: anitakurkova@gmail.com

23. Кучумова Екатерина Валентиновна — кандидат философских наук, доцент, Гуманитарный институт, Высшая школа международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург), E-mail: ekaterinakuchumova@yandex.ru

24. Леонов Евгений Александрович — аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), E-mail: e.leonoff@mail.ru

25. Малахова Серафима Игоревна — аспирант 3 года, преподаватель, исторический факультет МГУ им. Ломоносова (Москва), E-mail: serafimasoma@mail.ru

26. Малюшин Иван Иванович — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономической теории и истории экономической мысли Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), E-mail: malyshin@mail.ru

27. Мамедова Наила Вагиф кызы — доктор философии по истории, доцент, преподаватель Исторического факультета Бакинского Государственного Университета (Баку, Азербайджанская Республика), E-mail: elchin.mammadov@gmail.com

28. Мантет Джеймс — литератор, переводчик, редактор по переводу журнала «Апраксин блюз», редакционный советник Mundus Artium Press (Калифорния, США), E-mail: apraksinblues@gmail.com

29. Минц Светлана Самуиловна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар), E-mail: svm201138@gmail.com

30. Муллек Газль-Жорж — доктор исторических наук, ассоциированный исследователь в Реннской бизнес-школе (Франция), E-mail: gael.georges.moullec@gmail.com

31. Надточий Юлия Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва), E-mail: Yfnjxbq-7e@yandex.ru
32. Обухова Елена Алексеевна — студентка 4 курса НГЛУ им. Н.А. Добролюбова по направлению подготовки Зарубежное регионоведение, профиль Китая (Нижний Новгород), E-mail: elena.obukhova.37@mail.ru
33. Овчарова Екатерина Эдуардовна — кандидат экономических наук, доцент; независимый исследователь, писатель, переводчик (Санкт-Петербург), E-mail: ekbs@yandex.ru
34. Оточкин Вячеслав Валентинович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: wjach-otoch@mail.ru
35. Павлова Ольга Константиновна — профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург), E-mail: pavlovaok55@mail.ru
36. Петрова Елена Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), E-mail: petrovaelena70@mail.ru
37. Платова Екатерина Эдуардовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История, философия, политология и социология», Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, E-mail: eplatova@mail.ru.
38. Полторак Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург), E-mail: poltorak2006@yandex.ru
39. Поярков Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: vifk@bk.ru
40. Протоиерей Сергей Фёдоров (Севастополь), E-mail: larisaarutynyan@yandex.ru
41. Сивкина Наталья Юрьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород; старший научный сотрудник научно-образовательного центра НГЛУ им. Н.А. Добролюбова «Славяно-греко-латинский кабинет» (Нижний Новгород), E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru
42. Скурлов Валентин Васильевич — кандидат искусствоведения, эксперт Министерства культуры РФ, ученый секретарь Мемориального Фонда Фаберже (Санкт-Петербург), E-mail: valentinskurllov@mail.ru
43. Смирнова Тамара Михайловна — доктор исторических наук, профессор, профессор каф. истории и философии Гос. ун-та аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (Санкт-Петербург), E-mail: mokva@inbox.ru
44. Сомов Владимир Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород); Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории и теории международных

отношений (Нижний Новгород), E-mail: somoff33@yandex.ru

45. Филатов Тимур Валентинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжской государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: tfilatoff1960@mail.ru

46. Фруменкова Татьяна Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории XIX – XXI вв., почетный доцент РГПУ им. А.И.Герцена, РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург), E-mail: frumentat@yandex.ru

47. Шевчук Игорь Андреевич — доктор медицинских наук, профессор, директор филиала, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Севастопольский филиал) (Севастополь), E-mail: sevastopol@rea.ru

48. Яхутль Юрий Асланбиевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар), E-mail: a075ca@yandex.ru

Содержание

Сивкина Н.Ю., Новосильнов А.С. Битва при Херонее 338 г. до н.э.: тема «боли» и ее влияние на историческую традицию	3
Мамедова Н. В. кызы. Военная дисциплина кызылбашей (по материалам работ франкоязычных исследователей).....	8
Коцюбинский Д.А. «Житие Александра Невского» и формирование завершённо-рессентиментных основ российской ментальности	13
Малахова С.И. Фронда, или травмировавший французов кризис...	25
Полторах С.Н., Зотова А.В. Историко-психологические основы формирования ментальности южных границ Российской империи.....	30
Бенда В.Н. Особенности управления артиллерийским и инженерным корпусами генерал-фельдцейхмейстером Григорием Григорьевичем Орловым (1765-1783)	34
Павлова О.К. Формирование петербургского купечества: задачи власти и менталитет торгового сословия. XVIII век.....	40
Фруменкова Т.Г. И.И. Бецкой: внебрачный сын, сподвижник Екатерины II, чудаковатый аристократ	45
Кандаурова Т.Н. Трансформация ментальности населения военно-поселенных округов в 1810-1850-х гг.....	52
Леонов Е.А. Трансформация казачества как воинского сословия в конце XIX в. по материалам отчетов пробных мобилизаций Кубанского и Оренбургского казачьих войск 1890 – 1892 гг.	59
Петрова Е.Е. Значение трудов Л.А. Камаровского в распространении идей пацифизма в российском обществе в конце XIX века	65
Ипполитов Г.М. К вопросу о некоторых факторах, влиявших на ментальность армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в начале XX столетия.....	68
Алексеев В.В. Армейские граффити в условиях военных конфликтов и боевых столкновений как факт историко-пси-	

хологической ментальности	73
Платова Е.Э. Революционные преобразования в высшей школе 1920-х гг. как основа формирования социалистической ментальности.....	77
Злобин А.Н. Религиозное сознание крестьянского населения Центрально-Чернозёмной области (1928-1934 гг.).....	82
Гуркина Н.К. Духовный облик сельских учителей России в XX веке (постановка проблемы)	86
Минц С.С., Яхутль Ю.А. К вопросу о коллаборационизме на оккупированных территориях Советского Союза в годы Великой Ответственной войны: психологический аспект.....	92
Аленичева Я.С. Формирование новой ментальности у населения, оказавшегося на оккупированной территории в период Великой Отечественной войны, на примерах художественного антисталинизма	101
Зотова А.В., Полторак С.Н. Финансы в годы блокады Ленинграда как отражение ментальности советских граждан	105
Игнатьева Л.Н., Обухова Е.А. Уроки отряда 731: от злодеяний к принятию японским обществом.....	109
Филатов Т.В. О некоторых особенностях восприятия ментальности пролетариата в контексте марксистской социальной философии	114
Кучумова Е.В. Идеология как «отношение к действительности». 118	
Сомов В.А. Консервативные ценностные установки в идеологии и менталитете советского человека.....	123
Зазерская Т.Г. Латышское культурное наследие как мировоззренческий базис национальной идентичности	128
Мантет Дж. «Всему свое время»: Библейские мотивы в популярной музыке второй половины XX века	133
Козлов А.П. Противоречия формирования исторического сознания на постсоветском пространстве.....	138
Шевчук И.А., Арутюнян Л.В., протонеры Сергей Фёдоров Остался верен священному долгу	143

Баканов А.В. Кавказ: культура, психология, ментальность	150
Надточий Ю.Б. Ментальный портрет предпринимателя: прошлое и настоящее время	154
Ерошкина О.Н. Памятники нематериального культурного наследия как хранители народной памяти и основа формирования ментальности народа	159
Поярков А.А., Сычев Д.М. Историческая психология русофобии: понимание корней антироссийских настроений	163
Кузенкова М.В. Объективное осмысление исторического пути России как важнейший фактор обеспечения консолидации общества.....	168
Муллек Г.-Ж. Становление Франции, смена парадигмы: возникновение и создание национального повествования (1860-1914)	174
Скурлов В.В. Генезис и особенности формирования менталитета профессиональной группы ювелиров. На примере столичных ювелиров Санкт – Петербурга и Москвы XIX – начала XX вв.	178
Овчарова Е.Э. Pétition и её производные как психологическая характеристика ментальности эпохи	184
Иванова Н.М. Ментальные и организационные особенности российской благотворительности в годы Первой мировой войны	189
Благих И.А., Малюшин И.И., Куркова А.С. Историко-психологическое наследие образа трактора в России (СССР).....	194
Калашева М.М. Политический маркер как развитие современной ментальности в Сербии	199
Оточкин В.В. Психологические аспекты персонализации офицерского состава русской артиллерии в Семилетней войне 1756 – 1763 гг.	201
Смирнова Т.М. Борьба с религиозным мировоззрением среди национальных меньшинств Ленинграда и Ленинградской области (1920-е – начало 1930-х гг.).....	205

«Историко-психологические основы формирования ментальности»

Материалы

LVI Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 9 декабря 2024 г.

Издательство «Полторак».

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11.

Телефон (факс): +7(950)0241405.

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

<http://clioscience.com/>

Подписано в печать 24.11.2024

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Объем 12 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 34246

